213
Б 741

ЭКОНОМИКА

Проф. М. И. БОГОЛЕПОВ

ЕВРОПА
ВО ВЛАСТИ КРИЗИСА
1920—1922

ПЕТЕРБУРГ
Издательство „ПРАВО"
1922

762

Проверено 1954 г.

МАЙ 2008

П
741

ЭКОНОМИКА

ВЫПУСК
X

Проф. М. И. БОГОЛЕПОВ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЕВРОПА
ВО ВЛАСТИ КРИЗИСА
1920—1922

Пен. Гос. Ордена Ленина Университет
БИБЛИОТЕКА
Юридический Факультет

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВО»
1922

Р. Ц. № 2333. Тираж—4000.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка возникла из попытки подготовить второе издание другой книжки автора, появившейся в Петрограде летом 1921 года под заглавием „Европа после войны". В процессе работы оказалось целесообразным заново написать текст и привести новый фактический и цифровой материал. Глава о валюте отсутствует в настоящей книжке, так как эта глава была издана весною 1922 г. отдельною брошюрою под заглавием „Валютный хаос".

К сожалению, автор был почти лишен возможности использовать для данной работы специальную литературу Европы и Америки и был вынужден ограничиться лишь общей газетной прессой. Этот источник, при всех его многих достоинствах, имеет два больших недостатка: он требует много времени и не обещает исчерпывающей полноты. Последний недостаток отразился и на публикуемой ныне книжке.

Июль, 1922 г.

I.

Последствия войны.

Экономический кризис, возникший в конце 1920 г. и быстро охвативший все мировое хозяйство, сильно осложнен тем, что он разразился в такое время, когда народные хозяйства многих и многих стран не только не успели оправиться от потрясений мировой войны 1914—1918 г.г., но даже не смогли еще как следует войти в орбиту, разорванную той же войной, мирового экономического общения. При таких условиях нет ничего удивительного в том, что кризис принял столь затяжной характер, что народные хозяйства, показавшие во время войны страшную силу сопротивляемости и выносливости, теперь никак не могут преодолеть придавившего их энергию кризиса.

Если последствия войны повинны в том, что современный экономический кризис облекся в столь сложные формы и принял затяжной характер, то, с другой стороны, и кризис является одной из существенных причин, затянувших на неожиданно долгий срок ликвидацию военных последствий. Казалось бы на первый взгляд, что, именно, после войны 1914—1918 г.г. мир особенно быстро оправится и залечит последствия войны, так как последняя война в своей экономической сущности была борьбою промышленных сил и организаций и по необходимости толкала воевавшие страны на развитие их экономического оборудования. Всем памятны те необычайные усилия, которые были употреблены отдельными воевавшими странами на то, чтобы всячески поднять свою промышленную производительность и увеличить свое экономическое оборудование во имя войны, для возможно более полного удовлетворения необычайно высокого и все время возраставшего спроса войны. Можно было бы привести много примеров, характеризующих эти усилия; мы ограничимся указанием на один факт: мировая стальная промышленность, подчиняясь боевому лозунгу, требовавшему „все железо на фронт", поставила в 1917 г. такое рекордное количество стали, о котором не мечтали в довоенную эпоху и какого не скоро дождется послевоенное время. Народные хозяйства отдельных

воевавших стран, в особенности старых индустриальных государств, показали во всем блеске и величии свою жизненную силу, силу своей эластичной сопротивляемости, когда им приходилось перестраиваться на военный лад и приспособляться к совершенно новым условиям работы, созданным войною. Можно думать, что эти усилия еще до сих пор не получили надлежащей оценки. И если припомнить все то, что писалось до войны по вопросу о будущей войне, то придется признать, что человеческие общества были весьма скромного мнения о своих рессурсах и силах; они и не подозревали их истинного диапазона и масштаба до тех пор, пока они не направили их с такою длительною настойчивостью и неслыханным упорством на разрушительные цели войны. Когда же война окончилась, то очень быстро обнаружилось, что необычайные напряжения военной эпохи как бы надорвали жизненную энергию народов. Народы устали, что вылилось в форму резкого понижения производительности труда. Человечество было вынуждено ослабить свой наступательный поход на естественные богатства земли и в об'еме, и в натиске. В результате мир обеднел не только потому, что во время войны были разрушены неисчислимые количества материальных ценностей, но, главным образом, потому, что повсюду сократились ежегодные размеры производства, а если местами они и не сократились, то и не выросли в своей обычной пропорции. В С.-А. Соединенных Штатах народохозяйственный доход за десятилетие 1910—1919 г.г. внешне вырос с 31,4 миллиардов долл. до 65,9 миллиардов, но если учесть падение покупательной силы доллара, то доход 1919 г. определится всего в 37,3 миллиарда. Поэтому правы те американские экономисты, которые говорят, что после войны подавляющая масса населения Соед. Штатов не стала богаче, чем она была накануне войны. Добавим к этому, что если бы американский ценз доходов был произведен не на 1919 г., а на 1921 г., то оказалось бы, что и этого прироста дохода нет, так как в 1921 г., когда мировой экономический кризис охватил и Соед. Штаты, размеры основных производств в этой счастливой стране упали неожиданно низко. Но Соед. Штаты как во время войны, так и после нее находились в особенно счастливых условиях. Во время войны Франция потеряла убитыми 3,6% своего населения, Россия—около 10%, а Соед. Штаты—только 0,10%. До войны С. Штаты были должником Европы, после войны они сделались ее кредитором и заняли первую позицию на мировом рынке. Другие воевавшие государства после войны оказались в условиях несравненно более худших, нежели С.-А. Соединенные Штаты.

Останавливаясь на последствиях войны, прежде всего следует указать на те огромные расходы, которые она вы-

звала в отдельных странах. Сейчас еще нет достоверных статистических подсчетов этих расходов. И вряд ли можно дождаться такой статистики, так как понятие военного расхода страдает неопределенностью, в особенности по отношению к последней войне, когда все народное хозяйство было поставлено на военное положение. Военные расходы, если бы удалось точно установить их цифры, вероятно, способны ошеломить самое живое воображение. Американский военный автор Leonard P. Ayres в своей книге „The War with Germany" определяет военные расходы в собственном смысле этого слова в следующих суммах, во франках по паритету: Великобритания—190 миллиардов, Соед. Штаты—160 миллиардов, Франция—143 миллиарда, Россия—92 миллиарда, Италия—65 миллиардов. Сами французы определяют свои военные расходы в 220 миллиардов франков.

Приведенные цифры настолько огромны, что они теряют конкретное значение. Для того, чтобы осмыслить их настоящее значение, необходимо вспомнить их экономическое содержание, нужно посмотреть на них не с точки зрения бухгалтера, а с экономической точки зрения. С этой последней точки зрения военные расходы представляют собою непроизводительное потребление народнохозяйственных доходов на протяжении четырех лет войны. За этими счетными миллиардами франков стояли миллионы и миллионы тонн чугуна, стали, меди, с'естных припасов, угля, словом всех тех товаров, которые составляют материальное содержание народнохозяйственного дохода. Истребление этих товаров было самой тяжелой стороной войны, рассматриваемой с экономической точки зрения. И когда наступил мир, то в силу политических условий, созданных, главным образом, Версальским договором, военные расходы отдельных государств, т.-е. опять-таки то же самое непроизводительное потребление уже истощенного предшествующей войной народнохозяйственного дохода, сократились далеко не в той мере, в какой этого требовало положение пострадавших от войны государств. Это печальное наследство войны и неудачного мира мешает народнохозяйственным организмам выпрямиться, препятствует процессу оздоровления, затягивая срок пребывания народных хозяйств в санаторных условиях. Не поддающиеся сокращению военные расходы мешают свести концы с концами в государственных бюджетах, заставляют взвинчивать подати и налоги, что сокращает покупательную способность рынка; огромные бюджетные дефициты способствуют дальнейшей бумажноденежной инфляции, ухудшающей условия производства и образования цен.

Почти невыносимое бремя военных расходов заставило мировые державы собрать Вашингтонскую конференцию

(1921 г.), но, как показал опыт, достижения этой конференции были более, чем скромны. Перед означенной конференцией английские газеты опубликовали наличность вооруженных сил в разных странах к моменту созыва конференции. Из этой публикации видно, что к 1 сентября 1921 г. во Франции было 1.034.000 солдат, в Англии—740.000, в Польше—450.000, в Германии—100.000 солдат. „Chicago Tribune", приведя статистику вооруженных сил разных стран, заметила, что в Соед. Штатах один солдат приходится приблизительно на 900 жителей, а в Европе каждый взрослый „несет на своей спине солдата". В Соед. Штатах, где армия доведена до 158 тыс. человек, 1 солдат приходится на миллиона долл. народного богатства и на 25 кв. миль территории (1922. V. 31, europ. ed).

Эти цифры хорошо подтверждают старое наблюдение, согласно которому охрана отвоеванного обходится не дешевле войны. Милитаризм послевоенной эпохи является гандикапом для всех стран, нуждающихся в быстром развитии своих производительных сил. И новые государства, построенные в Европе по версальскому договору, вместо того, чтобы отдать все средства на внутреннее устройство, вынуждены, подчиняясь всеобщему милитаристическому гипнозу, тратить свои последние гроши на оборону. „Европа без мира",—так формулировал свой взгляд на послевоенную эпоху известный итальянский экономист и политический деятель Франческо Нитти. „На глазах таких седых людей, как я, Европа снова может захлебнуться в крови",—заявил Ллойд Джордж во время Генуэзской конференции.

Военные расходы как во время войны, так и после нее, в ожидании новой схватки, истребляют народнохозяйственный доход, отрывая его от нормального и необходимого потребления. Но минувшая война затронула прямо и косвенно и народнохозяйственный капитал, так как она истребила во многих странах огромные количества накопленного богатства. Отсутствие этих богатств мешает налаживать экономическую жизнь, так как весьма часто уничтожению подверглись богатства, играющие существенную роль в процессе производства, напр., железнодорожное имущество, фабрики, заводы, пароходы, дома и т. д. По подсчетам названного выше американского автора во время войны Великобритания потеряла 7.757.000 тонн своего коммерческого флота, Франция—906.000 тонн, Италия—846.000 тонн., Соед. Штаты—395.000 тонн. Это составляет свыше 20% мирового тоннажа накануне войны. Но перечисленные потери далеко не охватывают всех потерь, так как здесь не приведено данных по другим государствам. Укажем еще один пример: во время войны в северной Франции было уничтожено приблизительно 300.000 домов и другие 300.000 домов были повреждены.

Для того, чтобы наладить производство в довоенном масштабе, необходимо все эти капитальные ущербы возместить, другими словами—необходимо значительную часть текущего народнохозяйственного дохода оторвать от прямого потребления и направить ее на ремонт поврежденного и на восстановление уничтоженного войною экономического оборудования стран. Если же учесть то обстоятельство, что после войны почти во всех странах годовые доходы сильно сократились, то будет ясно, что такой ремонт, с одной стороны, по необходимости замедляется, а с другой—болезненно сокращает и без того далеко не полное текучее потребление.

По Версальскому договору, страны, входившие в орбиту Антанты, должны были к 1 мая 1921 г. представить счет своих ущербов от войны, за исключением непосредственных военных расходов. Этот счет интересен для нас в том отношении, что он дает представление о размерах военных ущербов, т.-е. истребленных войною частей народнохозяйственного капитала и об излишней нагрузке по случаю ремонта текущего дохода.

Общая сумма ущербов, причиненных войною, подсчитывается в колоссальную сумму—1.100.000.000.000 франков. „Комиссия по возмещению убытков“ („The Allied Reparations Commission“) опубликовала, между прочим, поступившие к ней к февралю 1921 г. подобные счета отдельных стран („The Economist“, 26 февр. 1921 г.).

Приведем счет, представленный Францией. Он балансируется суммой в 218.541.596.120 франков (бумажных) и означает, что эта, именно, сумма нужна в настоящее время для того, чтобы восстановить все ущербы. Французский счет делится на две части: в первой подсчитаны ущербы, нанесенные войной промышленной собственности (38,8 миллиардов), зданиям (36,8 млд.), оборудованию (25 млд.), незастроенной собственности (21,6 млд.), государственной собственности (1,9 млд.), общественным сооружениям (2,5 млд.), торговому флоту (5 млд.) и т. д., и т. д. Другие страны следующим образом определили свои убытки:

Великобритания .	2.542	милл.	ф. ст.+7.598 милл. фр.
Бельгия.	34.255	„	бельг. франков+2.375 милл. франц. фр.
Япония	832	„	йен.
Юго-Славия. . .	8.496	„	динаров+19.219 милл. фр.
Румыния.	31.099	„	фр.
Португалия. . . .	1.944	контос.	
Греция	4.992	милл.	фр.
Бразилия	1.216	„	ф. ст.+598 тыс. фр.
Чехо-Словакия. .	6.944	„	фр.+5.614 милл. крон.+618 милл. фр.+1.448 милл. кр.

Польша.	21.913	„	зол. фр. + 500 милл. зол. марок.
Либерия.	3.977	тыс.	долл.
Европ. Дунайская Комиссия . . .	1.854	„	зол. фр. + 15 т. фр. + 488 леи.
Сиам	9.179	„	зол. марок + 1.169 т. фр.
Боливия.	16.000	ф.	ст.
Перу	56	т. ф.	ст. + 107 т. фр.
Гаити.	80	„	долл. + 532 т. фр.
Куба	801	„	„

В этот счет не вошли страны, с одной стороны, не подписавшие Версальского мира, как-то: С.-А. Соед. Штаты и Россия; с другой—те страны, к которым пред'явлен приведенный счет, т.-е. страны, входившие во время войны в состав немецкой коалиции. Если бы к перечисленным ущербам войны прибавить потери России, то счет, пожалуй, удвоился бы. Бюджет таких стран, как Франция, в течение многих и многих лет будет содержать ассигнования на восстановление разрушенных областей. В апреле 1921 г. министр освобожденных областей Франции говорил в одной из своих речей, что на восстановление севера Франции, придется, после уже сделанных затрат, израсходовать еще от 80 до 100 миллиардов фр., в зависимости от состояния товарных цен и заработных плат и что ежегодно придется ассигновывать на эту цель до 10 млд. фр. („The Econom". 30. X. 1921).

Ясно, что огромная энергия и колоссальные затраты материальных ценностей пойдут на восстановление изничтоженных войною ценностей. Это по необходимости замедлит ход оздоровления народных хозяйств и отдалит момент достижения отдельными странами довоенного уровня потребления.

Кроме таких чисто количественных ущербов войны народные хозяйства отдельных стран, в особенности таких, которые наиболее сильно пострадали, должны будут изжить и другие последствия военного времени. Война, с внешней стороны как бы пришпорившая промышленное производство, на самом деле грубо нарушила нормальное течение производственного процесса. В огне войны уничтожались значительные доли народнохозяйственного дохода, что, прежде всего, мешало и ослабляло процесс воспроизводства. Те части дохода нации, которые нормально шли на создание или воссоздание средств производства, во время войны зачастую истреблялись или изнашивались. Стоит только вспомнить о знаменитом лозунге военного времени: „все железо на фронт!"... Этот лозунг лишил, напр., русское сельское хозяйство железа, которое до войны притекало в эту область небольшими, но регулярными порциями в виде сельскохозяйственных машин, серпов, кос, подков, гвоздей, топоров, пил и т. д. В результате пре-

кращения этого притока русская деревня по необходимости опустила и без того низкий технический уровень своей земледельческой техники и приостановила всякую строительную деятельность... Уродливое по своим размерам военное потребление захватывало область воспроизводства и беднило страны. По одному поводу английские инженеры как-то сказали, что „Россия после семи лет войны и революции совершенно лишилась своего электрического оборудования. Оценивают, что электротехническая промышленность Англии, Америки и Германии, работая полным ходом, вряд ли в пять лет способна довести электрическое оборудование России до довоенного уровня" („Morning Post", 24. IX. 1921). По всей вероятности в обоих положениях англичан имеется преувеличение, но верно то, что во всех областях народнохозяйственной жизни многих стран, особенно тех, которые жестоко потерпели от войны, имеется такая масса дыр и прорех, что только соединенными усилиями мировой промышленности можно попытаться их заполнить. В качестве примера можно указать на железнодорожный транспорт. Железнодорожный транспорт представляет собою оригинальную промышленность. Эта оригинальность заключается в том, что в железнодорожном деле, как ни в какой другой промышленности, имеется необычайное преобладание основного капитала над оборотным. Поэтому сильная изнашиваемость железных дорог во время войны означала прежде всего убыль основного капитала. Если теперь вспомнить, с каким трудом, напр., Россия покрывала себя рельсовой сетью до войны, то легко представить, как будет трудно после войны не только строить новые железные дороги, но и чинить старые, т.-е., главным образом, производить новые капитальные затраты.

Довольно яркую иллюстрацию к сказанному выше относительно тяжких последствий от нарушения процесса воспроизводства хозяйственных благ дает современное состояние жилищного дела в большинстве стран Европы. Война повсеместно приостановила не только постройку новых жилищных зданий, но часто даже и крупный их ремонт. Здания представляют наиболее видную и стойкую часть накопленного богатства, но их стойкость и способность выполнять присвоенную им функцию всецело зависит от ежегодной порции труда и капитала, которую они получают в форме ремонта и перестройки. Во время войны эта порция была доведена до минимальных размеров, новые же постройки были приостановлены. В результате создалась перенаселенность домов, что, при отсутствии ремонта, еще более ускоряет разрушение зданий. После войны жилищная нужда обострилась в необычайной степени. Напр., в Англии во всех частях страны перенаселенность послевоенного времени возрастает год от году. Изве-

стны случаи, когда родители, взрослые сыновья и дочери вынуждены спать вместе в одной маленькой комнате. Во многих районах Лондона невозможно достать меблированную комнату. Думают, что стране недостает, по меньшей мере, 500.000 домов—(„Times", 25. X. 1921). Так же остро чувствуется жилищная нужда и во Франции. Сенатор Strauss в 1921 г. писал в „Figaro", что новых домов в Париже совсем не строят. В 1919 г. было выдано всего только 150 разрешений на постройку новых домов. Тысячи бедных людей, потратившихся месяцы на приискание квартиры, приходят в отчаяние. По поводу Германии проф. Л. Штейн („Bauprogramm und Sozialisierung" в „Voss. Ztng", 2. IX. 1921) указывал, что вследствие отсутствия построек в течение последних семи лет в стране недостает не менее 1 миллиона жилищ. Чем дальше, тем, по мнению указанного автора, положение будет хуже, так как процесс нормального прироста народонаселения восстановлен. Германия требует ежегодно до 200.000 новых жилищ. До войны приблизительно столько и строили. Такая же картина наблюдается даже в нейтральных государствах, напр. в Скандинавии. Нечего и говорить о том, что чем страна беднее, тем острее в ней жилищный голод.

В Будапеште вследствие крайнего недостатка жилых помещений многие лица, лишенные квартир и не имеющие возможности найти себе какой-либо кров, раскинули палатки в фешенебельных кварталах города, в сквэрах, садах и т. д. Число бездомных здесь так велико, что полиция издала приказ, воспрещающий разгружать мебель выселяемых на улицах („Daily News", 1922. 8. V). В Варшаве, где вследствие закона квартирная плата стоит на до смешного низком уровне, ремонт домов совершенно приостановлен и к началу 1922 г. из строя вышло до 3.000 квартир. Здесь жилищная нужда крайне остра; получить комнату в доме или в отеле можно только за большие деньги, взимаемые в обход закона квартиронанимателями или отельными портье. Бани открыты всю ночь, где за высокую плату приезжий может скоротать ночь...

Жилищная нужда очень наглядно показывает печальные последствия нарушенного процесса воспроизводства и постепенного накапливания богатства человеческими обществами. То, что в нормальных условиях пошло бы на созидание новых жилищ и на ремонт старых, во время войны или уходило на военное потребление, или производилось в меньших количествах. Во время войны английское правительство устами Ллойда Джорджа заявляло англичанам, уходящим на фронт, о том, что когда они вернутся, то всем будут обеспечены жилища. И, действительно, как только окончилась война, правительство возымело самое серьезное намерение заплатить по этому неосторожно выданному векселю. В Велико-

британии была разработана превосходная схема жилищного строительства. Для выполнения этой схемы пришлось обратиться к услугам государственного кредита. Но опыт скоро показал, что даже в этой богатой стране нарушение процесса воспроизводства не проходит безнаказанно. С одной стороны, рынок, перегруженный всякого рода процентными бумагами военного времени, отказывался поглощать новые количества твердопроцентных бумаг, при помощи которых думали добыть средства для жилищного строительства. „Housing Loans", т.-е. займы для постройки домов, не имели успеха. С другой стороны, оказалось, что долговременное отсутствие строительных работ совершенно расстроило ряды строительных рабочих. Старые рабочие успели переменить профессию, молодых—не прибавилось, так как им негде было научиться строительному ремеслу. В Англии, где не хватает до 500.000 домов, построили около 80.000 и в конце 1921 г. находилось в постройке 100.000 домов (при средней цене дома в 200 ф. ст.). Но на этом осуществление государственной „Housing Problem" и закончилось за невозможностью реализовать финансовый план строительства.

Аналогичную картину можно наблюдать в области послевоенного железнодорожного строительства; в этой сфере сейчас и не мечтают о довоенных масштабах. Во всех почти странах железнодорожное хозяйство переживает полосу финансового кризиса, характеризуемого наличностью крупного дефицита. Это, разумеется, мало способствует оживлению строительной деятельности. Только в отдельных случаях происходят большие работы, напр., в Италии, где в силу недостатка угля железные дороги переводятся на электрическую тягу. Во многих же странах война привела железнодорожный транспорт в отчаянное состояние, что об'ясняется, во-первых, повышенным его использованием и сокращенным ремонтом. В таких же странах, как Германия, над железнодорожным хозяйством была произведена вивисекция мирными договорами. Германия должна была отдать 5.000 локомотивов, 10.000 пассажирских и 150.000 товарных вагонов. Кроме того, не смотря на протесты, около 100.000 вагонов, т.-е. 20% мирного парка, было удержано в разных странах, в том числе 56.000 во Франции и Бельгии, 31.000 в Чехии, 27.000 в Польше, 14.000 в Галиции, 9.000 в Позене и 11.000 в Западной Пруссии. Интересно, что после войны Германии только к 1921 г. удалось восстановить почти довоенную скорость пассажирских поездов; до этого же времени скорые поезда ходили со скоростью, которая была предельной в 1890 г. Во Франции, Англии и Италии дело обстояло не лучше („Jahrbücher für Nationaloekonomie", 1921, авг., вторая часть, стр. 307—308).

Если война ответственна за сокращение той массы до-

хода, которая в нормальное время направлялась на питание воспроизводства и на накапливание основных капиталов в отдельных областях народнохозяйственной жизни, то та же война не менее ответственна и за другое явление—за искажение и искалечение системы прямого потребления. Прямое потребление, как основная цель производственного процесса, во время войны вынуждено было уступить место военному истреблению. Вследствие этого рынки мирного потребления сжались, так называемые „standard'ы of the life" (уровни жизненных потребностей) были искалечены. Потребители силою обстоятельств были вынуждены перейти на сокращенные пайки и местами даже на голодные рационы. При этом, как правило, ограниченное довольствие совершалось по повышенным ценам, т.-е. часто с большей затратой энергии для получения меньшего результата. В одной французской книге (Trustee. Le bilan de la guerre, Paris. 1921) хорошо сказано о том, что теперь люди привыкли к тому, что носят перелицованные платья, трижды починенные ботинки, мягкие воротники и помятые шляпы, едят вместо трех два блюда, пьют один стакан вина вместо двух; привыкли к расстройству железнодорожного транспорта, к опозданию поездов, к темным улицам, к домам без ремонта, к недостатку в прислуге, ко всевозможным суррогатам и т. д., и т. д. Можно конечно, быть разного мнения о перелицованном пальто и одном стакане вина вместо двух, но экономически все это означает сжатие рынка потребления, что неизбежно приводит к сжатию размеров производства, торговли, к безработице, словом, ко всему тому, что так характерно для современного момента. Обеднение мира, как результат войны, приводит к обессилению процесса производства и к замедлению достижения странами хотя бы их довоенных уровней. А это обстоятельство в значительной мере ответственно за то, что сейчас, как однажды заметил „The Economist" (23. IV. 1921), люди тратят много энергии в раздорах из-за распределения уменьшенного народнохозяйственного дохода. В этом же факте лежит главная причина финансового кризиса, сводящегося к тому, что податная система не может раздобыть средств столько, сколько их нужно для покрытия неотложных потребностей. Оскудевает народнохозяйственный резервуар — оскудевают и финансы, а это приводит к роковой и печальной во всех отношениях необходимости создавать для слабых финансов искусственные покупательные средства в виде бумажных денег.

Здесь мы подходим к самому важному последствию отшумевшей военной грозы. Необычайная по своему масштабу и по размерам поглощенных материальных рессурсов война разрушила во многих и многих странах их экономическое

равновесие. Более того, опустошив многие страны, лишив их экономического равновесия, война привела в беспорядок тот сложный многочлен, который мы привыкли называть мировым рынком. Война перевернула позиции таких крупных членов мирового экономического общения, как Европа и Америка. Такие перевороты означают, что война нарушила экономическое равновесие всего мирового рынка, чем и об'ясняется тот факт, что от последствий войны страдают не только активные участники войны и их ближайшие нейтральные соседи, но весь мир, все страны без исключения. В глубине Африки, в далекой Австралии от последствий войны страдают так же, как в Европе. Всеобщность ощущений послевоенного кризиса является показателем нарушенного равновесия мирового рынка.

Что означает экономическое равновесие страны? Это означает, что страна имеет такое годовое производство, которое способно удовлетворить ее потребности во внутренних и привозных товарах, в накапливании основного народнохозяйственного капитала, т.-е. в средствах производства, в насыщении финансового хозяйства. Внутри страны экономическое равновесие выражается в стойкости денежной единицы или в постоянстве товарных цен. Вовне оно выражается в стойкости денежных курсов, т.-е. в благополучном сведении концов с концами в области платежного баланса. Находясь в условиях экономического равновесия, страна при помощи своей внешней торговли стремится сохранить это равновесие как внутри, так и по отношению к внешнему рынку.

Это равновесие сейчас является недостижимым для ближайшего будущего идеалом во многих странах, что и отмечается не только изменчивостью покупательной силы денежной единицы и колебанием денежных курсов, но и более грозными признаками, как, напр., товарный голод, продовольственный голод, недоедание и даже голодные смерти. Некоторые страны поставлены в такие условия, которые обрекают их на печальное будущее в смысле отсутствия перспектив экономического равновесия. Мы говорим о тех государствах, которые были созданы по окончании войны путем перекройки политической карты Европы. Современные миротворцы, выдвинув лозунг национального самоопределения, накроили в Европе дюжину новых государств, не замедливших экономически обособиться путем таможенного законодательства. В пределах таможенных стен, как правило, очень высоких, единым взмахом были созданы обособленные народнохозяйственные организмы безотносительно к тому, имеются ли у них или не имеются основные элементы для достижения экономического равновесия. Безстрашно резали по живому телу, забывая об элементарных требованиях экономической анатомии

и физиологии. В результате получился ряд таких государств, которые одним кажутся экономическими невозможностями, другим—политическими парадоксами.

Что, напр., можно сказать о народном хозяйстве молодого государства, которое в наши дни не имеет ни куска железной руды, ни пылинки каменного угля и в то же время обладает тремя большими портами, содержание которых в порядке совсем не под силу его более чем скромным ресурсам? Не ясно ли, что этот homunculus, вышедший из реторты современного миротворчества, будет страдать от колыбели до гроба английской болезнью. Такой обособленный кусок народного хозяйства по необходимости сделается pied-à-terre'ом для какого-то третьего и обессмыслит положенную в основание его государственной индивидуальности идею национального самоопределения.

Самым ярким примером государственного новообразования, лишенного экономического смысла, является новая Австрия, представляющая собой жалкий огрызок бывшей Австро-Венгерской империи. Современная Австрия представляет собою территорию в 84 тыс. кв. километров с $6^1/_2$ миллионами жителей, т.-е. это только $^1/_8$ часть бывшей империи. Но беда заключается не в том, что новая республика составляет только восьмую часть распавшегося государства; экономически государство сильно своею способностью к установлению у себя прочного экономического равновесия. Этой способностью маленькая Австрия совершенно не обладает в силу об'ективных причин, созданных авторами Сен-Жерменского трактата. Начать с того, что Австрия в значительной мере состоит из гор, неспособных доставить ей необходимое продовольствие. Сельскохозяйственная площадь Австрии составляет всего лишь 25% ее площади. Поэтому Австрия ежегодно вынуждена закупать недостающее продовольствие на иностранных рынках. Так как после войны она не располагала необходимыми для таких закупок рессурсами, то ей приходилось занимать в долг. От голода Австрия спасалась американскими продовольственными ссудами. Австрийское правительство не могло предоставить населению дорогое (купленное на доллары!) американское продовольствие даже по себестоимости и вынуждено было продавать его за пустяшные цены за счет бюджета. Так слаба была покупательная способность населения. Питание же масс населения за счет бюджета привело к тому, что австрийский бюджет расползся по всем швам и привел страну к катастрофическому состоянию в области денежного обращения и денежных курсов. Выход из такого неестественного положения было бы развитие в Австрии промышленности, работающей на экспорт и оплачивающей привоз иностранного продовольствия. Одним усло-

вием для достижения этой цели Австрия обладает в полной мере, именно, она принадлежит к числу густо населенных стран Европы и ее население отличается работоспособностью и умением работать. Но этого одного мало. Австрийские горы вмещают в себе значительные количества руды, но Австрия почти не имеет каменноугольных залежей. Это последнее обстоятельство приводит к тому, что австрийская металлургическая промышленность, ничтожная ныне по своим размерам, дышет на ладан и во всяком случае не может создать излишка для экспорта в целях привоза продовольственных грузов.

Разорванная Австро-Венгрия сейчас перерезана во многих направлениях таможенными границами. Новые страны ведут между собою таможенную войну, что, конечно, еще более усугубляет затруднительное положение остатков австрийской промышлености, привыкшей снабжаться из различных частей бывшей Австро-Венгерской империи. Недавно английский „The Economist“ (29. IV. 1922), анализируя торговлю Англии с новыми государствами, возникшими на территории бывшей империи, пришел к следующему заключению: „если государства-наследники уничтожат свои таможенные стены и сократят свои армии до размеров полицейской охраны, то они скоро достигнут такого преуспеяния, какого никогда не было в эпоху империи“. В этих словах лучше всего выявляется экономическая безнадежность того плана перекройки Австро-Венгрии, который был сочинен в Сен-Жермене. Но помимо таможенных стен и больших армий, достижение экономического равновесия Австрией, а также и ее соседями-близнецами, в значительной мере тормозится валютными условиями. По поводу этих условий хорошо сказал директор англо-австрийского банка в Вене Г. Штейнер (в „Reconstruction in Europe“, „Manch. Guard. Commercial“, Section one, стр. 37): „раздел валют государств-наследников создал на относительно небольшой, но тесно в течение долгого времени экономически связанной, территории не менее семи различных систем денежного обращения, пять из которых могут быть рассматриваемы, как новые. Этот валютный вавилон сначала создал бесконечное замешательство, и казалось, что это замешательство возрастет до такой степени, что будет невозможно преодолеть препятствия, созданные запретительной экономической политикой вновь созданных государств“. Препятствия были преодолены, но только в том лишь смысле, что было установлено биржевое соотношение постоянно колеблющихся семи различных валют. Европейский „валютный вавилон“ получил еще ряд надстроек и пристроек.

В общем результате в средней Европе война создала ряд государств, которые или не смогут установить экономи-

ческое равновесие, или к этой цели пойдут весьма длительным путем. Во всяком случае современная Австрия не сможет достигнуть этой цели. Англичане называют Австрию „душой без тела". И действительно, в Австрии очень большая душа или голова и ничтожное, уродливо малое тело. Огромная Вена не может прокормиться соками своей страны и живет на краю банкротства, постоянно взывая к внешнему миру о помощи.

Одновременно с ударом по Австро-Венгрии, мирные договоры, закончившие мировую войну, больно ударили и по Германии, выводя на долгое время и эту страну из состояния экономического равновесия и закрепив при помощи платежей по репарациям на долгое время отсутствие этого равновесия: Германия подверглась территориальным сокращениям, будучи вынуждена уступить части своей территории Франции, Бельгии, Чехословакии, Польше и Дании. Один из авторов Версальского мира A. Tardieu в своей книге „La Paix" (стр. 186) говорит, между прочим, что отнятие у Германии левого берега Рейна, а также Эльзаса и Лотарингии лишило Германию 8% ее поверхности, 11% населения, 15% железнодорожного и речного грузооборота, 67% виноделия, 12% угля, 80% железной руды, 35% стальной промышленности, 30% текстильной промышленности и, сверх того, от 4 до 9% хлебов, сахара, картофеля и т. д. Если сюда присоединить хотя бы только утрату значительной части Верхней Силезии, то будет ясно, что Германия сильно поколеблена в своих экономических устоях. Если же учесть в должной мере отнятие у Германии ее колоний и торгового флота, то картина будет еще яснее и выразительнее. И в то же время, после нанесения тяжких ударов устоям германского народного хозяйства, на это хозяйство возложено беспримерное в истории бремя контрибуции: попытка взноса первых частей этой контрибуции в значительной мере способствовала страшному обесценению германской марки, т.-е. краху валюты мирового значения. Это последнее обстоятельство во многом осложнило и углубило разруху на мировом рынке и в то же время создало дополнительные препятствия к выполнению Германией обязательств по Версальскому договору. В начале мая 1922 года германский рейхстаг был занят трудным вопросом о том, в какой сумме внести в бюджет платежи по Версальскому договору, определенные „Комиссией по восстановлению" для 1922 г. в 720 милл. зол. марок и 54 милл. марок в натуре (товарами). Для бюджета золотые марки нужно перевести в бумажные и затем определившуюся сумму бумажных марок собрать внутри страны в виде налогов и займов. Германское правительство предполагало пересчитать золотые марки в бумажные по курсу 45 бумажных за 1 золотую марку. Получи-

лась сумма в 135 млд. по обеим статьям платежей. К этой сумме был приспособлен бюджетный план. Но „Комиссия по восстановлению" настояла на том, что в виду постоянного падения марки пересчет следует сделать по курсу 70 за 1, что, конечно, резко изменило весь бюджетный план, так как 135 млд. превратились в 226,4 млд. Бюджетный дефицит вырос до 162,9 млд., несмотря на предположенный принудительный заем в 70 млд. Ясно, что в таких условиях финансовое равновесие делается совершенно недостижимым, а отсутствие финансового равновесия является препоной на пути приближения к общему экономическому равновесию.

Если установление экономического равновесия является весьма трудной задачей для целого ряда отдельных государств, то оно еще труднее достижимо в области мирового рынка, который является не простым механическим конгломератом национальных государств, но тесно связанным тысячью нитей экономическим единством. Международное экономическое общение, столь оживленное накануне войны, во время войны было грубо и резко нарушено. Наступление мира не восстановило и, конечно, не могло восстановить международного экономического общения в довоенном масштабе и в довоенных соотношениях, так как в сложном многочлене этого общения, как было сказано выше, наступили существенные изменения и всегда в худшую сторону. Мы должны остановиться еще на одном новом факте из этой области, факте, имеющем крупнейшее значение для текущего момента и чреватом важными последствиями для будущего.

Война принесла с собою резкое изменение в отношениях между Европою и Америкою, т.-е. главнейшим образом, Соединенными Штатами. До войны позиция Соединенных Штатов в отношении к Европе сводилась к позиции должника. Чудесное развитие американского народного хозяйства в значительной мере было обязано европейскому капиталу, который сыграл роль дрожжей для производительных сил Америки. По различным оценкам, накануне войны С.-А. Соед. Штаты были должны Европе колоссальную сумму от 3 до 5 миллиардов долларов (См. „Bankers' Magazine" IX, 1915, стр. 346—347). Европейский капитал, приливавший в Америку, главным образом, из Англии и Голландии, был существенным фактором в развитии американского народного хозяйства, а американская задолженность была одной из главных основ экономического равновесия мирового рынка. Америка платила Европе товарами и золотом, поэтому она до войны имела благоприятный торговый баланс и пассивный баланс по движению золота. Вот интересная таблица, наглядно характеризующая позицию Соединенных Штатов на мировом рынке накануне войны (см. нашу статью „Американский ры-

нок капиталов" в „Вестнике Финансов", 1915 года №№ 37, 38 и 39):

	Товары			Золото		
	милл. долларов					
Годы.	Ввоз	Вывоз	Сальдо	Ввоз	Вывоз	Сальдо.
1900	849	1.394	545	44,5	48,2	—3,7
1901	823	1.487	664	66,0	53,1	12,9
1902	903	1.381	478	52,0	48,5	3,5
1903	1.025	1.420	395	44,9	47,0	—2,1
1904	991	1.460	469	99,0	81,4	17,6
1905	1.117	1.518	401	53,6	92,5	—38,9
1906	1.226	1.743	517	96,2	38,5	57,7
1907	1.434	1.880	446	114,5	51,3	63,2
1908	1.194	1.860	666	148,3	72,4	75,9
1909	1.311	1.663	352	44,0	91,5	—47,5
1910	1.366	1.744	178	43,3	118,5	—75,2
1911	1.527	2.049	522	73,6	22,5	51,1
1912	1.653	2.204	551	48,9	57,3	—8,4
1913	1.813	2.465	652	69,1	77,7	—18,6
1914	1.893	2.364	471	66,5	112,0	—45,5

Во время войны Европа потребовала от американской промышленности огромной материальной помощи; эта помощь была оказана и она, в конце концов, решила судьбу европейской войны. Американская помощь выразилась в присылке в Европу колоссальной массы товаров, что нашло свое отражение в статистике американской внешней торговли Вот данные, характеризующие баланс внешней торговли Соединенных Штатов по отношению к Европе и к остальным не-европейским странам, в тыс. дол.:

	Превышение экспорта в Европу	Превышение импорта из др. стран.
1915 г.	2.027.064	250.990
1916 „	3.179.964	88.958
1917 „	3.511.308	230.263
1918 „	3.540.576	422.701
1919 „	4.437.144	421.083
1920 „	3.240.168	290.633
1921 „	1.598.974	— 377.341
Всего . .	21.535.198 тыс. долл.	1.327.287 тыс. долл.

Проф. мичиганского университета Д. Фрейдэй, из статьи которого мы берем только что приведенную таблицу („The balance of indebtedness between the United States and Europe",

в № 1 „Reconstruction in Europe"), говорит, что приведенные цифры превышения вывоза из Америки в Европу не заключают в себе ряда товаров, посланных американским правительством в адрес европейских союзных правительств. Если же учесть и этот не охваченный статистикой экспорт, то окажется, что за указанные годы превышение американского вывоза в Европу, в среднем, составляло в год около трех миллиардов долларов. Между тем в десятилетие, предшествовавшее 1915-му году, это превышение, в среднем, составляло около 500.000.000 долл. До 1915 г. Америка своим превышением вывоза в Европу оплачивала свою задолженность Европе. Во время войны эта задолженность была покрыта колоссальным вывозом в Европу американских товаров по „военным" ценам. Более того, вывоз в Европу был так велик, что он положил весьма солидное начало противоположному явлению—колоссальной задолженности Европы Америке. Европа, приобретая в последние годы огромные массы американских товаров, вынуждена была направить в Америку старые американские обязательства, послать туда же значительные количества золота и накопить долг, который оценивается, напр., в статье проф. Фрейдэя, в 13 миллиардов долл. Для того, чтобы судить о размерах золотого притока в Америку, достаточно будет указать хотя бы на такой факт: приток золота в Соед. Штаты в 1921 г. раза в $2^1/_2$ превышал мировую добычу желтого металла в том же году. Интересно отметить также и то, что, согласно отчета директора американского монетного двора (the United States Mint), добыча золота на территории Соед. Штатов, начиная с 1915 г. неуклонно сокращается, что можно видеть из следующих цифр:

добыто в Соединенных Штатах золота

1915 г.	4.388.604	унций (fine)	на	101.035.700 долл.
1919 „	2.918.628	„	„	60.333.400 „
1920 „	2.476.166	„	„	51.186.900 „

Война создала Соед. Штатам диктаторскую позицию на международном рынке вообще, в особенности же в сфере финансовых отношений. Выход России из орбиты мирового рынка резко подчеркнул зависимость западной и средней Европы от американского сырья, что, в связи с наличностью огромной задолженности Европы Америке, создает неблагоприятную атмосферу для развития европейских вексельных курсов. Видный сотрудник влиятельной английской газеты „Daily Chronicle", обсуждая во время Генуэзской конференции вопрос о том, почему бы Англия не могла ссудить Россию („Why not a loan to Russia?"), в качестве одного из главных оснований для займа указывает на „возрастающую зависи-

мость Европы от американского хлеба", что составляет „великую опасность". Газета говорит, что в силу этого соображения „восстановление русского сельского хозяйства и торговли является делом первой необходимости" („D. Chr., 5. V. 1922).

Восстановление экономического равновесия между континентами является настоятельной потребностью момента, и в виду наличия огромной задолженности Европы Америке, задолженности, всецело созданной войною, такое восстановление является в высшей степени сложною проблемою. Эта проблема осложняется еще и тем обстоятельством, что обнищавшая Европа нуждается в огромной помощи со стороны Америки, т.-е. в новом накапливании задолженности. Получается заколдованный круг, выход из которого довольно труден. Во всяком случае эта задача одним временем не может быть разрешена, так как время приводит лишь к усилению позиции Америки и ухудшению положения в Европе, т.-е. к увеличению того препятствия, которое теми или иными способами должно быть устранено.

II.

Основные экономические факты.

Среди важнейших показателей состояния мирового народного хозяйства послевоенной эпохи на первое место следует поставить статистические данные, касающиеся добычи угля и производства чугуна и стали. Нет нужды об'яснять, что как каменноугольная, так и металлургическая промышленности являются лучшими показателями мировой экономической кон'юнктуры. Размеры добычи каменного угля предопределяют размах промышленной и транспортной деятельности, но, с другой стороны, размах промышленной деятельности в свою очередь создает существенную предпосылку для размеров добычи каменного угля. Соотношение между каменноугольной промышленностью и остальными видами промышленности наглядно фиксируется в цене угля, которая способна оказать могущественное влияние на темп промышленного развития.

Простое сопоставление соответствующих данных обнаруживает перед нами факт колоссального значения: послевоенная промышленность располагает меньшим количеством камменного угля, нежели промышленность довоенного времени. Мы уже не говорим о том, что в странах, особенно жестоко пострадавших от войны, угольное дело пришло в совершенный упадок; но даже в передовых промышленных

странах промышленность и экспорт получают после войны меньшие количества угля. Добыча каменного угля, в миллионах тонн, в главных промышленных странах представляется в следующем виде:

	1913 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.
Великобритания . . .	287	229	229	164
Франция.	41	24	25	29
Германия.	191	108	135	145
Соед. Штаты	570	544	596	448
	1.089	905	985	786

Таким образом, за три последних года в четырех указанных странах общая добыча угля все время отставала от довоенной нормы, причем в 1921 г. когда цифра добычи против довоенной порции сократилась на 30%, когда каменноугольная промышленность резко сдала свои позиции даже в С.-А. Соединенных Штатах, положение с каменным углем явно стало критическим. По данным „United States Geological Survey" мировая добыча каменного угля за три последних года выразилась в следующих цифрах:

1919 г.	1.170.500	тыс. метр. тонн.
1920 „	1.305.000	„ „ „
1921 „	1.110.000	„ „ „

т. е. картина мировой каменноугольной промышленности определенно указывает на ухудшение промышленной жизни в 1921 г. Единственная страна, которая в послевоенную эпоху упорно держалась на гребне высокой кон'юнктуры—Соед. Штаты,—в 1921 г. вынуждена была резко сдать свою позицию преуспевающего государства и со всем остальным миром погрузилась в сумерки мирового кризиса.

Добыча каменного угля повысилась во Франции по той причине, что там с достаточной энергией восстанавливают рудники бывшей военной зоны. Выросла добыча и в Германии, где в 1921 г., под влиянием лжекон'юнктуры, созданной падением марки, промышленность, работающая на экспорт, функционировала с большим оживлением.

Сложнее обстояло дело в Великобритании, где каменный уголь является не только основою промышленности, но и предметом значительного вывоза. Здесь цифра добычи угля в 1921 г. спустилась до уровня 1887 г. Это произошло, главным образом, под влиянием необычайно широкой и интенсивной стачки, охватившей английскую горную промыш-

ленность в течение весенних месяцев. Влияние стачки видно из следующих данных добычи угля в 1921 г.:

первая	четверть	года	54,2	милл.	тонн.
вторая	„	„	0,1	„	„
третья	„	„	52,4	„	„
четвертая	„	„	57,4	„	„

Угольная забастовка Англии, направленная, с одной стороны, против владельцев копей, с другой—против правительства, была вызвана, главным образом, резким изменением кон'юнктуры на мировом рынке, продиктовавшим резкое понижение цен. Каменноугольная промышленность Англии и после войны долго находилась под, так называемым, „государственным контролем", который должен был сохранить свою силу до 31 августа 1921 г. В силу этого контроля, имевшего целью заставить работать полным ходом все, даже невыгодные для эксплоатации, рудники, правительство регулировало цены угля на внутреннем и внешнем рынке. В силу военной обстановки оно могло держать цены внутреннего рынка на более низком уровне, нежели цены экспортного угля, получая таким путем значительные прибыли, за счет которых можно было финансировать внутреннюю каменноугольную промышленность. Львиная доля английского экспортного угля во время войны шла во Францию. Прибыли каменноугольных предприятий шли в общий котел, из которого владельцы копей получали определенный процент. Под эгидою этого закона „прибыльно" работали и такие рудники, которые в нормальных условиях вообще не могли мечтать о прибыли. Когда в начале 1921 г. обнаружилось падение экспортных цен на уголь, то сохранение „контроля" над промышленностью стало наносить английскому бюджету значительные убытки, возроставшие с каждым месяцем. В январе 1921 г. „контроль" потребовал от казны доплаты в 4,8 милл. ф. ст., в феврале—4,5 милл. и в марте—5,2 милл. ф. ст. Одновременно затруднялся сбыт угля за границу, что диктовало необходимость понижения цен, т.-е. увеличения доплат по „контролю", другими словами—перенесения финансирования каменноугольной промышленности на бюджет. Правительство не могло этого сделать и поэтому оно решило уничтожить „контроль" ранее обусловленного срока—вместо 31 августа—с 1 марта 1921 г. Большинство промышленников было за эту меру, но рабочим снятие контроля угрожало, во-первых, сокращением заработной платы до такого уровня, на который сдвигало их падение рыночных цен; во-вторых, сокращением числа рабочих, так как „контроль" позволял работать невыгодным рудникам; в третьих, снятие гарантии с прибыли

обещало сжатие числа рабочих на выгодных рудниках, так как приходилось переходить на очень строгий коммерческий расчет, в особенности в виду постоянного падения цен. Средняя заработная плата в 17 шиллингов за рабочий день должна была, в случае снятия „контроля", сразу опуститься до 9 шилл. Рабочие об'явили стачку, требуя сохранения „контроля" и слияния всех прибылей в общий котел. Правительство же боялось огромных расходов, связанных с такою системою, а промышленники поняли, что эта система—надежный шаг к национализации копей. Борьба кончилась не в пользу рабочих, так как кон'юнктура рынка была плачевная. Движение цен на уголь в Англии шло следующим путем: крупный кардиф, за тонну, в 1913 г. в среднем стоил 20 ш. 6 п. К 31 декабря 1919 г. его цена поднялась до 110 ш., через год она понизилась до 90 ш., к 31 марта 1921 г.—57 ш., к 31 декабря того же года—25 ш. 6 п. За 1921 г. цена этого сорта угля сделала скачек с 90 ш. до 25 ш. 6 п.! Параллельно должно было произойти падение цены экспортного угля, которая до сих пор была основою угольного „контроля". Средняя экспортная цена угля в 1913 г., была 13 ш. 10 п. за тонну, в 1920 г.—81 ш. 2 п., в 1921 г.—35 ш. 8 п. Такое резкое падение цены естественно самым неблагоприятным образом отзывалось на финансовых результатах экспорта, что можно видеть из следующей таблицы:

Вывоз угля из Англии

	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Количество, тыс. тонн .	73.400	24.931	24.660
Ценность, тыс. ф. ст. . .	50.727	99.627	42.951

В 1921 г. наиболее резко сократила привоз английского угля Франция, начавшая получать уголь из Германии и возобновившая добычу угля в военной зоне до 50% мирного уровня. В 1920 г. Франция получила из Англии около 11,7 м. тонн, в следующем—лишь около 6 милл. тонн. Рынок сбыта настолько сжался, что осенью 1921 г. в Англии, несмотря на недавнюю длительную забастовку, стали образовываться залежи угля.

В области нефти положение было более благоприятным. Мировая добыча, по оффициальным американским данным (цит. „Daily Telegr." 15. VI. 1922), достигла в 1920 г. 695 млн. барелей, в 1921 г.— 759 млн., увеличившись на 9,2%. Из мировой добычи в 1921 г. на долю С.-А. Соед. Штатов пришлось 61,9% и на долю Мексики 19,3%, таким образом на долю обеих этих стран пришлось 87% мировой добычи. В отношении нефти возникает опасение иного порядка. В Соед. Штатах подземные запасы нефти исчисляют в 1 млд.

тонн, что хватит на внутреннее потребление менее чем на 20 лет. В остальном мире запасы нефти исчисляются приблизительно в 7 млд. тонн.

В неразрывной технической и экономической связи с положением каменноугольной промышленности стоит металлургия, которая во время войны, имея боевое задание, достигла необычайного развития. Мировое производство стали в 1913 г. достигало цифры 74.629 тыс. тонн; в 1917 г. была поставлена рекордная цифра—82.650 тыс. тонн. Когда же военный спрос отпал, металлургия быстро подчинилась мертвящему влиянию кризиса. „Iron Trade Review" оценивает годовое производство чугуна и стали во всем мире следующими цифрами:

	ЧУГУН. (тысячи тонн).			СТАЛЬ. (тысячи тонн).		
	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1913 г.	1920 г.	1921 г.
С. Штаты . .	30.600	36.401	16.750	31.300	42.000	20.100
Германия . . .	19.000	6.500	7.500	18.631	8.000	9.000
Великобритания	10.260	8.007	2.700	7.664	9.057	3.700
Франция . . .	5.126	3.275	3.200	4.614	2.915	2.900
Бельгия . . .	2.428	1.112	825	2.428	1.216	760
Люксембург .	420	685	960	918	590	760
Центр. Европа.	2.343	870	965	2.584	1.225	1.500
Другие страны.	3.060	3.786	6.517	2.011	3.218	6.490
Всего .	76.694	60.636	35.960	74.629	68.321	40.731

Таблица показывает, что металлургическая промышленность большинства стран в 1921 году переживала глубокий кризис. Не говорим уже об Англии, где на положение металлургии оказала сильное влияние угольная забастовка; но и в С.-А. Соед. Штатах в области чугуна отмечено только 43% производительности. В немногих странах положение с чугуном и сталью было в 1921 г. лучше, нежели в предшествовавшем году, но и здесь цифры производства сильно отстают от довоенного уровня.

Весьма характерно для мирового рынка, находящегося в больных условиях, что, несмотря на сильное сокращение размеров производства чугуна и стали, все же ощущалась резкая конкурренция отдельных стран, и страны с более высокими издержками производства сильно терпели от конкурренции более дешевых стран, напр., Германии. При сокращающихся размерах производства приходилось всячески стремиться к понижению цен, в особенности на экспортные сорта. Сильное же понижение цен, вынужденное условиями мирового рынка, приводило к тому, что во многих странах приходилось

закрывать целый ряд предприятий или работать с далеко неиспользованною производительностью. Напр., в Соед. Штатах в июле 1921 г. из 435 доменных печей в действии было только 60; в это же время в Англии в ходу было 15 печей, между тем как в июле 1920 г. их было в работе 299.

Характерным показателем положения американской металлургической промышленности являются обороты знаменитой „United States Steel Corporation". Ее валовой доход был в 1920 г. 1.755.477.025 долл., в 1921 г. он опускается до 986.749.719 долл, т.-е. сокращается более, чем на 43%. Дивиденды на обыкновенную акцию были выданы в 1919 г.—10 д., в 1920 г.—16 д., в 1921 г.—2 д. Металлургическая промышленность особенно сильно пострадала от быстрого падения цен. Попытки американской синдицированной промышленности по возможности стабилизовать катившиеся вниз цены остались безуспешными. Для иллюстрации мы приведем цены на английский чугун (Cleveland № 3) и стальные брусья, за тонну:

	чугун.	брусья.
конец 1913 г. . . .	50 ш. 6 п.	$6^1/_2$ ф. ст.
конец 1918 „ . . .	95 „	$10^1/_8$ „ „
конец 1919 „ . . .	160 „	$17^1/_2$ „ „
конец 1920 „ . . .	225 „	$25^1/_2$ „ „
конец 1921 „ . . .	100 „	$9^1/_2$ „ „

Такое резкое падение цены в 1921 г., пришедшееся, главным образом, на первую треть года (в апреле тонна чугуна стоила уже 120 шилл.), привело металлургическую промышленность к катастрофическому состоянию.

В остром противоречии с цифрами добычи и производства основных товаров стоят данные, касающиеся состояния мирового торгового флота. Несмотря на крупные потери во время мировой войны, торговый флот численно быстро оправился и достиг таких размеров, какие превосходят довоенную цифру. Если подсчитать коммерческий флот мира, считая только суда вместимостью от 100 тонн и выше, то мы получим следующую картину (в тоннах):

	1914 г.	1920 г.	1921 г.
Британская империя .	21.045.049	20.582.652	22.070.798
Одна Великобритания.	19.256.766	18.330.424	19.571.554
Соед. Штаты	5.368.194	16.042.289	17.026.002
Франция	2.319.438	3.245.194	3.652.249
Германия	5.459.296	672.671	717.450

	1914 г.	1920 г.	1921 г.
Италия	1.668.296	2.242.393	—
Япония	1.708.386	2.995.878	—
Нидерланды	1.496.455	1.793.396	—
Норвегия	2.504.722	2.219.388	2.584.058
Россия	1.053.818	534.547	—
Швеция	1.118.085	1.072.925	—
Др. страны	—	—	15.924.096
Мировой флот.	49.089.552	57.314.065	61.974.653

В эпоху высоких цен послевоенного времени на весьма значительную высоту были подняты и фрахты. Фрахты были одно время столь высоки, что этой высоте приписывалась значительная доза вины в сокращении мировой торговли. Но высокие фрахты были причиною и того, что весьма оживилась судостроительная деятельность, доведшая мировой торговый флот до небывалых размеров.

Наступление кризиса отозвалось на пароходных фрахтах резким их падением, что, напр., можно видеть из следующей таблицы:

	Высшие в 1920 г.	Низшие в 1921 г.
Перевозка угля.		
Кардиф-Ривер-Плэт.	75 ш. 0 пенс.	13 ш. 6 п.
Гибралтар	52 „ 6 „	9 „ 0 „
Гавр	60 „ 0 „	5 „ 6 „
Перевозка руды.		
Бильбао - Мидльсборо	39 „ 6 „	6 „ 0 „
Тайн	38 „ 0 „	7 „ 9 „
Фрахты в Англию.		
из Калькуты . . .	180 „ 0 „	50 „ 0 „
из Бомбея	155 „ 0 „	20 „ 0 „

Но даже и столь резко понизившиеся фрахты не смогли стимулировать торговлю и промышленность. Огромное количество пароходов вынуждено было оставаться в тягостном бездействии. Чтобы судить о движении фрахтов, полезно познакомиться с особым индексом фрахтов, публикуемым в журнале „The Statist“. Этот индекс базируется на 21 торговом

пути в разные значительные порты. Средний фрахт для данного месяца на каком-либо из 21 пути выражается, как процентное отношение геометрической средней месячной ставки для 1920 г., а каждая месячная геометрическая средняя берется, как число-показатель (индекс):

индекс фрахтов:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
январь . . .	123	46	33
февраль . .	138	38	34
март	141	37	33
апрель . . .	127	39	
май	121	39	
июнь . . .	112	43	
июль . . .	95	43	
август . . .	84	40	
сентябрь . .	84	34	
октябрь . .	93	31	
ноябрь . .	80	30	
декабрь . .	58	33	

Резкое падение фрахтов было одной из главных причин серьезного расстройства кораблестроительной промышленности. Фрахты резко скользили вниз, а издержки сооружения судов все еще оставались на высоком уровне. Вследствие этого заказы на постройку новых судов почти приостановились, а также было приостановлено выполнение многих ранее сделанных заказов. По данным Lloyd's Register за 1921 г. вырисовывается следующая картина свертывания кораблестроительной деятельности в Великобритании:

	Спущено на воду.		Начато постройкой.	
1921 г.	Число.	Тонны.	Число.	Тонны.
Первая четверть.	131	433.607	99	392.877
Вторая „ .	100	321.690	23	69.028
Третья „ .	92	307.850	19	51.343
Четвертая „ .	101	467.246	19	55.190

Сокращение числа новых построек ясно отражает влияние кризиса.

Общая экономическая кон'юнктура последних лет, стоящих под знаком кризиса, как наследстаа мировой войны, находит свое яркое отражение и в оборотах международной торговли. Статистические данные о внешней торговле большинства стран следует принимать с учетом двух весьма важ-

ных обстоятельств. Во-первых, в послевоенную эпоху многие страны перешли к сильно колеблющейся бумажноденежной валюте, что неизбежно отражается на данных относительно внешней торговли. Во-вторых, на пространстве трех последних лет мировой рынок пережил период растущих цен и период падающих цен. Количество товаров, обращающихся во внешнем обороте, может увеличиваться, но при резком спаде цен, их ценность неизбежно сильно понизится, и наоборот. Эти обстоятельства чрезвычайно сильно затрудняют пользование в целях сравнения статистическими данными о внешней торговле. Единственно твердыми данными остаются цифры, определяющие весовые количества товаров международного оборота. Эти данные имеют огромное показательное значение для характеристики послевоенного международного экономического общения, но, конечно, они недостаточны, так как товарный обмен между отдельными государствами является лишь частью,—правда, самою значительною,—экономических международных сношений и является лишь элементом общих расчетных балансов. При таком положении дела ценность внешнего товарообмена играет свою самостоятельную и видную роль. О том, как движение цены меняет финансовый результат международного товарообмена, можно судить, напр., по табличке вывоза английского угля в 1921 г.:

	Вывезено тыс. тонн.	Цена тонны.	Общая ценность.
январь	2.742	65 ш. 1 п.	8.958 тыс. ф. с.
февраль	2.768	49 „ 1 „	6.789 „ „ „
март	3.024	43 „ 6 „	6.578 „ „ „
апрель	1.268	43 „ 2 „	2 738 „ „ „
май	197	46 „ 8 „	461 „ „ „
июнь	97	33 „ 9 „	163 „ „ „
июль	1.254	38 „ 2 „	2.395 „ „ „
август	4.214	36 „ 6 „	7.696 „ „ „
сентябрь	4.702	30 „ 6 „	7.170 „ „ „
октябрь	4.813	28 „ 6 „	6.857 „ „ „
ноябрь	4.916	27 „ 2 „	6.674 „ „ „
декабрь	5.589	24 „ 11 „	6.961 „ „ „
всего в 1921 г. .	35.597	35 ш. 8 п.	63.444 тыс. ф. с.
1920 г. .	38.772	81 ш. 2 п.	155.991 тыс. ф. с.
1913 г. .	94.423	13 ш. 10 п.	65.268 тыс. ф. с.

Сопоставление годовых итогов количества и ценности угольного экспорта в 1913 г., 1920 г. и в 1921 г. ясно обнаруживает резкое расхождение финансовых результатов экс-

порта под влиянием изменения угольных цен (особенно сбросив около 20% с ценности вывоза в 1913 г. за счет падения курса английского фунта стерлинг.). Можно составить интересную табличку на основании вышеприведенных данных о вывозе английского угля по месяцам 1921 г., расположив месяцы в двух колоннах: в первую поставить их в порядке убывающих количеств вывоза, во второй—в порядке понижающейся ценности вывоза. Получатся следующие две колонны:

Количество.	Ценность.
декабрь.	январь.
ноябрь.	август.
октябрь.	сентябрь.
сентябрь.	октябрь.
август.	февраль.
март.	декабрь.
февраль.	ноябрь.
январь.	март.
апрель.	апрель.
июль.	июль.
май.	май.
июнь.	июнь.

Для характеристики количественной стороны международного товарного обмена полезно привести сравнительные данные, составленные нью-йоркским National City Bank'ом. Данные представлены в средних месячных количествах, в тысячах тонн и дают возможность определить отношение международного товарообмена 1921 г. к довоенной эпохе, к 1913 г.

	Ввоз для потребления.			Вывоз внутренних товаров.		
	1913 г.	1921 г.	% к 1913 г.	1913 г.	1921 г.	% к 1913 г.
Англия	4.446	3.183	41,2	7.737	2.780	37,0
Франция . . .	3.685	3.164	85,6	1.840	1.333	72,5
Бельгия . . .	2.721	1.459	53,6	1.740	1.430	82,4
Германия (а) .	6.068	2.207 (б)	36,3	6.143	1.750 (б)	28,5
С. Штаты (в) .	1.302	2.806	215,5	4.107	4.768	116,0

	Общий оборот.		
	1913 г.	1921 г.	% к 1913 г.
Англия	12.203	5.963	48,0
Франция	5.525	4.497	81,0
Бельгия	4.461	2.889	64,0
Германия (а) . . .	12.211	3.957	32,0
Соед. Штаты (в) .	5.409	7.574	140,0

(а) включая Люксембург; (б) средняя за 9 мес.; (в) для грузов взвешиваемых.

Таблица обнаруживает основной факт повсеместного сокращения международного товарообмена, за исключением С.-А. Соед. Штатов. Но если учесть особую позицию на мировом рынке Соед. Штатов, то придется признать, что возростание их оборотов по внешней торговле было очень слабо по сравнению с теми богатыми возможностями, которые раскрылись перед американскою промышленностью и сельским хозяйством на мировом рынке. Резкое же сжатие оборотов двух государств—Англии и Германии—совершенно наглядно свидетельствует о глубоком кризисе, охватившем мировой рынок в послевоенную эпоху.

В Англии справедливо полагают, что истинное промышленное оживление единственно возможно при оживлении экспорта, дающего работу внутренней промышленности, торговле и флоту. И вот статистика внешней торговли показывает, что в области экспорта наблюдается общий упадок, который коснулся товаров всех категорий и всех рынков сбыта. Торговые обороты 1921 г. подпали сразу под влияние двух факторов—сокращения об'ема и падения цен. Для характеристики английской внешней торговли полезно привести табличку, определяющую ценность вывоза и ввоза послевоенной эпохи по ценам 1913 г., в милл. ф. ст.

	Весь ввоз.	Реэкспорт.	Экспорт брит. товаров.
1913 год . .	768,7	109,5	525,5
1919 „ . .	679,7	85,7	288,1
1920 „ . .	679,2	98,9	372,4
1921 „ . .	560,9	85,6	261,6

Если же взять статистические данные относительно английской внешней торговли без обработки, в том их виде, как они публикуются департаментом внешней торговли, то, собственно говоря, картина упадка торговли в связи с мировым кризисом будет столь же ясной. Вот эти данные в миллионах:

	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Ввоз	768	949	1.064	1.319	1.631	1.932	1.086
Вывоз	525	506	527	499	798	1.334	703
Реэкспорт	110	98	70	31	164	222	107
Превышение ввоза.	133	345	467	789	669	375	276

Сокращение превышения ввоза над вывозом в условиях промышленной страны означает, главным образом, сокращение привоза сырья, столь необходимого для работы фабрик и заводов. Это сокращение говорит о промышленной депрессии. С другой стороны, сокращая закупки сырья на внешних рынках, Англия тем самым по необходимости сокращает покупательную способность внешних рынков в отношении английских фабрикатов, что приводит к сокращению вывоза английских изделий. Вот интересная таблица английской внешней торговли по категориям товаров, в милл. ф. ст.:

	Ввоз.		Вывоз.		Реэкспорт.	
	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.	1920 г.	1921 г.
продовольствие . .	765,8	567,2	50,9	37,4	46,0	30,2
сырье	710,3	271,1	145,5	63,5	122,9	50,0
изделия	453,1	245,0	1.119,7	588,6	53,6	26,6
разные товары . .	3,0	3,2	18,2	13,5	0,7	0,1
всего . .	1.932,6	1.086,6	1.334,4	703,1	222,7	107,0

Эту таблицу полезно сопоставить с другою, которая покажет глубокое изменение в отношениях Англии к внешнему рынку:

Превышение в английской внешней торговле (милл. ф. ст.)

КУДА.	ввоза.	вывоза.	ввоза.	вывоза.	ввоза.	вывоза.
	1913 г.		1920 г.		1921 г.	
В Европу	68,3	—	—	165,8	16,9	—
„ Соед. Штаты	83,1	—	437,3	—	211,5	—
„ Др. страны	—	11,5	73,5	—	28,7	—
„ Брит. доминии	—	6,0	38,8	—	19,3	—
Всего . . .	133,9	—	375,8	—	276,4	—

Таблица показывает, что превышение вывоза из Англии в Европу превратилось в превышение ввоза в Англию из Европы; это говорит о резком сжатии покупательной силы европейского континента. Превышение английского ввоза из Соед. Штатов сжалось более чем вдвое и до $^1/_3$ упало в 1921 г.

превышение ввоза из других стран, что обусловлено сократившейся потребностью английской промышленности в сырьевых товарах. Особенно сильно сократился ввоз в Англию в 1921 г. из Швеции (на 62%), Египта, Индии, Цейлона, Австралии и Соед. Штатов (свыше 50%).

Если обратиться к другой промышленной стране, к С.-А. Соед. Штатам, то и здесь в области внешней торговли наблюдаются те же самые черты глубокого промышленного и торгового кризиса. Вот соответствующие данные, в миллионах долларов:

	1920 г.	1921 г.
вывоз	8.228	4.485
ввоз	5.278	1.509

Цифры настолько показательны, что они не требуют пояснения. Обороты великобританской внешней торговли в 1921 г. сократились против 1920 г. почти в два раза, а обороты Соед. Штатов—более чем в два раза. Американский опыт в особенности показателен для характеристики современной экономической ситуации. Америка не пострадала от войны, наоборот, она сильно выиграла в смысле необычайного улучшения своей позиции на мировом рынке, а в области производства в послевоенную эпоху поставила рекордные цифры, оставившие за флагом довоенные количества. Тот факт, что в 1921 г. Соединенные Штаты сильно сократили свой вывоз на внешние рынки, был, между прочим, одной из причин некоторого улучшения на мировом валютном рынке в отношении к доллару. Спрос на доллары сократился и валюты Европы несколько вздохнули от гнета доллара. В 1921 г. вывоз из Соед. Штатов в Европу сильно сократился против предшествующего года и пассивные торговые балансы большинства европейских стран в отношении Соед. Штатов значительно улучшились, за исключением Германии и Голландии. Американский кризис, нашедший себе столь яркое выражение в сокращении оборота внешней торговли, является доказательством той истины, что в наше время нет возможности создать „splendid isolation", счастливый остров в море обнищания и разорения. Громадные запасы золота, накопленные Америкой во время и после войны, господствующая позиция на мировом рынке, ничто не спасло Америку от кризиса, порожденного войною. Однажды английский банкир Фрэзер сказал в своей речи на с'езде американских банкиров, что „у ног Америки—весь земной шар". Но, как показал печальный опыт 1921 г., от этого пользы мало, если весь „шар" значительно обеднел от мировой бойни...

Остановимся на внешней торговле Франции. И здесь можно видеть ясные следы влияния кризиса:

	1913 г.		1920 г.	1921 г.	Разница	1920 г.	1921 г.	Разница
	милл. фр.	тыс. тонн.	милл. фр.	милл. фр.	в 1921 г.	тысячи тонн.		в 1921 г.
Ввоз.								
продовольствие . . .			11.875	6.206	— 5.669	6.195	4.066	— 2.129
сырье			25.156	12.398	— 12.758	41.871	32.448	— 9.423
изделия			12.873	4.944	— 7.929	2.464	1.458	— 1.006
всего . . .	8.421	41.220	49.904	23.548	— 26.356	50.530	37.972	— 12.558
Вывоз.								
продовольствие . . .			2.613	1.932	— 680	1.257	1.227	— 30
сырье			6.113	5.559	— 553	9.709	12.858	+ 3.149
изделия			16.962	12.809	— 4.153	1.865	1.890	+ 25
почт. посылки . . .			1·206	1.253	+ 47	23	25	+ 2
всего . . .	6.880	22.074	26.894	21.553	— 5.341	12.854	16.000	+ 3.146

Превышение ввоза в 1920 г. составляло свыше 23 миллиардов франков, в 1921 г. оно опустилось до 2 миллиардов. Центр тяжести лежит в резком сокращении ввоза сырья.

Характерна позиция нейтральных стран, успевших во время войны занять временно свободные позиции на мировом рынке. К нейтральным странам можно присоединить и Японию, которая во время войны больше торговала, нежели воевала. Вот в высшей степени интересные статистические данные относительно внешней торговли нашей дальневосточной соседки, в миллионах йен:

	1912 г.	1916 г.	1920 г.	1921 г.
ввоз	619	756	2.336	1.614
вывоз	527	1.127	1.948	1.253

К сожалению, мы не располагаем данными о весовых количествах товаров, обращавшихся в японской внешней торговле и поэтому трудно определить, какую часть послевоенного увеличения оборотов следует отнести за счет повышения товарных цен. Но остается несомненным факт сильного увеличения оборотов японской внешней торговли во время и после войны вплоть до современного кризиса, как раз вспыхнувшего искрой, зажегшей мир, в этой самой Японии. Характерным показателем „военной кон'юнктуры' является то обстоятельство, что в военные годы Япония получила возможность создать у себя благоприятный торговый баланс в виде значительного превышения вывоза; этого у нее не было до войны и это же сразу исчезло с наступлением кризиса. В 1921 г. в области японского вывоза сильное сокращение пришлось на долю шелка-сырца, а сокращение ввоза—на долю хлопка. Эти два факта стоят в полном соответствии с тем, что в Японии кризис особенно охватил как раз текстильную промышленность.

Среди нейтральных государств одну из самых прочных позиций на мировом рынке держит старая промышленная и богатая капиталами страна—Голландия. Голландия переживает острый кризис, обусловленный, главным образом, двумя обстоятельствами—сильным под'емом товарных цен до осени 1920 г. и высоким курсом ее гульдена, который в силу своей высокой „премиальности" тормозил сбыт голландских товаров на внешний рынок, в особенности при условии, когда под боком находится Германия с обесцененной маркой. Внешняя торговля Голландии дала следующие результаты, в миллионах гульденов:

	1918 г.	1920 г.	1921 г.
ввоз	$637^1/_2$	$3.367^1/_2$	$2.288^1/_2$
вывоз	$417^1/_2$	$1.748^1/_2$	1.471

В этой табличке характерны два факта: во-первых, резкий скачек оборотов в 1920 г., что несомненно главным обра-

зом стоит в связи с мировым под'емом цен, и, во-вторых, сильное сокращение пассивности торгового баланса в 1921 г., что говорит о сокращенной потребности голландской промышленности в привозном сырье. Такое сокращение пассивности торгового баланса в критическом 1921 г. весьма характерно для большинства стран. Вот, напр., данные относительно внешней торговли Швеции, в миллионах крон:

	ввоз.	вывоз.	превышение ввоза.
1920 г.	3.373	2.923	450
1921 г.	1.266	1.097	169

В 1921 г. в Швеции сокращение ввоза обязано преимущественно сокращению привоза из-заграницы угля и кокса, а уменьшение вывоза произошло за счет сокращения вывоза леса и древесной пульпы; оба эти обстоятельства ясно говорят о той коренной и всеобщей причине, которая повсюду вызвала однообразный эффект. Такое же сокращение пассивности торгового баланса отмечено в Дании, где опять-таки главное сокращение ввоза приходится на долю промышленного сырья, напр., хлопка, чугуна и т. д.

Интересна позиция на международном рынке Швейцарии, обладающей среди других стран лучшей валютой и в то же время переживающей весьма тяжелый экономический кризис. Швейцарский франк до войны стоил в Нью-Йорке 19,3 цента за франк, в средине марта 1922 г.—19,4 цента, т.-е. выше паритета. Но внутренняя покупательная сила франка значительно упала, так как швейцарский товарный индекс в декабре 1921 года показывал 147. Для заграницы швейцарские товары, в виду высокого курса франка, оказываются слишком дорогими, разве Соед. Штаты могут свободно покупать на швейцарском рынке. Поэтому в последний год валютной разрухи швейцарский экспорт сильно упал. Его падение сократило и импорт в Швейцарию, так как в этом импорте большую роль играет сырье для переработки. Вот данные о швейцарской внешней торговле, в милл. фр.:

	Ввоз.	Вывоз.	Превышение ввоза.
1913 г.	1919,8	1376,4	+543,4
1914 „	1478,4	1186,9	+292,5
1915 „	1680,0	1670,1	+ 9,9
1916 „	2378,5	2447,7	— 69,2
1917 „	2405,1	2322,9	+ 82,2
1918 „	2401,5	1963,3	+438,2
1919 „	3533,4	3298,1	+235,3
1920 „	4242,8	3277,1	+965,7
1921 „	2296,3	2140,1	+156,2

В 1921 г. вывоз из Швейцарии в европейские страны составил 1249 милл. фр. против 2347 милл. в 1920 г., но и ввоз упал с 2828 милл. до 1638 милл. И только вывоз в С.-А. Соед. Штаты поднялся с 283 на 586 милл. фр. Только Америка оказалась в состоянии покупать дорогие шелка, часы и машины из Швейцарии.

Данные относительно внешней торговли стран с обесценившейся и продолжающей обесцениваться до пределов невозможного валютой не характерны для критического года, так как падение ценности бумажноденежной единицы, как известно, создает поощрительный стимул для форсирования товарного вывоза. В этом отношении поучительны примеры Австрии и Германии. Здесь обороты внешней торговли подчиняются сильному влиянию валютного фактора, который до известных пределов временно способен преодолеть действие и влияние неблагоприятной кон'юнктуры мирового рынка. Можно указать, напр., на такой факт: в 1921 г. вывоз Австрии в Великобританию увеличился на 151%, в то время как вывоз в туже страну из других европейских стран резко сократился, напр., из Швейцарии—с 645 милл. на 349 милл.

Гельмут Клотц сделал попытку определить в цифрах влияние обесценения валюты на экспорт („Valuta und Export", „Berl. Tagebl.", 6. IV. 1922). При решении этого вопроса учитываются только экономические факторы образования иностранных денежных курсов, с устранением возможных влияний политических событий и настроения рынка. Под экономическим фактором разумеются те моменты, которые группируются вокруг соотношений внутренней покупательной силы отдельных валют, в данном случае—доллара и германской марки. Соотношение внутренней покупательной силы доллара и марки даст их теоретический денежный курс, который не совпадет с биржевым, так как биржевой курс кроме экономического фактора учитывает действие и иных влияний. Теоретический курс устанавливается при помощи индексов товарных цен, определяющих покупательную силу сравниваемых денежных единиц.

Принимая во внимание индекс вздорожания в Германии и уклонение американских цен от довоенного уровня, при довоенном паритете 1 доллар равен 4,2 марк., получим внутреннюю ценность доллара, выраженную в марках, на

1 янв.	1920 г. . . .	19,7 мар.
1 „	1922 „ . . .	123,9 „
1 февр.	„ „ . . .	130,9 „
1 марта	„ „ . . .	153,3 „

Но биржевой курс доллара в отмеченные моменты был выше, именно:

1 янв. 1920 г. . .	в 2,53 раза,	т.-е. вместо	19,7 мар.	—	49,8 мар.
1 „ 1922 „ . . .	„ 1,48 „	„ „	123,9 „	—	184,0 „
1 февр. „ „ . . .	„ 1,54 „	„ „	130,9 „	—	202,0 „
1 марта „ „ . . .	„ 1,50 „	„ „	153,3 „	—	230,0 „

Расхождение между внутреннею и внешнею ценностью доллара весьма значительно, но в течение первых месяцев 1922 г. их соотношение почти постоянно:

1 янв. 1922 г. . . .	1,48
1 февр. „ „ . . .	1,54
1 марта „ „ . . .	1,50

Абсолютное расхождение между внутренней и внешней ценностью доллара, при постоянстве соотношения этого расхождения, будет тем больше, чем выше внутренняя ценность доллара. В каком же отношении все это стоит к вопросу об экспорте? Конечно, различные виды экспортной промышленности и различные виды экспортной торговли неодинаково реагируют на указанный валютный фактор, но можно установить общую или среднюю линию его воздействия. При определившейся внутренней ценности доллара или марки на основании товарных индексов, американец покупал в Германии дешевле, чем в своей стране, на

60,4%	1 янв. 1920 г.
32,7%	1 „ 1922 „
35,2%	1 февр. „ „
33,4%	1 марта „ „

т.-е. при покупке в Германии американец платил только

1 янв. 1920 г.	39,6%	американской цены
1 „ 1922 „	67,3%	„ „
1 февр. „ „	64,8%	„ „
1 марта „ „	66,6%	„ „

При этом расчете не приняты во внимание расходы по фрахтам, страхованию, пошлинам. Если все это присчитать к стоимости немецких товаров, т.-е. если их определить по

цене франко - Америка, то американец покупал немецкие товары

1 янв.	1920 г.	деш.,	чем	в Амер.	на	45,4%	или	за	54,6%	амер.	цены
1 „	1922 „	„	„	„	„	17,7%	„	„	82,3%	„	„
1 февр.	„	„	„	„	„	20,2%	„	„	79,8%	„	„
1 марта	„	„	„	„	„	18,4%	„	„	81,6%	„	„

Расхождение между внутренней и внешней ценностью марки и является масштабом экспортной способности Германии. Чем больше это расхождение, тем, конечно, благоприятнее кон'юнктура германского экспорта, и наоборот.

Тем же самым вопросом занялся периодический орган „London Joint City and Midland Bank'a" (Monthly Review, цит. „Morning Post", 10. VII. 1922). В данном случае марка сопоставляется с фунтом стерлингов. Названный источник отмечает медленное сглаживание внутренней и внешней стоимости германской марки, т.-е. постепенного сокращения экспортной премии. Но журнал отказывается, на основании соответствующего цифрового материала, признать, что будто бы уже теперь (июль 1922 г.) германские товарные цены подошли к уровню мирового рынка. Это можно утверждать, пожалуй, разве только в отношении некоторых товаров. В приводимых ниже двух табличках даны, между прочим, данные германского оптового индекса с октября 1921 г., когда колебания курса марки на внешних рынках сделались особенно свирепыми. За тот же период приведен английский индекс оптовых цен, составляемый в Лондоне в Board of Trade. Путем сопоставления обоих индексов высчитывается вексельный курс марки с презумпцией, что этот курс определяется исключительно соотношением товарных цен в Германии и Великобритании. Такое исчисление показывает, что премия на германские вывозные товары постоянно понижается, но все-таки внутренняя стоимость марки на 60% превышает ее внешнюю стоимость. Но если принять во внимание то обстоятельство, что английский и германский индексы составляются на различных основаниях, а поэтому они не дают правильного сооотношения уровня товарных цен обоих стран, то следует признать, что в действительности внутренняя стоимость марки превышает ее внешнюю стоимость более, чем на 60%. Следует отметить, что с конца 1921 г. оффициальный индекс оптовых цен Германии почти удвоился, между тем как курсовая цена марки упала только на 33%. Оффициальный индекс стоимости жизни в Германии, базируемый на цене предметов необходимости, за исключением платья, равным образом, удвоился в тот же самый период, но тем не менее индекс дороговизны остается гораздо ниже

уровня оптовых цен, что об'ясняется многими факторами, между прочим, продовольственными субсидиями из казны, регулированием квартирных плат и т. д. Сейчас в Германии квартирная плата составляет лишь $2^1/_2\%$ стоимости жизни, между тем как до войны она составляла 20%. Кроме того, в низком уровне стоимости жизни ответственен и тот факт, что в Германии распродавались большие запасы товаров по ценам ниже существовавших на рынке. Если индексовую цифру декабря 1921 г. взять за 100, то индекс с января по май (1922 г.) будет: 105, 127, 151, 182 и 198. Очевидно Германии еще в ближайшем будущем предстоит тягостная операция выравнивания стоимости жизни в соответствии с уровнем оптовых цен.

Курс германской марки был довольно устойчивым в период времени между осенью 1921 г. и июлем 1922 г., когда он вошел в период катастрофических колебаний. В виду этой относительной устойчивости и постоянного роста оптовых цен последние могли бы, казалось, приблизиться к уровню мирового рынка. Но этому мешали, главным образом, два фактора: низкий уровень заработных плат и искусственно низкие квартирные платы. Кроме того, на почве вопроса о репарационных платежах возрастает общее недоверие к будущему германского народного хозяйства, что гнетущим образом влияет на курс марки, гонит ее вниз и тем самым снова раздвигает расстояние между внутреннею и внешнею стоимостью германской марки, вновь увеличивая размер экспортной премии на германские вывозные товары.

Теперь приведем две таблички, составленные вышеназванным „Monthly Review" лондонского „Joint City and Midland Bank'a":

Внутренняя и внешняя стоимость марки.

	Германские стоимости жизни.	оффиц. индексы оптовых цен.	Курс марки марок за ф. стерл.
1921 г.			
Октябрь .	1·380	2.460	572
Ноябрь .	1.594	3.416	1.036
Декабрь .	1.746	3.487	805
1922 г.			
Январь .	1.825	3.665	813
Февраль .	2.209	4.103	907
Март . .	2.639	5.433	1.231
Апрель .	3.175	6.355	1.283
Май . . .	3.462	6.458	1.289

	Англ. оптовый индекс.	Курс марки на основании индексов. Марок за ф. стерлинг.	Экспортная премия в Германии.	Эксп. премия, выраженная в % ко второй колонне.
1921 г.				
Октябрь .	184,5	272	300	110
Ноябрь .	176,4	396	640	162
Декабрь .	171,4	416	389	94
1922 г.				
Январь .	167,5	447	366	82
Февраль .	165,3	507	400	79
Март . .	163,3	680	551	81
Апрель .	163,2	796	487	61
Май . . .	164,0	805	484	60

Эти соображения по поводу германской марки интересно дополнить расчетами итальянского профессора Мортары. G. Mortara (в новом издании его „Prospettive Economoche“, цит. в „The Economist, янв. 28, 1922 г.). занимается между прочим изучением соотношения между внутренней и внешней ценностью итальянской лиры. Золотая ценность лиры составляла, в декабре

1914 г.	. . 98%	1918 г.	. . 82%
1915 „	. . 79%	1919 „	. . 40%
1916 „	. . 76%	1920 „	. . 18%
1917 „	. . 62%	1921 „	. . 23%

Благодаря падению товарных цен в Соед. Штатах, лира стала покупать большее количество товаров. Проф. Мортара сделал подсчет, сколько весовых единиц определенная сумма лир покупала на внутреннем рынке и в Америке в 1913 г. и в сентябре 1921 г. Взявши отношения 1913 г. за 100%, получается следующая покупательная способность лиры в 1921 г.

В Италии.		В Соед. Штатах.	
Пшеница	23	Пшеница	17
Кукуруза	20	Кукуруза	25
Вино	15	Сахар	17
Оливковое масло	16	Керосин	23
Мясо	15	Тел. кожи . . .	29
Масло	14	Уголь	13
Сырая шерсть .	23	Сырая шерсть .	22
„ пенька .	19	Хлопок сырец . .	14
Шелк сырец . .	14	Чугун	17
Сера	17	Сталь	20

Таблица показывает, что лира к осени 1921 г. сохранила $^1/_5$ своей былой покупательной силы. И что более интересно—в расценках лиры внутри страны и на внешнем рынке произошло сближение, обещающее наступление равновесия. Таким образом, итальянский случай, если, конечно, подсчеты проф. Мортары верны, дает совершенно иную картину валютных отношений, нежели германский случай. В итальянском случае перспектива стабилизации валюты, несомненно, гораздо ближе, чем в Германии, и внешняя торговля Италии почти свободна от специфического действия валютного фактора.

Возвращаясь от этого теоретического экскурса к положению германской внешней торговли, мы должны констатировать, что оффициальная статистика дала до сих пор точные данные о германской внешней торговле лишь за 1920 г. К маю 1921 г. в Германии были изменены методы статистики внешней торговли, и вообще на Западе сомнительно покачивают головами по поводу этой статистики. Известно, что обороты германской внешней торговли имеют непосредственное отношение к платежам союзникам. Но приведем те данные, которыми мы располагаем. В общем, обороты внешней торговли Германии после войны по сравнению с довоенной эпохой сжались чрезвычайно, о чем можно судить по следующим данным.

	1913 г.	1920 г.
Ввоз . . .	728.307 тыс. дв. центн.	188.366 тыс. дв. центн.
Вывоз . .	735.135 „ „ „	198.096 „ „ „

Ценность торговых оборов 1913 и 1920 г. не поддается сравнению, так как марка 1913 г. и марка 1920 г. между собою различаются весьма резко. Даже между маркой января 1920 г. и декабря того же года лежит дистанция огромного размера. Между прочим, ценность вывоза в 1913 г. определена в 10,7 миллиардов марок, в 1920 г.—69,5 миллиардов!...

Для 1921 г. опубликованы цифры вывоза только с мая по декабрь; за это время из Германии было вывезено 137,2 милл. двойных центнеров. Если сделать предположение, что в 1921 г. Германия вывозила каждый месяц среднее количество, равное 137,2 деленному на 8 месяцев, то предположительные размеры вывоза 1921 г. должны составить 205,8 милл. дв. центнеров против 198 милл. в 1920 г. Прирост вывоза из Германии в критический 1921 г. не будет диковинкой, так как в этом, именно, году совершилось дело катастрофического обесценения марки, что, во-первых, создало сильно действующий стимул к вывозу, а во-вторых, напугало заграницу, обладавшую огромными запасами марок. Заграница

было безопаснее обменять быстро обесценивающиеся марки на германские товары.

В направлении вывоза германских товаров больших изменений не произошло. На первом месте стоит Европа: в 1913 г.—76%, в 1920 г.—82,4%, в 1921 г.—79,6%. Соед. Штаты в 1913 г. взяли—7,1%, в 1920 г.—6,3%, в 1921—7,2%. Страны Антанты сократили свое поглощение немецких товаров вдвое, но нейтральные страны значительно его увеличили.

В дополнение к приведенным данным можно прибавить табличку, содержащую сведения и о ввозе в Германию (Frankf. Ztung", 7. IV. 1922 г.).

	Количество в 1000 дв. центн.		Ценность в милл. мар.		Средний курс доллара.
	Ввоз.	Вывоз.	Ввоз.	Вывоз.	
1921 г.					
Май . . .	15.340	11.452	5.487	4.558	62,30
Июнь . . .	18.236	15.091	6.410	5.433	69,38
Июль . . .	19.245	15.582	7.580	6.212	76,67
Август . .	21.109	18.277	9.418	6.677	84,31
Сентябрь .	25.326	18.707	10.668	7.519	104,91
Октябрь . .	30.048	19.731	13.875	9.711	150,20
Ноябрь . .	25.346	19.079	12.278	11.012	262,96
Декабрь . .	20.857	19.295	13.707	14.554	191,93
1922 г.					
Январь . .	23.118	20.271	12.767	14.528	191,81
Февраль .	14.752	17.473	12.047	14.540	207,82
Март . . .	26.446	21.526	22.919	21.285	284,19
Апрель . .	28.889	21.760	28.261	22.995	291, 0

III.

Движение цен.

Вопрос о ценах в послевоенную эпоху представляется сложным в силу той экономической обстановки, которая была создана войною. Прежде всего следует указать на то, что подавляющее большинство государств утратило твердый измеритель ценности товаров, так как перешло от твердой валюты к бумажноденежной. Достаточно будет указать, что после западно-европейского перемирия до конца 1921 г. на всем европейском континенте не было ни одной страны с золотым обращением и что такая огромная площадь Европы,

которая занята Россией, Германией, бывшей Австро-Венгерской империей и Польшей, обречена была обходиться с быстро обесценивавшимися бумажными деньгами. Другие страны Европы находились в сравнительно более благополучных валютных условиях, но только по сравнению с теми странами, которые целиком оказались во власти валютного хаоса. С другой стороны война, разрывавшая на ряд лет международное экономическое общение, создала ненормальные хозяйственные условия для образования товарных и в особенности товарно-продовольственных цен. Страны в большинстве случаев были основательно отрезаны от обычных источников снабжения привозными товарами и поэтому были вынуждены заводить у себя дома производство таких товаров, которые в нормальных условиях было бы выгоднее приобретать за границей. Так, напр., Англия была вынуждена не только налаживать у себя производство химических красок, но и превратиться в страну сельскохозяйственного протекционизма, осуществляя его всячески, между прочим, поддержанием хлебных цен на высоком уровне в силу закона (до марта 1921 г.), накапливанием правительственных запасов, выдачей премий производителям и т. д. Вследствие этого хлебные цены в Англии развивались в искусственной обстановке. Вот движение цен на английские хлебные продукты—в виде годовых средних цен.

	1913 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Пшеница (за 480 ф.) .	31 ш. 6 п.	72 ш. 10 п.	72 ш. 11 п.	80 ш. 10 п.	71 ш. 6 п.
Ячмень (за 400 ф.) .	27 „ 3 „	59 „ 0 „	75 „ 9 „	89 „ 5 „	52 „ 2 „
Овес (за 312 ф.). . .	19 „ 1 „	49 „ 4 „	52 „ 5 „	56 „ 10 „	34 „ 2 „

Для того, чтобы составить некоторое представление о хлебных ценах Англии в 1921 г., можно указать, что, напр., цена пшеницы на таком высоком уровне, не считая предшествующих послевоенных лет, стояла в эпоху крымской войны (1855 г.); цена овса была на этом уровне в 1813 г., цена ячменя—в 1818 г., т.-е. как раз в военные годы доброго старого времени.

Война создавала искусственный спрос на товары определенных категорий и взвинчиванием цен форсировала их производство или добычу, напр., каучука. По прекращении войны искусственное основание цены отпадало и, напр., цена на каучук упала гораздо ниже довоенного уровня, так что плантаторы вынуждены были войти в соглашение об искусственном сокращении добычи резины на 25%. Такое соглашение сохраняло силу в течение всего года.

Одновременно военные условия заставили отдельные страны переменить рынки своего снабжения. Послевоенная Европа в продовольственном отношении, напр., облокотилась

на северные и южные американские страны, так как возможность снабжения из восточной Европы была утрачена. Вот напр., таблица, показывающая источники снабжения Великобритании пшеницей:

Из	Привезено пшеницы 1913 г.	1920 г.	1921 г.
		Тыс. квинталов	
России	5.011	2	—
Германии . .	447	—	—
Румынии . . .	39	—	—
Турции . . .	41	—	—
Соед. Штатов	34.068	45.422	36.065
Чили	765	—	323
Аргентины . .	14.756	30.830	4.080
Бр. Ост. Индии	18.766	20	2.668
Австралии . .	10.126	19.966	19.993
Новой Зеланд.	56	4	—
Канады . . .	21.788	10.189	14.589
Др. стран . .	13	2.892	2.526
Всего . .	105.878	109.328	80.246

Таблица показывает, что в области снабжения Великобритании пшеницей в послевоенную эпоху произошло существенное изменение в том смысле, что участие Европы в этом снабжении свелось к нулю, а вся тяжесть упала на американские и другие рынки. Ясно, что такая перегрузка не могла не отозваться на хлебных ценах. Другим последствием этой перегрузки является ослабление покупательной способности бывших рынков сбыта пшеницы в отношении английских вывозных товаров. Не говорим уже о том, что повышенный спрос Англии на американский хлеб излишне повышает курс американской валюты, т.-е. удорожает американские вывозные товары.

Весьма интересно мнение известного английского экономиста Джорджа Пэша, редактора журнала „The Statist“. Пэш на митинге в пользу русских голодающих заявил: „допустить Россию голодать—значит угрожать голодом Англии. События развертываются в самую дурную сторону. Мы приближаемся к голоду каждый день и правительства мира не понимают этого. В былые времена Россия была большим нашим продовольственным источником. Приблизительно половину своего ввозного хлеба Европа получала от России. В среднем, Россия ежегодно экспортировала приблизительно 400 милл. бушелей зерна. Это снабжение ныне отсутствует. Когда в мировом урожае случались недоборы, Россия не раз спасала положение. До тех пор, пока будет отсутствовать

снабжение из России, Европа будет находиться в опасности. Америка сильно повысила свою производительность, но нам нечем было платить ей; Америка продавала в кредит. Теперь мы говорим Америке, что мы не можем ей платить. Требование аннуляции долгов это и означает. И это—верно, мы платить не можем. Но ведь и Америка не может снабжать нас без конца, если ей не будут платить. Она уже начала требовать золото. Она уже не довольствуется нашими векселями и обещаниями. Кредит Европы исчерпан. А Америка просто перестанет выращивать излишние количества хлеба. („Manchester Guardian", 22 X. 1921 г.).

Изменение в положении стран, характерных в отношении экспорта пшеницы, рисуется в следующей таблице, составленной журналом „The Economist", (3. VI. 1922 г.):

Экспортирующие страны.	Средн. вывоз 1909—13 г. в тыс. квартеров.	% к общему итогу.	Средн. вывоз 1914-1915—1918-19 г. тыс. кв.	% к общему итогу.
Россия	20.125	24,5	—	—
С.-А. Соедин. Штаты . . .	12.323	15,0	29.262	43,0
Аргентина . .	11.897	14,5	9.647	14,0
Канада . . .	11.268	13,6	19.937	29,0
Румыния . . .	6.601	8,0	—	—
Индия	6.386	7,8	3.768	5,5
Австралия . .	6.166	7,5	5.624	8,0
Венгрия . . .	5.981	7,0	—	—
Болгария . . .	1.245	1,5	—	—

В другой таблице показано увеличение площади запашки и увеличение хлебного производства:

	Площадь под пшеницей. Средняя, в тыс. акров.			Производство. Средняя, в тыс. кварт.		
	1909—13.	1915—19.	% увелич.	1909—13.	1915—19.	% измен.
С.-А. Соед. Штаты . .	47.097	57.873	23,0	85.836	103.862	+21,0
Канада . .	9.945	16.379	64,7	24.640	31.810	+29,0
Аргентина .	15.799	16.566	4,8	19.668	19.437	— 1,0
Индия . . .	29.114	31.020	6,5	43.842	40.818	— 7,0
Австралия .	6.798	10.287	51,0	10.618	13.830	+30,0
ВСЕГО .	21.751	26.422	21,4	36.921	41.951	+13,6

Мировой хлебный рынок показал значительную эластичность, что позволяет „The Economist'у" выразить уверенность в непрерывности и достаточности снабжения Англии привозным хлебом, и в этом отношении названный журнал

расходится с приведенным выше мнением редактора журнала „The Statist". Но вне спора остается тот факт, что перемещение центров снабжения Европы пшеницею не может не остаться без влияния на хлебные цены и на состояние расчетных балансов Европы и Америки.

Переходим к другому фактору.

Одновременно во время войны и в течение первых лет по ее окончании во многих странах господствовала система правительственного регулирования товарных цен, контроля как над ценами, так и над снабжением и распределением товаров. Весьма часто этот контроль происходил в обстановке деградирующей бумажноденежной валюты, когда „твердая" цена была окружена изменчивой атмосферой бумажноденежного хозяйства. Это обстоятельство служило причиною образования двух рынков—оффициального с его регулированными ценами и спекулятивного, стремившегося всячески обойти как твердые цены, так и нормы снабжения и распределения. Естественно, что в таких условиях образование товарных цен совершалось на явно больном основании, на больном потому, что при наличии спекулятивного рынка придерживаться оффициального можно было только или по необходимости, или по наивности, которой так мало в коммерческом мире трезвых расчетов. По поводу такой наивности нам вспоминается откровенный пассаж из одной английской статьи о переживаемом современной Австралией кризиса. Во время войны австралийские сельские хозяева поставляли британскому правительству мясо, шерсть, пшеницу и аналогичные товары по фиксированным ценам, которые были ниже цен свободного мирового рынка. Напр., австралийские производители шерсти наблюдали, как во время войны свободные цены на шерсть достигали баснословных размеров, сами же они продавали свой товар по фиксированной цене. Они себя тогда утешали: „ничего,—мы помогаем Англии сейчас, а Англия поможет нам тогда, когда она покончит это дело с Германией". Каждый австралийский производитель масла и мяса говорил то же самое. Они наивно думали, что за их согласие торговать по фиксированным ценам Англия после войны будет покупать шерсть, масло и мясо только в своих доминиях и у союзников. Когда же война окончилась, то Англия стала покупать товары там, где они, напр., по причине фрахтов, были дешевле, напр., масло в близкой к Англии Дании, а не в отдаленной Австралии. Теперь австралийские фермеры говорят: „Дания нас подсекает в Англии с маслом. И какого чорта нужно возиться с этой Данией. Что она делала во время войны? Кормила немцев, когда мы помогали Англии"- („The coming crisis in Australia", в „New Statesman", 22. IV. 1922 г.).

Оставляя в стороне движение товарных цен во время войны, когда это движение по существу шло исключительно в сторону повышения, сдерживаемое системою принудительного хозяйства, остановимся на послевоенной эпохе.

В послевоенное время движение товарных цен претерпело резкое изменение. Сначала, тотчас по заключении европейского перемирия, товарные цены неудержимо поползли вверх, что было развитием той дороговизны, корни которой целиком находятся в военной эпохе. Усиление дороговизны после войны обязано двум основным причинам: во-первых, тому товарному голоду, который повсеместно был создан военным истреблением неисчислимого количества материальных ценностей; во-вторых, усиление дороговизны было неминуемо и потому, что война расшатала промышленные организации, полуразрушила торговлю и кредит и привела к значительному сокращению народно-хозяйственных доходов. Сюда же присоединялось действие податного пресса и валютного фактора. В том же направлении действовало постепенное сокращение рамок принудительного хозяйства с его регулированными ценами. Но в основе необычайного под'ема волны дороговизны лежал факт превышения спроса над предложением. Спрос был подстегнут товарным голодом, получившим возможность некоторого удовлетворения по заключении перемирия в ноябре 1918 г.; предложение было сокращено промышленной разрухой и понижением производительности труда.

Для того, чтобы отметить календарные моменты достижения товарными ценами наивысших уровней,—различные для отдельных стран,—мы воспользуемся табличкой из английского „The Economist“ (8. IV. 1922 г.), охватывающей период времени со дня перемирия до марта 1922 г. В данной табличке учтены оптовые цены различных стран, в их процентном отношении к ценам последнего—1913—нормального года (в скобках сокращенно указан месяц и год):

	Цены XI 1918 г.	Высшие цены.	Цены конца 1921 г.	Цены начала 1922 г.	
Соед. Штаты	205	227 (I—20)	123	133	Февраль.
Франция . .	358	591 (IV—20)	326	314	Январь.
Италия . .	438	679 (IV—20)	594	577	Январь.
Германия .	·	5.899 (III—22)	3.348	5.899	Март.
Швейцария	—	325 (I—20)	176	170	Февраль.
Швеция . .	367	366 (VI—20)	172	166	Февраль.
Дания . . .	292	403 (X—20)	178	182	Март.
Япония . .	214	322 (III—20)	209	205	Январь.

Первая цифровая колонна таблицы показывает, что дороговизна охватила к моменту окончания войны как воюю-

шие, так и нейтральные страны. Размер дороговизны был различен в отдельных странах, но нейтральные страны в отношении дороговизны не только не отставали от воевавших стран, но иногда обгоняли их, напр., Швеция по сравнению с Соед. Штатами и даже с Францией. Вторая колонна цифр свидетельствует о том, что кульминационным пунктом дороговизны был 1920-й год, и, именно, первая треть этого злополучного года. Исключением из этого общего правила является Германия, где дороговизна выражалась в постепенном в первое время, а затем в бурном обесценении денежной единицы. Разумеется, в одну категорию с Германией должны быть включены страны, находившиеся в аналогичной обстановке, как, напр., Россия, Австрия, Польша. Третья колонна говорит о том, что к концу 1921 г. повсюду, за исключением, конечно, Германии, цены после достижения ими кульминационной точки под'ема, опустились, но не везде в одинаковом размере. И, наконец, последняя колонна отмечает тот важный факт, что понижение оптовых цен в 1921 г., очевидно, местами стало достигать предельного минимума, так как в некоторых странах, напр., в С.-А. Соед. Штатах и в Дании, товарные цены снова потянулись вверх.

В приведенной таблице отсутствует Англия, на которой интересно остановиться более подробно. Для Англии мы воспользуемся индексом журнала „The Economist“, так как этот индекс оптовых цен даст возможность наблюдать движение цен на товары различных категорий. В группе „А“ дан индекс хлебных и мясных товаров; в группе „Б“—других продовольственных товаров; в группе „В“—текстильных; в группе „Г“—минеральных и в группе „Д“—товаров смешанных, напр., каучука, леса, масел и т. д. Кроме того, таблица дает общий индекс всех товаров, т.-е. сводку (сумму) групп А, Б, В, Г и Д, и последняя колонна повторяет предшествующую в другой форме, беря индексовую цифру 1901—05 г. г. за 100%.

	А	Б	В	Г	Д	Общий индекс.	% изменения общ. индекса.
Базис (ср. 1901—05 г. г.)	500	300	500	400	500	2.200	100,0%
1-го июля 1914 г. . .	565½	345	616	471½	551	2.549	115,9
Конец июля 1914 г. .	579	352	616½	464½	553	2.665	116,6
„ декабря 1914 г.	714	414½	509	476	686½	2.800	127,3

	А	Б	В	Г	Д	Общий индекс.	% изменения общ. индекса.
Конец декабря 1915 г.	897	446	731	711½	848½	3.634	165,1
„ „ 1916 „ .	1.294	553	1.124½	824½	1.112	4.908	222,0
„ „ 1917 „ .	1.256½	686	1.681½	839½	1.348½	5.845	263,2
„ октября 1918 „ .	1.271	780	1.889	878½	1.391½	6.210	282,6
„ ноября „ „ .	1.289	782½	1.848	903	1.389½	6.212	282,6
„ декабря „ „ .	1.303	782½	1.805½	866	1.337	6.094	277,0
„ „ 1919 „ .	1.441½	881½	2.442½	1.145	1.453½	7.364	334,7
„ марта 1920 „ .	1.508	914	2.974½	1.246	1.709½	8.352	379,6
„ июня „ „ .	1.511	929½	2.562	1.289	1.555½	7.847	356,7
„ декабря „ „ .	1.344	805	1.284	1.216	1.275	5.924	269,3
„ января 1921 „ .	1.259½	797	1.187	1.128½	1.209	5.617	255,3
„ июля „ „ .	1.165	707½	958½	937	1.030	4.798	218,1
„ декабря „ „ .	921½	636	1.106	762	931½	4.357	198,0
„ января 1922 „ .	907½	654½	1.066½	730	925½	4.284	194,7
„ февраля „ „ .	948	640½	1.037½	696½	936½	4.259	193,6
„ марта „ „ .	980	687	1.038	700	892	4.297	195,3
„ апреля „ „ .	1.008½	667	1.010	709½	890	4.285	194,8
„ мая „ „ .	1.040½	657	1.079	710½	885	4.372	198,7
„ июня „ „ .	1.000½	676½	1.135	690	887	4.389	199,5
„ июля „ „ .	994½	669	1.120	712½	900	4.396	199,8

Приведенная таблица чисел - показателей обнаруживает факт постоянного повышения товарных цен в Англии во время войны и особенно в течение первых двух послевоенных лет, с достижением кульминационного пункта в марте 1920 г. После этого момента начинается быстрое снижение цен, которое протекает в течение двух третей 1920 г., в течение всего 1921 г. и делает заминку в марте 1922 г., склоняясь на повышение, в особенности заметное в области продоволь-

ственных товаров обоих групп (А и Б). Если взять числа-показатели оптовых цен в той же Англии из другого английского журнала,—из „The Statist“,—то окажется, что максимальная точка повышательного движения была достигнута в апреле 1920 г., когда индекс показывал 323 при предположении, что цены июля 1914 г. равнялись 100.

Между движением оптовых и розничных цен нет хронологического параллелизма. Розничные цены во всех странах продолжали идти вверх в то время, когда оптовые давно уже обнаружили понижательную тенденцию. Причин такого расхождения в движении оптовых цен и розничных имеется целый ряд; среди них одно из главных мест занимает та, в силу которой розница не может при всем желании понизить свои цены. Розничная торговля, закупившая товары по высокой цене, вынуждена держать повышенные цены до полной ликвидации своих запасов. Но помимо этого, посредники торговцы вообще мало склонны понижать свои цены. В 1921 г. в Англии многие муниципалитеты занялись исследованием розничных цен и остановили свое внимание на том факте, что эти цены резко отличаются от оптовых. „Мы во власти посредников“, — заявил один из муниципальных деятелей Манчестера („Manchester Guardian“. 6. X. 1921). Этим же вопросом интересовались в Соед. Штатах, где было обнаружено, что торговые синдикаты, напр., в области готового платья, фруктов, сознательно противодействуют понижению розничных цен. На собрании промышленных банков в Японии в августе 1921 г. было констатировано, что „розничные цены не идут в соответствии с движением оптовых цен и заработных плат“ („Daily Telegraph“, 17. XII. 1921).

Во Франции движение оптовых цен и розничных равным образом не совпадало и понижение розничных цен шло гораздо медленнее, нежели оптовых, что можно видеть из следующей таблицы, в которой приведены числа - показатели оптовых и розничных цен:

	Оптовые цены:	Розничные цены:
Октябрь 1920 г.	581,5	420
Ноябрь „	532,6	426
Декабрь „	502,6	424
Январь 1921 г.	470,0	410
Февраль „	434,3	382
Март „	411,9	358

На протяжении одинакового периода времени оптовые цены упали на 30%, а розничные—только на 15%.

Аналогичную картину можно наблюдать и в Англии. Мы приведем индекс, составляемый английским министерством

труда. Он представляет собою подсчет процентного возрастания статей расхода, составляющих существенное содержание бюджета рабочей семьи (пища, платье, освещение, отопление и т. д.). Цифры ниже приводимой таблицы представляют собою процент вздорожания против цен довоенного времени и охватывают период войны и послевоенные годы.

Месяц.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
I	10—15%	35%	65%	85—90%	120%	125%	165%	92%
II	15	35	65—70	90	120	130	151	88
III	15—20	35—40	70	90	115	130	141	86
IV	15—20	35—40	70—75	90—95	110	132	133	82
V	20	40—45	75	95—100	105	141	128	81
VI	25	45	75—80	100	105	150	119	80
VII	25	45—50	80	100—105	105—110	152	119	84
VIII	25	45—50	80	110	115	155	122	
IX	25	50	80—85	110	115	161	120	
X	30	50—55	75—80	115—120	120	164	110	
XI	30—35	60	85	120—125	125	176	103	
XII	35	65	85	120	125	169	99	

Выше мы сказали, что в Великобритании оптовые цены достигли высшей точки в марте 1920 г. Только-что приведенная таблица, составленная на основании розничных цен, обнаруживает, что вздорожание жизни в Англии продолжалось почти в течение всего 1920 г., достигнув максимального предела в ноябре 1920 г., когда в области оптовых цен произошло уже значительное понижение. В дополнение к индексовым данным приведем данные относительно движения конкретных оптовых цен на некоторые товары в Англии.

31-го декабря:

НАИМЕНОВАНИЕ ТОВАРОВ.	1913 г.			1919 г.			1920 г.			1921 г.		
	ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.	ф.	ш.	п.
Пшеница англ. средн. за 480 ф.	—	31	1	—	72	6	—	86	9	—	44	7
Маис Ла-Плата 480 ф.	—	24	—	—	67	—	—	57	6	—	33	—
Ячмень англ. средн. 480 ф.	—	26	2	—	105	10	—	72	7	—	45	7
Овес англ. средн. 312 ф.	—	13	—	—	57	2	—	42	9	—	23	1
Мука 280 ф.	—	26	6	—	41	3	—	80	—	—	47	—
Картофель англ., тонна	3	2	—	13	10	—	11	—	—	9	—	—
Рис № 2, Burma, квинтал	—	9	—	—	26	—	—	36	—	—	15	—
Сахар англ., рафин., кв.	—	17	9	—	72	—	—	76	—	—	51	6
Чай кит., средн., фунт	—	—	9 1/2	—	1	10 1/2	—	1	1 1/2	—	—	12 5/8
Кофе Santos, кв.	—	62	6	—	102	6	—	82	3	—	80	6
Какао, Trinidad, средн. кв.	—	—	—	—	48	—	—	73	6	—	51	6
Мясо, англ., 8 ф.	—	4	2	—	10	—	—	11	10	—	6	6
Баранина, новозеланд., мороженая, 8 ф.	—	2	10	—	7	—	—	5	—	—	3	11
Бэкон, ирланд., кв.	—	75	—	—	200	6	—	230	—	—	137	—
Сыр англ., ф.	—	—	8 3/4	—	1	5 1/2	—	1	5 1/2	—	112	(квин.)
Масло датск., кв.	—	131	6	—	252	—	—	336	—	—	174	—
Яйца англ., 120	—	16	—	—	50	—	—	33	4	—	36	—
Хлопок америк., средн., ф.	—	—	7,14	—	—	30,75	—	—	9,90	—	—	11,71
Шерсть мериное., ф.	—	—	10 3/4	—	—	50	—	—	18	—	—	17
Джут лучший, тонна	25	10	—	65	—	—	39	—	—	25	10	—
Каучук, ф.	—	2	4	—	2	10 1/2	—	—	10 1/4	—	—	11 1/2
Копра	30	5	—	63	10	—	40	10	—	—	—	—
Кожа англ., бычья, ф.	—	—	6 3/4	—	—	16 1/2	—	—	7 1/8	—	—	8 3/4
Льняное масло, тонна	24	15	—	108	—	—	41	—	—	28	10	—
Керосин америк. очищ., галлон	—	—	8 1/2	—	1	9 1/4	—	2	3 1/2	—	1	4
Медь, стандард, тона	64	—	—	116 1/8	—	—	71 7/8	—	—	65 15/16	—	—
Олово станд., тонна	169	10	8 1/2	341	17	—	205	15	—	170	10	—
Свинец англ., тонна	18 3/4	—	—	46 1/2	—	—	25 1/2	—	—	26	—	—
Цинк станд., тонна	21	11	3	56	—	—	26	—	—	27	2	6
Чугун Cleveland № 3, тонна	—	50	—	—	160	—	—	225	—	—	100	—
Стальн. рельсы тяжел., тонна	6	10	—	17	15	—	25	—	—	9	10	—
Уголь, Ньюкэстль лучш., тонна	—	15	—	—	38	—	—	42	—	—	30	—
Лен Рига, тонна	32 3/4	—	—	230	—	—	150	—	—	115	—	—
Лес, сосна, per Load	3 1/2	—	—	17 1/2	—	—	13	—	—	8	—	—
Сода кристалл., тонна	2 5/8	—	—	5 3/4	—	—	10	—	—	7 1/2	—	—

Приведенная таблица оптовых цен на различные товары на английском рынке показывает, как и индексы, что к концу 1920 г. цены сильно понизились и что это понижение продолжалось, за ничтожными исключениями, в течение всего 1921 г. Резкий сдвиг цен в 1920 г. оказался чреватым по своим экономическим последствиям, так как он придал промышленному кризису, выросшему на почве военных последствий, чрезвычайно обостренную форму.

В области движения товарных цен послевоенной эпохи характерно в особенности то обстоятельство, что это движение в основных своих чертах было всеобщим. Оно одинаково охватило все страны, различаясь лишь в интенсивности, что, главным образом, об'ясняется валютными особенностями отдельных стран. Одинаковость движения цен, при глубоком различии в экономической обстановке отдельных стран и в особенности при существенных различиях в валютных условиях, нагляднее всего свидетельствует о том, что современный кризис коренится в общих условиях мирового рынка. И если этот кризис создан последствиями войны, то одинаковость процесса образования товарных цен говорит за то, что последствия войны охватили собою весь мир, без всяких исключений, без счастливых островов на всемирно-хозяйственном рынке.

В этом отношении показательно движение цен в С.-А. Соедин. Штатах, где измеритель ценности в своем денежном основании не потерпел ущерба или какого-либо изменения. Доллар оставался золотым во время войны и после нее, изменялась лишь его покупательная способность. О движении цен в С.-А. Соединенных Штатах можно судить по тому индексу, который составляется там Bureau of Labour Statistics. Этот индекс охватывает около 350 товаров и исходит из предположения, что товарные цены июля 1914 г. равны 100 процентам.

июль 1914 г.	100	июль 1917 г.	187
„ 1915 „	101	„ 1918 „	198
„ 1916 „	120	„ 1919 „	219

	1920 г.	1921 г.	1922 г.		1920 г.	1921 г.	1922 г.
январь	248	177	155	июль	262	148	—
февраль	249	167	—	август	250	152	—
март	253	162	—	сентябрь	242	152	—
апрель	266	154	—	октябрь	225	150	—
май	272	151	—	ноябрь	207	149	—
июнь	269	148	—	декабрь	189	154	—

По этому индексу оказывается, что волна дороговизны в Соед. Штатах дошла до максимальной точки в мае 1920 г.,

т.-е. позднее, чем в Великобритании и Франции. По другому американскому индексу (Bradstreet's monthly index number of the sum of the current prices of 96 foodstuffs) высшая точка дороговизны была достигнута в феврале 1920 г.; из показаний этого индекса отметим:

1 октября 1920 г.	16,9094	долл.
1 ноября „	15,6750	„
1 января 1921 г.	12,6631	„
1 февраля „	12,3689	„
1 октября „	11,1879	„
1 ноября „	11,3514	„
1 января 1922 г.	11,3725	„
1 февраля „	11,4190	„
1 марта 1922 г.	11,6001	„
1 апреля „	11,5317	„
1 мая „	11,7044	„

Оба американских индекса показывают, что процесс безостановочного падения цен в Соед. Штатах прекратился в 1921 г., когда цены частично пошли на повышение. Этот повышательный процесс снова возобновился в первой трети 1922 г.

Показание индекса Брадстрита на 1 июня 1922 г. на 4,6% выше показания на 1 января 1922 г. и на 12,1%—1 июня 1921 г., когда был достигнут низший пункт понижательного движения 1920—21 г. Июньский индекс 1922 г. на 36,6% выше уровня 1 августа 1914 г.

По поводу показаний американских индексов следует отметить, что в Соед. Штатах была сделана попытка дефляции, т.-е. там при помощи мер в области денежного обращения пытались поднять покупательную способность доллара. Цены, разумеется, дрогнули, но падение цен затормозило ход промышленности. Некоторый под'ем цен, прервавший падение их, начали считать признаком оздоровления рыночных условий и возврата к нормальной промышленной деятельности. При этом забывалось, что в послевоенное время мировой рынок уже пережил полосу высоких цен и что как высокие, так и низкие цены одинаково таили в себе опасность для функционирования промышленности. Если высокие цены способны разбудить промышленность, то ведь они в то же время повергают в летаргию рынок сбыта, который не проявил большой поглощательной энергии и при низких ценах.

В конце апреля 1922 г. в конгрессе Соед. Штатов при обсуждении законопроекта о новом таможенном тарифе сенатор Mc. Cumber, автор проекта, предупреждал промышленников, рабочих и розничных торговцев о том, чтобы они не пользовались новым покровительственным тарифом в целях

удорожания стоимости жизни. „Две трети американского народа,—говорил названный сенатор,—составляющие ту часть нации, которая занимается добыванием хлеба, не получают дохода больше того, который они имели в довоенное время. Чистый доход фермеров теперь даже ниже довоенного уровня. Эта публика не может тратить больше, нежели сколько она зарабатывает. Промышленникам необходимо понизить издержки производства до уровня покупательной способности огромной армии наемного труда и фермеров. Мы постарались перекинуть мост через эту пропасть. Теперь очередь за промышленниками приспособить цены к карманам потребителей. Промышленники должны удовлетвориться скромною прибылью, а рабочие должны всячески поднять свою производительность. Если розничные торговцы будут следовать этой линии, то безработный получит работу и вернется старое благополучие". („The Chicago Tribune" 22. IV, 1922, europ. ed.).

Движение цен на других рынках, в общем, носит те же типические черты, что и в руководящих промышленных странах. Для характеристики этой дороговизны мы приведем сводную таблицу. Индекс Франции составлен для 45 товаров (Jndice de la Statistique générale de la France), индекс Италии (проф. Bachi) для 76 товаров, индекс Швеции для 47 товаров (indice svensk Handelstidning), индекс Японии—для 56 товаров. В этих индексах нормальные цены накануне мировой войны приняты за 100%.

	Франция.	Италия.	Швеция.	Япония.	Инд. Франц. Базис 1901—1910 г.г. = 100%, опт.	Инд. Франц. рознич. цен. Базис июль 1914 г. = 100%.
Июль 1914 г. . . .	100	100	100	100	—	—
„ 1915 „ . . .	143	142	116	100	—	—
„ 1916 „ . . .	188	210	210	117	—	—
„ 1917 „ . . .	273	331	331	166	—	—
„ 1918 „ . . .	341	467	467	204	—	—
„ 1919 „ . . .	356	395	395	260	янв. 402	248
Январь 1920 г. . .	497	548	319	316	563	290
Февраль „ . .	533	606	342	330	603	297
Март „ . .	566	674	354	338	641	339
Апрель „ . .	600	723	354	316	679	358
Май „ . .	562	718	361	286	636	378
Июнь „ . .	503	688	366	261	570	369
Июль „ . .	506	658	364	252	573	373
Август „ . .	512	681	365	247	579	373
Сентябрь „ . .	537	714	362	242	608	407
Октябрь „ . .	512	717	346	237	580	420
Ноябрь „ . .	470	730	331	233	533	426
Декабрь „ . .	444	714	299	216	503	424

	Франция.	Италия	Швеция.	Япония.	Инд. Франц. Базис 1901—1910 г.г.= 100%, опт.	Инд. Франц. розничн. цен. Базис июль 1914 г. = 100%.
Январь 1921 г. . .	415	700	267	211	янв. 470	410
Февраль „ . .	385	688	250	205	436	382
Март „ . .	367	657	237	201	416	358
Апрель „ . .	354	636	229	200	401	328
Май „ . .	336	596	218	201	381	317
Июнь „ . .	322	554	218	202	376	312
Июль „ . .	337	556	211	207	382	306
Август „ . .	338	590	193	209	383	317
Сентябрь „ . .	351	632	182	217	398	329
Октябрь „ . .	338	652	175	230	383	331
Ноябрь „ . .	339	648	174	225	384	326
Декабрь „ . .	332	—	172	209	376	323
Январь 1922 г. . .	320	—	170	206	363	319
Февраль „ . .	—	—	166	205	351	307
Март „ . .	294	—	164	200	355	294
Апрель „ . .	304	—	165	197	362	327
Май „ . .	—	—	164	194	366	341

Из только что приведенной таблицы видно, что во Франции максимум под'ема цен пришелся на апрель 1920 г., в Италии—на май того же года, в Швеции — гораздо позднее—на август 1920 г. и в Японии на март 1920 г. С этого времени цены в названных странах опускались в течение долгого времени, пока не наступило легкое обратное движение—во Франции в июле 1921 г., в том же месяце в Италии и в мае в Японии. В Швеции в течение всего 1921 г. продолжалось падение цен. В феврале 1922 г. уровень цен в Швеции превышал довоенный на 100%. В Норвегии, где в январе 1921 года индекс показывал 355%, в феврале 1922 г. он встал на 250%, т.-е. на 150% выше довоенного уровня. В Дании индекс оптовых цен на январь 1921 года составил 314%, в декабре того же года 188% и к 1 апреля 1922 г.— 182%, т.-е. ниже, нежели в Швеции.

В означенных индексах приняты на учет оптовые цены. Мы уже показали на конкретном примере, что движение розничных цен не совпадало с движением оптовых цен. Приведем еще одну попытку исчисления стоимости жизни, производимую французской администрацией, так называемой „la commission régionale". В этом подсчете учитываются расходы семьи из четырех членов, без включения расходов на квартиру, так как во Франции расходы на квартиру были фиксированы законом на довоенном уровне. Поэтому таблица, ко-

торую мы приведем сейчас, непригодна для сравнения с вышеприведенной таблицей дороговизны в Англии, где она составляется министерством труда и где включены расходы на жилище.

Французская таблица дороговизны:

1-е	полугодие	1914 г.	100
1-е	„	1919 г.	238
1-я	четверть	1920 г.	295
2-я	„	„	341
3-я	„	„	363
4-я	„	„	370
1-я	„	1921 г.	338
2-я	„	„	307
3-я	„	„	295
4-я	„	„	297
1-я	„	1922 г.	291

Французской цифре „297“ в последней четверти 1921 г. соответствовала в Англии „204“, но в это время в Англии стоимость квартиры была выше на 55% довоенного уровня.

В Японии, где поворот от понижения цен к повышению произошел в мае 1921 г., в сентябре того же года началось более резкое повышение. В этом повышении выдающуюся роль сыграли цены на рис. Котировка всех сортов риса испытала повышение на 25%, и цены риса в конце 1921 г. встали на уровне 1918 г., когда (август) серия резких повышений рисовых цен вызвала „рисовые бунты“. Повышение цен в конце 1921 г. приписывали дурной погоде, вредившей растущему урожаю. Одновременно дорожал и шелк-сырец. („Daily Telegraph“, 20. XII 1921).

В Германии движение товарных цен подчинено определяющему влиянию бумажноденежного фактора. Поэтому германские цифры не характерны для современного промышленного кризиса. Они интересны с совершенно иной точки зрения,—с точки зрения разлагающего влияния расстроенной системы денежного обращения. Мы приведем таблицу товарных оптовых цен по индексу газеты „Frankfurter Zeitung“.

Общий товарный индекс:

Индекс	мирного	времени	8,9%
Начало	января	1920 г.	100%
„	июля	„	136
„	января	1921 г.	143
„	февраля	„	136
„	марта	„	130
„	апреля	„	130

Начало	мая	1921 г.	132%
„	июня	„	128
„	июля	„	135
„	августа	„	160
„	сентября	„	164
„	октября	„	184
„	ноября	„	249
„	декабря	„	298
„	января	1922 г.	317
„	февраля	„	362
„	марта	„	434
„	апреля	„	543
„	мая	„	584
„	июня	„	606

Если же взять средние годовые цены 1913 г. за 100%, то последующее движение цен даст для Германии такую картину:

	1913 г.		100%
	1914 г.	(средн. за год)	1545
январь	1921 г.		1626
апрель	„		1428
июль	„		1479
октябрь	„		1949
ноябрь	„		2627
декабрь	„		3197
январь	1922 г.		3596
февраль	„		4309
март	„		4888
апрель	„		5899
май	„		6572
июнь	„		6809

Таким образом, в начале июня 1922 г. оптовые цены в Германии в среднем выросли в 68 раз против уровня довоенного времени.

IV.

Кризис.

Необычайная торговая депрессия и острый промышленный кризис, возникшие позднею осенью 1920 г., с поразительною быстротою охватили весь мир, все страны, безотносительно к различиям в экономической обстановке отдельных государств, нейтральных и воевавших, победивших и по-

бежденных. Почвой для развития кризиса было непрерывное повышение товарных цен после об'явления перемирия на западноевропейском фронте. Это повышение особенно интенсивным было в тех странах, где валюта была наиболее устойчива и откуда, главным образом, товары шли на мировой рынок. Повышение товарных цен достигало такого уровня, который превосходил покупательную способность обедневших от войны стран, оказавшихся не в состоянии покупать слишком дорогие, хотя и очень нужные, товары. Поэтому, при неутоленном товарном голоде, созданном войною, внезапно в промышленных странах возник кризис „перепроизводства". Быстрый рост товарных цен сокращал емкость как внутренних, так и внешних рынков и ставил промышленность руководящих стран в безвыходное положение. Очагом кризиса оказалась Великобритания, органически связанная своими экономическими интересами со всем миром. Но начало кризиса было положено в Японии, отсюда, подобно сильной эпидемии, кризис пополз по всему миру, окончив свой печальный марш на другом конце света—в Аргентине. В Японии экономический пожар загорелся в области текстильной промышленности. Во время войны, когда европейские промышленные страны всю свою энергию устремили на поле битв, японская текстильная промышленность воспользовалась опустевшими местами на мировом рынке. Прекращение же войны и освобождение промышленных сил старых индустриальных стран для целей снабжения мирового рынка прежде всего ударило по новым позициям молодых стран, что неминуемо приводило к сокращению их производства. Тот факт, что последним этапом в распространении кризиса была Аргентина, об'ясняется характером отношений Аргентины к мировому рынку. Аргентина поставляла продовольствие и сырье, в чем была в Европе особенно острая нужда, и от приобретения этих товаров Европа могла отказаться, лишь исчерпав все покупательные силы. Одна из английских фирм (Harrods), работающих в Аргентине, так об'ясняла положение дел в этой стране в связи, с мировым кризисом. В промышленном снабжении Аргентины из Европы в течение 1920 г. стали возникать постоянные осложнения. Аргентина, как и другие страны, в товарном отношении сильно наголодалась во время войны. Первый послевоенный спрос на товары был так интенсивен, так жаден, что он неизбежно погнал цены вверх и довел их до такого уровня, на каком они никогда не были. Заводы и фабрики были завалены заказами; для выполнения аргентинского заказа в Англии требовалось, напр., 12 мес. и плюс 2 месяца на то, чтобы погрузить товары на корабль, очистить их пошлиной и доставить в Буэнос-Айрес. Само собою разумеется, что такие заказы целиком приходилось

делать на условиях промышленников. Но подобное положение не могло быть длительным: оно продолжалось лишь до того момента, когда первый неотложный спрос был удовлетворен. Тогда общая торговая ситуация претерпела, без какого-либо предупреждения, резкое изменение, что было неизбежным ответом на слишком высокие цены. Промышленность лицом к лицу встретилась с прекращением заказов, с их сокращением, была вынуждена пойти на компромиссные сделки, посчитаться с неплатежеспособностью заказчиков, с сокращением банковских кредитов, закрыть фабрики и заводы или работать с сокращенным рабочим временем. Одновременно купцы, „затоварившиеся“ в период напряженного спроса, были вынуждены распродавать свои запасы на тугих рынках, что приводило к быстрому падению цен. В качестве иллюстрации быстроты падения цен можно указать хотя бы на следующий пример: 31 июля 1920 г. товары одной компании были погружены в Англии для отправки в Южную Америку. По накладной они стоили 290.000 ф. ст., но прежде, чем они успели дойти до места назначения, их цена упала до 47.000 ф. ст. („Times“, 20. XII. 1921).

Один из промышленных деятелей Англии следующим образом описывает начало кризиса в текстильной промышленности. Заминка началась с импортера сырого материала, закупившего сырье по высокой цене. Для закупок обычных порций товара по дорожавшим ценам импортер естественно нуждался в более значительных количествах капитала. Прядильщик был следующим по очереди, кто ощутил трудность положения, так как он должен был готовить пряжу из очень дорого материала. Дорогая пряжа перешла к фабриканту-ткачу и блокировала его. Фабрикант тканей в свою очередь блокировал оптового купца, оптовик—розничного торговца и корабельщика. Такое поступательное движение было прервано благодаря двум обстоятельствам: трудности находить средства для оборота и провалу в торговле в силу падавших цен. Если бы дорогие товары в конце концов перешли в руки потребителя, то это означало бы, что все члены промышленного сообщества более или мене благополучно развязались бы с ними. Это принесло бы облегчение и финансовой натянутости, так как банки были бы в состоянии ссудить денег еще больше и все фирмы вошли бы в свежие соглашения. Но дорогой товар не дошел до потребителя, которому он был совершенно не по карману („Glut of cotton goods. Continent too poor to buy“. „Times“. 31. XII. 1920). Банковские ссуды под товары остались неоправданными; ликвидировать залоги было почти невозможно. В Америке банковские клерки бегали по улицам, тщетно отыскивая покупателей на заложенные товары. К кризису примешивался пани-

ческий элемент, ускорявший его развитие. Промышленный кризис, возникший на почве торговой депрессии, осложнялся финансовым кризисом в области краткосрочного коммерческого кредита.

В результате текстильная, в особенности хлопчатобумажная, промышленность, оказалась во власти кризиса. Из этого кризиса ее не смогло вывести резкое падение цен, настолько резкое, что, напр., в Англии в марте 1919 г. текстильные цены были в шесть раз выше довоенного уровня, а в 1920 г.—только в три раза. Покупателя не было и при упавших ценах. Для английской текстильной промышленности важен спрос восточных и африканских стран. Для характеристики этого спроса показательны цифры английского текстильного вывоза, в миллионах кв. ярдов.

	1920 г.	1921 г.
в Индию	1.291,9	990,5
„ Китай	424,4	195,6
„ Египет	281,5	181,0
„ Турцию	250,7	53,0

Падение спроса произошло по всей линии главных потребителей. Дальнейшее понижение цен на мануфактуру оказалось невозможным, главым образом потому, что американский хлопок в 1921 г. стал дорожать: в начале года фунт хлопка стоил 10,68 пенсов, в конце—уже 11,71 пенс.

Депрессия в области текстильной промышлености оказалась всеобщей, что можно видеть из следующих данных, периодически публикуемых секретарем „International of Master Cotton Spinners and Manufacturers Associations". Мы берем данные на два момента: на 31 января 1921 г. и 31 июля того же года. Таблица показывает размер сокращенного производства вследствие системы „short time", т.-е. фабрики работали не полное количество рабочих часов в неделю. Переводя это „короткое время" на часы и недели, получается, что статистически фабрики не работали в течение года определенное количество недель и часов.

Фабрики не работали в течение:

	второго полугодия 1920 г.	первого полугодия 1921 г.	второго полугодия 1921 г.
в Англии	6 недель	12,9 недель	6 недель
„ Франции	2,3 „	6,9 „	
„ Германии	7,5 „	5,4 „	
„ Испании	4,7 „	9,1 „	
„ Бельгии	7,5 „	12,9 „	
„ Швейцарии	1,4 „	3,4 „	
„ Японии	0,0 „	21,2 „	

Согласно того же отчета, на 31 июля 1921 г. во всем мире было 152.317 тыс. веретен, (в 1913 г.—143.500 тыс.), из коих в работе было менее 130 млн. Полугодовое потребление хлопка сырца в полугодие, окончившееся 31 июля 1921 г., составило 7.357.212 кип, из коих приходилось на долю:

Великобритании	630.230 кип.	Франции	251.935 кип.
Германии	457.257 „	Италии	289.044 „
Испании	117.529 „	Бельгии	82.286 „
Индии	904.181 „	Японии	171.654 „
С. Штатов	2.540.000 „		

Как показывает таблица „short time", положение в мировой хлопчатобумажной промышленности в течение первого полугодия 1921 г. весьма резко ухудшилось по сравнению с предшествующим полугодием. В особенности разительна перемена в Японии, текстильный кризис которой, как мы сказали, и был сигналом к мировому кризису. Та же самая таблица показывает, что на фоне всеобщего ухудшения в положении промышленности некоторое улучшение наступило лишь в одной Германии. Этот факт имеет крупное показательное значение. Он свидетельствует о том, что страны с падающей валютой не только не поддались влиянию мирового кризиса, но внешне как бы улучшили свою позицию на мировом рынке. Таким странам удалось поддержать и даже развить свою промышленность за счет сбыта на внешние рынки. Возьмем, напр., Польшу, внешняя торговля которой увеличивалась одновременно с развитием мирового кризиса и падением курса польской марки. Вот некоторые данные о польской внешней торговле (по оффициальным данным, „Zagraniczny handel towarowy polski w latach 1920 i 1921). в тыс. тонн:

	Ввоз.	Вывоз.
первое полуг. 1920 г.	1.908	209
второе „ „	1.622	411
первое „ 1921 г.	2.470	878
второе „ „	2.370	1.149

В этой таблице разительны показания относительно чрезвычайно быстрого увеличения вывоза, что и является доказательством влияния обесценения польской марки, которая внутри страны обесценивалась медленнее, нежели в отношении иностранных валют. Что же вывозила Польша?

(тыс. тонн)	Лес	Нефть	Цемент	Сахар	Картоф.
1-ое полуг. 1920 г.	19,8	26	13	0,2	96
2-ое — „	82	113	27	15	4
1-ое — 1921 г.	296	113	35	27	59,7
2 ое — „	561	215	39	12	22

т. е., главным образом, сырье, которое заграница с выгодой для себя покупала на дешевые польские марки. Но в той же польской промышленности отдельные отрасли, как, напр., текстильная, задыхались от отсутствия как внутреннего, так и внешнего сбыта.

Если падающая валюта способна гальванизировать внешнюю торговлю, а через нее и внутреннюю промышленность, то, наоборот, попытка поднять упавшую валюту неизбежно вызывает серьезные экономические осложнения, и прежде всего ударяет по вывозу и по экспортной промышленности. В этом отношении характерен недавний опыт Венгрии. В докладе британского коммерческого атташе в Будапеште, опубликованном в мае 1922 г., говорилось, что экономическое положение Венгрии было не только ненормально, но даже не было надежды на скорое оздоровление. 1921-й год для Венгрии был самым тяжелым со времени 1914 г. Можно было ожидать настоящего экономического несчастья и отдаления возможности хозяйственного прогресса на неопределенное время. И только весна 1922 г. принесла некоторое улучшение. Тяжелым ударом для венгерской экономической жизни была политика недавнего министра финансов, поднявшего к весне 1921 г. курс венгерской кроны. Как только курс был поднят, то немедленно появилась безработица, обязанная своим происхождением тому факту, что товары и сырье, закупленные в то время, когда за фунт ст. платили 2.000 крон, не могли быть проданы без убытка, когда курс встал 800 крон за 1 ф. ст. Улучшалась позиция кроны—ухудшалось положение купцов и промышленников. Единственно, кто извлекал выгоду от улучшения курса кроны, это—группа чиновников и лиц с фиксированным доходом. Последствием неустойчивости кроны была всеобщая тяга к биржевой спекуляции. Другим эффектом было стремление акционерных компаний увеличить свои капиталы для того, чтобы покрыть возросшие расходы и кстати 15%-ный чрезвычайный налог. В одном Будапеште за год капиталы акционерных компаний были увеличены на 700 милл. крон, а если взять всю провинцию, то годовое увеличение акционерных капиталов составит 875 млн., т.-е. свыше 100%. („Daily Telegraph“, 18. V. 1922). В таком же положении оказалась и Польша, когда она с осени 1921 г. подняла курс своей марки с 27 тыс. за 1 ф. ст. до 15 тыс. Текстильная промышленность Польши особенно резко ощутила на себе удар валютного фактора и безработица сразу увеличилась.

Если страны с падающей валютой довольно успешно могли противостоять влиянию кризиса, то, наоборот, страны с высокою валютою переживали кризис особенно болезненно. В этих странах валютное благополучие было одним из факторов, осложнявших общую экономическую ситуацию. В каче-

стве примера можно остановиться на золотовалютной стране—Швейцарии. В настоящее время швейцарский франк—лучшая монета в Европе, порою с успехом соперничающая со всемогущим долларом. И этому факту, т.-е. тому обстоятельству, что Швейцария обладает весьма высокою валютою, следует приписать особую болезненность кризиса в швейцарской промышленности.

Швейцарская промышленность живет и дышет экспортом, причем огромную роль в ее вывозе играют товары, не составляющие предметов первой необходимости, напр., часы, кружева, консервированное молоко, шоколад, металлические изделия и т. д. Эти товары на широком мировом рынке играют роль предметов комфорта, роскоши, и, при заминке в делах, они в первую голову испытывают наступление плохой погоды на рынке.

В отношении показательности позиции предметов роскоши особенно интересны бриллианты. С ухудшением общего положения дел на мировом рынке бриллиантовый рынок особенно расстраивается. После взрыва войны рекордным годом добычи бриллиантов в Ю. Африке был 1917 г., когда их было добыто 2.902 416 каратов. До войны, напр., в 1913 г. их было добыто 5.537.830 кар. и продано по 43 шилл. 8 пенс. за карат необделанного камня. Взрыв войны нанес этой промышленности жестокий удар, от которого она полуоправилась лишь к 1917 г. В 1918 г. карат стоил 54 ш. 9 п. В 1919 г. цена поднялась, как и на все другие товары: карат, в среднем, продавался по 101 ш., было продано 2 648.931 кар. В 1920 г. цена встала еще выше—117 шилл., в среднем, но продано было уже меньше, 1.765.993 кар. В 1921 г., когда кризис дал себя почувствовать во всей силе, добыча бриллиантов в Ю. Африке упала до 806.648 кар., из коих продано было всего 530.106 кар., в среднем, по 81 ш. 7 п. за карат. „South African Mining and Engineering Journal", (цит. „Daily Telegraph", 3. V. 1922), сообщает, что разница между цифрами добычи и продажи показывает, что продажа была ограничена и цене не позволяли (синдикат) опускаться ниже 81 ш. 7 п. Промышленность переживает острый момент и кое-как спасается только усилиями синдиката.

Возвращаясь к Швейцарии, отметим, что здесь промышленный кризис, обостренный до высокого предела провалом внешней торговли, привел к безработице, которая все увеличивалась в течение 1921 г. и не переставала возрастать в 1922 г. В январе 1922 г. в стране, с населением в 4 милл., безработных было около 146 тыс., из них около 97 тыс. совершенно безработных а остальные работали только часть недели (short time). На конец октября 1921 г.—134 тыс., на 1 дек.—137 тыс. Постепенно увеличивается масса совершенно безра-

ботных за счет частично безработных. По сведениям „The Economist“ (11. II. 1922), в начале февраля 1921 г. в Швецарии в сигарной промышленности было 28% безработных частично и 13% совершенно безработных. В кожевенном производстве—1/5 рабочих работает короткое время, в сапожном—работало 50% рабочих. В шелковой промышленности 35 1/2% рабочих работает короткое время и 10%—совершенно без работы, в хлопчатобумажной—19,2% безработных; положение кружевной промышленности настолько плохо, что не найти даже одного работающего предприятия. В бумажной промышленности 40% безработных, в вязальной—40% частично и 5% совершенно безработных. Исключением являются предприятия шелковых лент и соломенных шляп; экспорт этих товаров поддерживается на высоком уровне.

Высокая валюта и высокие заработные платы закрывают швейцарским товарам доступ на внешние рынки. Страна лишается возможности внешнего сбыта и одновременно вынуждается высокими, почти запретительными, пошлинами ограждать свой внутренний рынок от наплыва более дешевых товаров из государств с дешевой валютой. Пара швейцарских перчаток в конце 1921 г. стоила, напр., 3 франка, а за 5 ф. 80 сант. можно было купить дюжину германских перчаток („Times“, 22. X. 1921). Аналогичную картину можно наблюдать и в других высоковалютных странах. Напр., в Великобритании были сделаны серьезные попытки освободиться от германских перчаток. Но в 1920 и 1921 гг. ввоз германских перчаток непрестанно увеличивался. „Германские перчатки мы продаем по 16 шилл. 11 пенсов дюжина,—заявил один английский купец,—английские же, конкурирующие с ними,—по 23 ш. 9 пенс.“ („Daily Telegr.“, 21 XII. 1921).

О том, как валютный фактор в странах с высокой валютой осложнял положение промышленности во время кризиса, можно судить по примеру известной швейцарской молочно-шоколадной фирмы Нестле. В этой старой фирме участвует и американский капитал и ее свыше 60 фабрик разбросаны по Европе и Америке, и таким образом фирма подвержена в полной мере действию колебания и падения самых разнообразных валют. В 1921 г. фирма впервые понесла за полвека своей работы большой убыток в 93 милл. шв. франков, в то время, как в предшествующем году она имела прибыль в 31 1/2 мил. фр. В 1921 г. эта фирма, кроме показанного выше убытка, понесла, в придачу, убыток в 14 мил. фр. по связанным с нею предприятиям заграницей. Убыток фирмы слагался из следующих интересных величин:

по торговле	32,2 млн.
на курсе	30,8 „
обесценение запасов	30,1 „

И это в то время, когда обороты фирмы увеличились более чем вдвое против довоенного времени („The New Statesman", 6. V. 1922). Обесценение запасов приводило к тому, что банковые кредиты делались весьма слабо или совершенно необеспеченными, банки вынуждались сокращать кредиты и промышленность страдала от отсутствия оборотных средств.

В pendant к истории фирмы Нестле весьма интересно привести случай с фирмою Nuwara Eliga Tea Estates, английским чайным предприятием в Индии. Эта фирма в 1921 г. получила прибыль в 58 тыс. ф. ст. против 16 т. ф. ст. в предшествовавшем году. В 1921 г. фирма выдала дивиденд в 18%, чего раньше никогда не было. Это обстоятельство об'ясняется тем, что сильно сократились издержки производства. В 1921 г. они были на фунт чая 7,57 пенс. (f. o. b) против 13,47 п. в 1920 г. Сильное сокращение издержек производства обязано было падению курса индийской валюты. Курс рупии в 1921 г. в среднем был 1 ш. $4^1/_2$ п., в 1920 г.—2 ш. 2 п. Обороты названной чайной плантации в 1921 г. были меньше оборотов 1920 г., но финансовые результаты гораздо выше („Times", 13. IV. 1922). Данный пример характеризует другую сторону действия валютного фактора на промышленность. Высокая валюта в странах с падающей валютою получает, так сказать, незаслуженный прирост прибыли.

Быстрое падение цен и действие валютного хаоса привели промышленность высоковалютных стран к очень обостренному кризису. „Мы прожили год необычайной депрессии,—читаем в отчете английской фирмы Ch. Marsden and Son (бумага).—Экспорт почти целиком приостановился; цены на сырье упали в то время, когда наши склады были полны им. Бумага не находила сбыта и мы вынуждены были закрывать на долгое время наши фабрики" („Daily Telegr." 23. XII. 1921). В своем годовом отчете английская фирма Виккерс констатировала, что на протяжении всего 1921 г. продолжалось действие тех неблагоприятных факторов, которые угнетали промышленность и в 1920 г. Падение фрахтов создало серьезные затруднения для всех судовладельцев, доведя некоторых из них до банкротства или поставив на границе его. Все это, конечно, отразилось и на кораблестроении. Заказы или были приостановлены, или взяты обратно, а в некоторых случаях выполнены на измененных условиях, убыточных для заводов. Другие строительные фирмы в Англии, благодаря высокой заработной плате и низкой производительности, при высокой производительности и низких платах в странах с низкой валютой, совсем остались без заказов („Daily Telegraph", 20. XII. 1921).

Таких примеров можно было бы привести очень большое количество, ad libitum. Анализируя данные отчетов массы

промышленных предприятий Англии, „The Economist“ (14. I. 1922) заключает свою статью („The Slump in profits“) следующими словами: „Мораль этих данных ясна. Пониженные дивиденды были выплачены за счет резервов. Такая тактика не может повторяться часто“. Общая картина промышленного кризиса в Англии хорошо была обрисована в речи политического оратора W. Runciman'a на либеральном митинге в конце 1921 г.: „можно ли указать хотя бы единственную отрасль, которая не находилась бы в худшем состоянии, нежели в 1918 г.? Идите в Black Country (промышленный район Англии) и вы найдете там слабо работающие заводы и потухшие доменные печи. Рабочие склонны делать большие уступки в деле понижения заработных плат, но это не помогает. Ступайте в Шеффильд и вы увидите, что один из самых дымных городов в мире, теперь также чист, как Айлингтон. Стальные заводы бездействуют. Здесь без работы 20.000 регулярных рабочих и, вероятно, около 10.000 нерегулярных. Проходя дальше на север, в область шерсти, вы найдете фабрики, работающие без прибыли два дня в неделю. В Ланкашире хлопчатобумажные фабрики работают два раза в неделю. В северо-восточной Англии замер экспорт угля и доки бездействуют. В Шотландии—та же самая картина“ („Daily Telegraph“, 19. XII. 1921).

Данные о безработице лучше всего подтверждают и иллюстрируют картину всеобщего экономического кризиса. Остановимся, прежде всего, на Великобритании. Здесь, прежде всего, обращает внимание рост безработицы среди высококвалифицированных рабочих, об'единенных в известные трэд-юнионы. В этой области безработица достигла таких размеров, которые в прошлом не имеют прецедентов. „Labour Gazette“ дает следующую картину движения безработицы среди трэд-юнионов, не считая в 1921 г. бастовавших горнорабочих, в процентах к общему числу рабочих:

В конце:	1913 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Января	2,2	0,6	0,3	1,0	2,4	2,9	6,9	16,8
Февраля . . .	2,0	0,5	0,3	0,9	2,8	1,6	8,5	16,3
Марта	1,9	0,5	0,3	1,2	2,9	1,1	10,0	16,3
Апреля	1,7	0,5	0,3	0,9	2,8	0,9	17,6	17,0
Мая	1,9	0,5	0,4	0,9	2,1	1,1	22,6	16,4
Июня	1,9	0,5	0,4	0,7	1,7	1,2	23,1	15,7
Июля	1,9	0,4	0,4	0,6	2,0	1,4	16,7	—
Августа	2,0	0,4	0,5	0,5	2,2	1,6	16,3	—
Сентября	2,3	0,4	1,3	0,5	1,6	2,2	14,8	—
Октября	2,2	0,3	1,1	0,3	2,6	5,3	15,6	—
Ноября	2,0	0,3	1,1	0,5	2,9	3,7	15,9	—
Декабря	2,6	0,3	1,4	1,2	3,2	6,0	16,5	—

Когда безработица среди трэд-юнионистов в марте 1920 г. достигла 10%, то „The Economist“ (3. IV. 1921) писал, что это „довольно плохо“. Но с тех пор положение, как показывает таблица, ухудшалось весьма значительно. Но безработица охватывала, конечно, не только трэд-юнионистов, а все группы и категории рабочих. Достоверные данные имеются лишь относительно застрахованных от безработицы. Вот движение безработицы в 1921 г. среди застрахованных рабочих, число которых определяется в 12.000.000.

1 января	691.103
28 января	977.296
28 февраля	1.145.710
24 марта	1.355.206
29 апреля	1.799.242
27 мая	2.109.654
30 июня	2.171.288
29 июля	1.803.696
26 августа	1.603.369
30 сентября	1.484.829
28 октября	1.554.973
2 декабря . . .	1.865.170
30 декабря	1.885.300

На конец декабря 1921 г. кроме указанной массы безработных в Англии было еще 270.747 рабочих, занятых только часть рабочей недели и 117.000 работающих на общественных работах. В среде застрахованных безработица охватила на конец 1921 г. около 16% общей массы рабочих.

Таково положение дела в Англии. Положение безработицы в других странах в первой четверти 1922 г. характеризуется, по данным меморандума, представленного экономической секцией генуэзской конференции, следующим образом: в Германии 200.000 безработных, получающих помощь; в Италии, считая работающих неполную неделю—800.000; в Швейцарии—150.000; в Бельгии—100.000, в Дании—100.000, в Норвегии—40.000, в Швеции—100.000, в Польше—200.000.

В С.-А. Соед. Штатах безработица, равным образом, выражается в колоссальных цифрах, достигая для второй половины 1921 г. 6.000.000 человек.

В Голландии в 1921 г. безработица принимала особенно острые формы, в марте из 400 тыс. рабочих без работы было 14%. В особенности пострадала алмазная промышленность (90,8% безработных) и сигарная—(27,2%) („Voss. Ztng“, 8. X 1921). К февралю 1922 г. положение ухудшилось: процент безработных поднялся до 23,9%.

Единственным исключением из общего правила является Франция, где, благодаря колоссальной армии и работам по

восстановлению севера страны, безработица выражается в ничтожных размерах. Не велика безработица в Германии, где под влиянием валютного фактора, царит лже-конъюнктура, временно спасающая страну от бедствий крупной безработицы.

По минимальному подсчету, в мае 1922 г. в Европе было около 4.000.000 безработных, а во всем мире—около 10.000.000. В действительности, конечно, безработных больше. И в этой массе людей без работы лежит одна из главнейших причин замедленного восстановления мира, истощенного необычайною войною.

По поводу этих цифр Франк Вандерлип в своей статье „Opporpunity for U. S. to aid Europe show" („The Chicago Tribune", europ. edition, 8. V. 1922) говорит, что, если к безработным присчитать и их семейных, то окажется, что безработица затронула непосредственные жизненные интересы населения в количестве, превышающем 30.000.000 человек. Если счесть, что для ежедневного пропитания безработных нужно 3 золотых франка на безработного, то окажется, что на эту цель требуется в Европе ежедневно 12 млн., а во всем мире 30 млн. золотых франков. В 1921 г. общий расход выразился в 12 млд. зол. франков. Сюда нужно присчитать потери на заработных платах в 10 млд., а во всем мире—25 млд. зол. франков. Если же учесть, что во время безработицы потери идут за счет праздно стоящего оборудования фабрик и заводов, то придется для 1921 г. эти потери оценить (считая, что средняя стоимость производства слагается из $^2/_3$ заработной платы и $^1/_3$ дохода от капитала) в 15 млд. зол. франков для Европы и $37^1/_2$ млд. для всего мира.

Дефицит производства вследствие безработицы со дня перемирия и до конца 1921 г. Ф. Вандерлип определяет для Европы от 30 до 40 млд. зол. франков и для всего мира—до 100 млд.

Наиболее характерною чертою современной безработицы является то обстоятельство, что ею в особенности сильно поражены те страны, которые обладают высокою валютою. Доллар, фунт стерлинг и швейцарский франк в списке международных курсов занимают первые места. Одновременно Соед. Штаты, Великобритания и Швейцария являются странами особенно сильно пораженными безработицей. Выше мы уже указали на влияние валютного фактора, столь резко осложнившего течение кризиса. Страны с высокою валютою лишились своих рынков сбыта, так как их товары оказались очень дорогими для большинства государств, оставшихся после войны с расстроенными системами денежного обращения. Для того, чтобы снова попасть на эти рынки, высоковалютным странам приходилось думать о возможном удешевлении их товаров. Вот почему с наступлением кризиса резко встал вопрос о необходимости понижения заработных плат; со дня перемирия платы неуклонно росли вверх, одновре-

менно вместе с ростом товарных цен и стоимости жизни, образуя этими одновременными процессами тот „порочный круг", выход из которого был создан нагрянувшим экономическим кризисом. После наступления кризиса вопрос о сокращении издержек производства стал злободневным во всех высоковалютных странах.

Германский Reichsarbeitsamt разработал к генуезской конференции обширную записку о безработице. В этой записке была сделана попытка установить зависимость между состоянием валюты и безработицею в отдельных странах. Валюты отдельных стран были взяты в их отношении к золотому паритету по курсу доллара на февраль 1922 г. В результате получилась следующая интересная таблица („Frankf. Zeitung", 4. VI. 1922):

СТРАНА.	Отношение к паритету.	Состояние безработицы.
Швейцария	101,43	146.000 безработных и работающих короткое время.
С.-А. Соед. Шт.	100.00	от 3 до 4 млн. безработных.
Швеция	97,55	158.000 безраб; 28,7% членов проф. союзов безраб.
Голландия	93,57	60.000 безработных.
Великобритания	89,73	1,9 млн. безраб.; 16,5% членов проф. союзов безраб.
Дания	77,06	100.000 безр.; 25,2% членов проф. союзов безраб.
Норвегия	62,15	47.000 безраб.; 17,3% членов проф. союзов безраб.
Франция	45,38	незначительная безработица.
Бельгия	43,28	105.000 безраб.; 13,9% членов проф. союзов безраб.
Италия	25,40	700.000 безраб. и работающих короткое время.
Чехословакия	9,16	28.000 рабочих, получающих поддержку.
Германия	2,02	169.000 поддержив. безраб.; 3,3% членов проф. союз. без работы.
Австрия	0,14	17.000 безработных, получающих поддержку.

Если мы остановимся на Англии, то увидим здесь, после перемирия, рост заработных плат, что было продолжением процесса, начавшегося уже во время войны. Между мартом 1913 г. и мартом 1921 г. заработные платы в Англии, в расчете на 1 тонну угля, напр., поднялись с 6 шилл. 4 п. до 27 шилл. 6 п. В 1919 г. увеличение заработных плат в Англии по различным отраслям промышленности составило 2 млн. ф. ст. в неделю, что для рабочего года (50 недель) составит 100 млн. ф. ст. В 1920 г. платы продолжали рости, и увеличение составило 4 млн. ф. ст., или для целого года 200 млн. ф. ст. („Daily Telegr.“, 28. XII. 1921, „Work and wages“). В 1921 г. началось обратное движение, которое закончилось весьма существенным сжатием заработных плат. По данным „Labour Gazette“ в течение 1921 г. сокращение средних заработных плат выразилось в различных отраслях промышленности следующим образом:

Отрасли промышленности.	Число раб. плата коим была сокращена.	В неделю на общ. сумму тыс. ф. ст.	Сокращение на душу
Горное дело . . .	1.290 т.	2.588 т.	2 ф.
Железо и сталь .	240 „	475 „	1 ф. 19 ш. 7 п.
Строительн. дело .	450 „	304 „	13 „ 6 „
Текстильная промышленность . .	1.010 „	651 „	12 „ 11 „
Механич. и кораблестроение	1.730 „	1.054 „	12 „ 3 „
Транспорт	910 „	388 „	8 „ 6 „
Общеполезн предприятия	340 „	134 „	7 „ 10 „
		5.594 тыс.	

К этим цифрам (цит. „The Economist“, 21. I. „The wages tangle“) следует прибавить сокращение заработных плат в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве и в области службы по найму, что, по подсчету „Daily Telegraph“ (28. XII. 1921) даст свыше 1 миллиона в неделю и в общем составит сокращение заработных плат до 7 миллионов ф. ст. в неделю, или в год до 350 млн. ф. ст. Таким образом, сокращение плат в 1921 г. вернуло заработные платы к уровню 1918 г.

Наиболее сильно сократились заработные платы в каменноугольной и металлургической промышленности, где с 1918 г. было отмечено наибольшее их возрастание. Сокращение плат в угольной промышленности было очень пестрым.

По сообщению секретаря союза углекопов в Нортумберланде заработные платы с марта по декабрь 1921 г. упали: максимально в Южном Уэльсе на 9 шилл. $^1/_2$ в день и минимально в Каннок Чезе—на 1 ш. 7 п. в день. („Daily Telegr.“, 23. XII. 1921). Рабочие отчетливо понимали необходимость сжатия заработных плат и в некоторых случаях обнаруживали примеры удивительного самопожертвования в целях поддержать гибнущую промышленность. Напр., рабочие металлургических заводов в Cleveland в течение 1921 г. получали платы по скользящей районной скале, в основу которой для всей страны был положен известный минимум—стандард. В начале года их платы были выше стандарда на $170^1/_2\%$, в конце—только на $77^1/_4$. Но так как это не спасало положения, то рабочие согласились с 1 января 1922 г. получать плату, превышающую минимум только лишь на 36% („Daily Telegraph“, 23—XII—1921).

Известно, что как поднятие товарных цен, так и понижение их сопровождается стачками, этим естественным оружием рабочих в защите своих интересов. Одновременно с движением товарных цен вверх рабочим забастовками приходилось подстегивать повышение заработных плат. При понижении же цен забастовки играют роль тормаза при сжатии заработных плат. Интересно поэтому сравнить забастовочное движение в Англии в 1920 г. (движение вверх) и в 1921 г. (движение вниз). В 1920 г. всех забастовок было 1.663, в 1921 г.—только 737. Правда, в 1921 г. число потерянных рабочих дней было гораздо больше (87.607.000 против 26.567.000 в 1920). Это об'ясняется тем, что в 1921 г. вспыхнула знаменитая забастовка углекопов с поразительным числом участников (1.155.000 человек). Забастовка была обострена внезапным ухудшением на мировом каменноугольном рынке и безтактностью правительства.

Столь резкое сжатие заработных плат в Англии (продолжающееся и в 1922 г.) не разрешило сложной проблемы, стоящей перед английской промышленностью. Кризис не был преодолен. Это об'ясняется тем, что в основе современного кризиса лежат причины международного характера. Английские вывозные товары понизились в цене, но в то же время на внешних рынках покупательная способность не только не возросла, но часто, особенно в виду дальнейшего падения покупательной силы денег, понизилась. Затем, падение всех товарных цен на мировом рынке привело к тому, что страны, меняющие свое сырье на английские фабрикаты, с падением товарных цен не оказались в лучшем положении.

Если же учесть и то обстоятельство, что доход рабочих в Англии сократился в 1921 г. на 350 млн. ф. ст. вследствие падения заработных плат и, вероятно, на такую же

сумму по причине необычайно выросшей безработицы, то нужно признать, что и внутренний рынок сбыта Англии вынужден был существенно сжаться. Это неизбежным рикошетом отразилось на внутренней торговле, что можно видеть из следующей таблицы, дающей сравнительную статистику тоннажа внешней торговли (не считая реэкспорта и угля) и внутренних железнодорожных перевозок в Англии (не считая угля и кокса). Таблица опубликована в обзоре, изданном London Joint City and Midland Bank.

Тысячи тонн.

	Тоннаж экспорта и импорта.	В %	Ж.-д. перевозка.	В %
1913 г. (средн. за 3 мес.)	17.330	100%	35.778	100%
1920 „ 1 четверть. . . .	11.890	68,6	36.648	102,4
„ 2 „	14.049	61,1	36.152	101,0
„ 3 „	15.019	86,7	36.412	101,8
„ 4 „	13.549	78,2	32.925	92,0
1921 „ 1 „	10.190	58,8	28.223	78,9
„ 2 „	8.949	51,6	18.428	51,9

В этой таблице весьма интересны показания третьей колонны цифр, свидетельствующей о том, что внутренняя торговля и, следов., промышленность, работающая на внутренний рынок, в 1920 г. находились в цветущем состоянии, от которого в первой половине следующего года осталось почти такое же разбитое корыто, как и в области внешней торговли. Сокращение железнодорожных перевозок дало повод к требованию понижения ж. д. тарифов. В этом отношении характерна резолюция, принятая в конце 1921 г. торговой палатой в Глэзго. Резолюция требовала понижения железнодорожных тарифов на шотландских ж. дорогах, что, по мнению торговой палаты, необходимо должно предшествовать востановлению промышленности. Все отрасли промышленности, говорилось в резолюции, за исключением железных дорог, приняли участие в деле оживления промышленности. Дороги уже имеют большую экономию на угле и заработных платах. Необходимо дальнейшее понижение заработных плат. Хороший грузчик, получавший до войны 22 шилл. в неделю, теперь получает 63 ш. Правда, до войны он оплачивался плохо, но нет оснований удерживать платы на высоком уровне, когда они понижены в других отраслях промышленности. Подлинный интерес рабочих связан с понижением заработных плат. Если хотят восстановить промышленность, то необходимо понизить ж.-д. тарифы („Daily Telegr", 13. XII. 1921).

Таким образом, нажим на заработные платы шел со всех сторон, и мы видели, что рабочие Англии понесли очень большой ущерб в своих доходах. И если этот ущерб не смог создать трамплина для преодоления кризиса, то во всяком случае он удержал английскую промышленность от большего провала.

Одновременно с понижением заработных плат был поднят вопрос о понижении налогового бремени в целях понижения товарных цен и удешевления стоимости жизни. Задача понижения налогов неизбежно приводила к необходимости сокращения государственных расходов. В этой области достижения пока-что оказались весьма скромными.

Удельный вес принятых в Англии мер хорошо познается путем сравнения экономического положения Англии и Соед. Штатов. Очагом кризиса считают Англию, но мы склонны думать, что наибольшую остроту и яркость современный кризис принял в Америке. В Соед. Штатах были приняты меры в области денежного обращения в направлении дефляции, т.-е. в целях поднятия покупательной силы доллара. Дефляция ускорила падение товарных цен и в то же время сократила кредиты промышленности и торговли, т.-е. удорожила оборотные средства. Процесс падения товарных цен шел так быстро, что сокращение заработных плат за ним не поспевало. В результате американское народное хозяйство круто и глубоко было повергнуто в состояние кризиса. Вот как описывает состояние народного хозяйства в Соед. Штатах годовой (за 1921 г.) обзор газеты „The Times". Финансовое несчастие было еле избегнуто; банковские ссуды на сотни миллионов долларов были просрочены, при чем одни из них можно считать надежными, но когда последует платеж,—никому неизвестно, другие ссуды следует считать совершенно безнадежными. Цены падали, но со странною (grotesque) неравномерностью, так что вместе с приносимым этим падением облегчением создавалось новое несчастие. Затем, заработные платы стали понижаться быстрее, нежели стоимость жизни. Безработица была уже велика, но угрожала быть еще более значительной. Экономический механизм все более и более приходил в бездействие. Цены на фермерские продукты понизились с треском, хотя цены на товары, которые фермеры покупают, все еще оставались на поднебесной высоте (sky-high). Они понизились на фабриках, но не в магазинах. Между спросом и предложением было полное расхождение. Пшеница упала с 3 долл. 30 цент. за бушель ровно наполовину. Половина покупательной силы Соед. Штатов исчезла, а другая половина была жестоко повреждена. Вся товарная циркуляция как внутри страны, так и в области внешнего товарообмена страдала от того, что затвердели и

закупорились артерии. Заработные платы, пониженные там и здесь, вообще, в среднем, были близки к максимуму (close to the peak), так как в основных промышленностях все еще выплачивались военные заработные платы. Оптовые цены на изделия во многих случаях были сбиты вниз, не взирая на то, что издержки производства все еще оставались на высоком уровне, а розничная торговля цепко держалась за высокие цены.

Таково было положение вещей в Соед. Штатах, где, казалось бы, устойчивость народного хозяйства должна была бы считаться более твердой, чем в Англии. После бурного потрясения народнохозяйственного организма кризисом, Соед. Штаты начали осуществлять в широком масштабе политику сокращения издержек производства, а также прекратили и дефляцию, что, между прочим, принесло значительное облегчение для европейского валютного рынка. Сокращение заработных плат на американских железных дорогах дало в 1921 г. экономию в 400 милл. дол., что создало возможность понижения железнодорожных тарифов.

Поздней осенью 1921 г. в Америке стали ощущать некоторые признаки оздоровления рынка. В области „барометрической" промышленности—в производстве чугуна—максимум производительности был достигнут в марте 1920 г., когда было выплавлено 3.375.907 тонн. С этого момента начался период упадка, дошедший в августе 1921 г. до 954.193 тонн. Такой малой месячной выплавки не было за последние 18 лет. Но в следующие месяцы начался некоторый под'ем, напр., октябрь 1921 г. дал уже 1.246.676 т., ноябрь 1.415.481 т.

Улучшение наступило и в области внешней торговли, равным образом, в области товарных цен; движение их вниз не только прекратилось, но даже сменилось на повышательную тенденцию. Все это дало повод министру торговли в Соед. Штатах, Гуверу, заявить в начале октября 1921 г. о том, что американская промышленность „переживает раннюю весну возрождения, войдя в период более легкого кредита". Но Гувер подчеркнул, что он не хочет быть понятым в том смысле, что страна находится на пороге оживления (boom). „Перед нами,—говорил он,—все еще долгий путь к экономической устойчивости. Мы еще должны пройти дорогу приспособления к ценам, но мы безусловно на дороге". Затем следует еще более важное признание: „устойчивости в европейских валютах не может быть до тех пор, пока в какой-либо части света существует инфляция. Пока наш промышленный мир не заинтересуется в странах, борющихся с финансовыми затруднениями, до тех пор мы будем нести огромные ущербы от потери вывозных рынков и от безработицы („Morning Post", 8. X. 1921).

That is question! Последняя мысль американца получила теперь всеобщее признание. Почти одновременно с Гувером и Ллойд Джордж,—в одной из своих речей,—заявил по отношению к Англии, что „это—не обычный промышленный кризис. Это—не одно из тех колебаний деловой кон'юнктуры, к которым мы привыкли. Современная депрессия—ненормальное явление, обязанное своим происхождением ненормальным обстоятельствам. Депрессия обязана своим происхождением расстраивающим влияниям войны на мировую торговлю, мировой кредит и мировое доверие" („Daily Chronicle'" 5. X. 1921). Но вместе с тем ясно, что на общем фоне этой депрессии, порожденной „ненормальными обстоятельствами", разразился типичный промышленный кризис, сильно обостривший общее экономическое положение как мирового рынка, так и отдельных стран.

V.

Долги, налоги и дефициты.

Среди причин, сильно осложняющих современное положение Европы, видную роль играет финансовое неустройство, внешне выражающееся в форме огромных и постоянных дефицитов в государственных бюджетах различных стран. Бюджет современного государства представляет собою в самой существенной своей части ту долю народнохозяйственного дохода, которую государственная власть ежегодно отбирает от граждан на основании принуждения, т.-е. в форме налогов. Менее существенную часть бюджета составляет тот доход, который вырабатывается государственными предприятиями. Война, с одной стороны, в большинстве случаев обеднила народные хозяйства; с другой—она создала как для частных, так и для государственных предприятий неблагоприятные условия работы. Таким образом, устойчивости бюджетов были нанесены удары с двух основных позиций. Податные системы вынуждены работать в условиях обедневшего народного хозяйства; государственные предприятия обычно заканчивают год с крупными дефицитами, которые добавочною тяжестью ложатся на податной доход. Этих основных причин было бы более чем достаточно для того, чтобы повергнуть современные государственные бюджеты в состояние достаточно безнадежной дефицитности. Если же принять во внимание тот факт, что современные податные системы особенно сильно упираются на налоги на потребление, то, при повсеместном невольном сокращении и ухудшении потребле-

ния, неизбежен упадок продуктивности указанных видов податных источников.

Но помимо этих причин, создающих дефициты, война оставила после себя еще одно тяжелое наследство в виде колоссальной, неслыханной в истории мировых финансов, задолженности. После перемирия пришлось поневоле заняться ликвидацией финансового наследства войны, т.-е. прежде всего изыскать средства для оплаты государственной задолженности. Эта задача крайне осложнила финансовое положение каждой из воевавших стран, тем более, что обычные потребности общества, с трудом удовлетворявшиеся за счет бюджета и до войны, не только не допускали сокращения, но, наоборот, после войны удорожились по многим причинам. Известно, что до войны большинство европейских бюджетов всегда страдало наклонностью к дефицитам. Мечта о том, что война приведет Европу к глубокому миру, который позволит основательно разгрузить бюджеты от военных расходов, оказалась мыльным пузырем. На брюссельской финансовой конференции 1920 г., где были представлены 40 государств, подчеркивали, что самым необходимым условием улучшения международного положения должно быть сильное сокращение военных расходов. На конференции было указано, что „из представленных конференции данных о расходах государств—участников конференции видно, что 20% всех государственных расходов уходит на вооружение и приготовление к войне. Конференция особенно подчеркивает, что мир не может выносить таких расходов“ (Цит. „The Economist“, 18. II. 1922).

После войны во всех государствах пришлось платить пенсии огромному количеству людей, потерявших полностью или частично свое здоровье и трудоспособность, содержать специальные госпитали, клиники, приюты, поддерживать вдов и сирот. По английскому бюджету на 1922—23 г. на выплату пенсий назначено более 100 милл. ф. ст., что представляет капитал в 1.400.000.000 ф. ст., не считая 112 милл. ф. ст., капитализированных по другим ведомствам. По сообщению докладчика по французскому бюджету, Шерона, военные пенсии исчезнут из французского бюджета лишь только после 1991 года.

Помимо текущих обыденных расходов, государственные бюджеты воевавших стран по необходимости были обременены, с одной стороны, расходами по восстановлению ущербов, нанесенных войной экономическому оборудованию, с другой—страны, оказавшиеся в лагере побежденных, обречены долгое время выплачивать государствам-победителям значительные суммы в качестве вознаграждения за причиненные ущербы. Во французском бюджете ассигнования на вос-

становление разрушенных войной областей прекратятся только после 1929 г.

Обращаясь к задолженности отдельных государств послевоенной эпохи, приходится констатировать значительную статистическую трудность в деле определения ее истинных размеров и тяжести. С одной стороны, во многих странах валютный измеритель не только испортился, но продолжает портиться, делая невозможным сравнение довоенных и послевоенных цифр и часто меняя соотношение цифр начала и конца одного и того же года. С другой стороны, резко изменилась покупательная способность денег даже и таких стран, которые оставались во все время войны на твердой золотой базе, напр., золотой доллар 1913 г. в отношении своей покупательной способности стоял выше золотого же доллара 1921 г. Поэтому простой пересчет бумажных валют на золото не дает показательного материала и не может служить бесспорною базою для сравнения. Возьмем для примера германский государственный долг, составлявший накануне войны приблизительно 5 млд. золотых марок, а к концу 1920 г. достигший уровня 200 млд. бумажных марок. Если посчитать 50 бумажных марок за одну золотую, то окажется, что 200 млд. бумажного долга равны 4 млд. золотых, т.-е. благодаря обесценению марки Германия свела к нулю весь свой военный и послевоенный долг и понизила на 1 млд. золотых марок довоенный золотой долг. В тех же странах, которые имеют внешний долг, заключенный в иностранной твердой валюте, происходит другое явление, напр., в Австрии в первой половине 1921 г. внешний долг оценивали в 45 млд., к осени, благодаря сильнейшему падению кроны, этот долг пришлось переоценить в 145 млд. крон.

Если же одновременно принять во внимание отмеченный выше факт падения покупательной силы золота, то всякие попытки сравнения бюджетных позиций довоенного и послевоенного времени окажутся затрудненными в весьма высокой степени. Сошлемся для примера на французский бюджет. Министр финансов Франции в своей об'яснительной записке к проекту бюджета на 1923 г., между прочим, указал, что в области государственных расходов по содержанию служащих в 1922 г. получилось следующее соотношение: то, что в 1913 г. стоило 1 млд. франков, теперь обходится в 4,6 млд. В среднем, современный французский франк потерял половину своей бывшей золотой ценности. Поэтому, считаясь только с обесценением франка, пришлось бы определить, что 1 млд. бюджетных расходов на содержание государственных служащих теперь должен превратиться в 2 млд. Но фактически миллиард превратился в 4,6 млд., что преимущественно нужно поставить на счет падения покупательной

силы золота, или—другими словами—поднятию среднего уровня цен. Таким образом, бюджетные цифры бумажно-валютных стран попали под влияние двух основных факторов: а) изменения курса бумажных денег и б) падения покупательной силы денежной единицы. Так как оба эти фактора в свою очередь подвержены непрестанным изменениям, то понятно, что финансовая статистика по необходимости вынуждена хромать на оба колена.

Принимая все эти оговорки, сообщим все-таки некоторые статистические данные, рисующие внешнюю картину роста государственной задолженности, как прямого последствия войны. По подсчету, сделанному „The American" (издание National City Bank), довоенная задолженность государств всего мира в 1913 г. составляла 43 млд. долл. с ежегодным расходом по ее оплате в 1.750 млн. долл. К концу 1920 г. задолженность поднялась до 300 млд. долл. с ежегодным расходом по ней в 12 млд. долл. Так как эти подсчеты сделаны в золотой валюте, то в них действие одного из факторов, затрудняющих финансовое сравнение, оказывается устраненным.

Подобный подсчет во франках был сделан весьма известным финансовым статистиком Франции, деятельным участником международных статистических конгрессов, А. Неймарком („Solidarité économique" в „Revue Economique Internationale", 1921. V.). Подсчет Неймарка дает детальную картину наростания долгов по отдельным группам государств и по отдельным категориям государственных долгов, на два момента—на 1913 г. и на конец 1920 г. Картина наростания долга получается очень интересная: мир захлебнулся в море твердопроцентных бумаг, выпущенных различными государствами.

	Миллионы франков			
			увеличение	
	1913 г.	1920 г.	милл. фр.	в % %
Страны Антанты:				
консолидированный долг .	79.087	434.254	356.167	449
текучий долг	8.525	178.522	169.997	1.994
внешний долг	15.051	110.421	95.370	634
Итого . . .	102.663	723.197	620.534	604

	миллионы франков		увеличение	
	1913 г.	1920 г.	милл. фр.	в % %
Центральные державы:				
консолидир. долг	13.610	147.116	133.506	981
текучий долг	719	196.026	195.307	27.164
внешний долг	747	10.300	9.553	1.279
Итого . . .	15.076	353.442	338.366	2.244
Нейтральные страны:				
консолидир. долг	12.501	21.318	8.817	71
текучий долг	365	2.974	2.609	715
внешний долг	2.692	2.470	—222	—8
Итого . . .	15.558	26.762	11.204	72
Прочие страны:				
все долги	14.241	23.782	9.541	67
По всем группам .	147.538	1.127.183	979.645	664

Если принять во внимание, что накануне войны всех и всяких ценных бумаг обращалось в мире на 850 млд. франков (т.-е. считая государственные долговые облигации и ренты, а также частные облигации и акции), то сумма одних государственных облигаций в 1920 г. в 1.127.183 млн. фр. не может не показаться, действительно, „астрономической". Этою цифрою война поставила огромный барьер на пути оздоровления мирового народного хозяйства, так как гипертрофические размеры фиктивного капитала тяжело отзываются на бюджетном хозяйстве, на промышленном капитале, на рас-

пределении хозяйственных благ и вообще на всем процессе народно-хозяйственного развития.

Рассматривая прирост государственных долгов, мы находим в нем три составные части, имеющие неодинаковые последствия для народных хозяйств и оказывающие на них неодинаковые влияния. Сильно возрос прежде всего фундированный или консолидированный долг, представленный массой твердопроцентных бумаг, размещенных в широкой публике. Эти долги выписаны на долгие сроки, в течение которых государства обязываются уплачивать проценты и производить частичное погашение. Наличность консолидированного долга имеет непосредственное отношение к внутренней жизни государства, отрывая огромные доли бюджетных средств на оплату купонов и погашение и связывая таким образом свободу бюджетного плана, влияя на распределение народнохозяйственного дохода. Бюджет государства, обремененного крупною консолидированною задолженностью, теряет значительную долю своей эластичности, т.-е. лишается возможности свободно покрывать насущные и неудовлетворяемые потребности. Консолидированный долг заставляет напрягать податную систему, что не только задерживает возвращение товарных цен к нормальному уровню, но даже является фактором удорожания товаров, приводящего к сжатию рынка сбыта и eo ipso—рынка производства.

Наличность огромных текучих долгов, т.-е. долгов, облеченных в форму краткосрочных обязательств, производит пертурбацию на рынке оборотных средств. Текучий долг, в моменты своего прироста. поглощает, „завязывает" оборотные средства рынка, удорожая их для промышленности и торговли и, следовательно, удорожая товары, сокращая размеры производства и торговли. В момент уплаты текучего долга рынок оборотных капиталов делается излишне полнокровным, что вызывает оживление спекуляции, приводящей в состояние неустойчивости товарные цены. Но все это бледнеет перед другим последствием накапливания огромных текучих долгов. Их необходимо ликвидировать, так как все они выписаны на очень короткие сроки. Само собою разумеется, что ликвидировать текучие долги путем выплаты их не представляется возможным, так как бюджеты не располагают огромными свободными средствами. Ликвидацию приходится производить путем конверсии текучего долга в долгосрочный, что лишает бюджетное хозяйство возможности пользоваться долгосрочным кредитом для других целей. Государственное хозяйство, при наличности огромных текучих долгов, лишается одного из полезных средств целесообразного финансирования своих нужд.

Ликвидация текучего долга связана еще и с другим весьма

важным обстоятельством. Весьма часто текучий долг был причиною бумажноденежной инфляции, так как правительство занимало деньги в эмиссионных банках, которые могли предоставить эти ссуды только потому, что они выпускали все новые и новые количества неразменных банкнот. Нагромождение текучего долга и бумажноденежная инфляция связались в один узел, развязать который одним погашением текучего долга эмиссионным банкам не представляется возможным. Такое погашение будет лишь предварительным условием оздоровления, как денежных систем, так и эмиссионных банков.

Наконец, третья составная часть государственных долгов представлена так называемыми внешними долгами. Во время войны европейские государства. главным образом те из них, которые составляли союз Антанты, охотно обращались с своими кредитными нуждами к Соединенным Штатам. Одновременно ряд европейских государств обращался с своими кредитными нуждами к Великобритании и отчасти к Франции. В результате создалась сложная переплетенность отношений должников и кредиторов. Соед. Штаты являются всеобщим кредитором. Англия—должник Соед. Штатов и кредитор многих европейских государств. Франция—должник Соед. Штатов и Англии и кредитор ряда европейских государств. Италия, Бельгия, Россия—должники по отношению к Старому и Новому Свету. Это переплетение осложняется еще тем, что в одних случаях правительства Англии и Соедин. Штатов занимали деньги у своих граждан и занятые деньги передавали правительствам европейских стран; в других странах европейские правительства непосредственно занимали деньги у граждан Великобритании и Соед. Штатов. Наконец, в ряде случаев правительство Великобритании занимало деньги у правительства Соед. Штатов и занятые суммы передавало правительствам других европейских государств. Ликвидация столь сложного вопроса о внешней задолженности, накопленной во время войны, представляется делом весьма трудным. Для установления размеров внешней задолженности мы воспользуемся таблицей, составленной председателем лондонского Barclay's Bank, F. C. Goodenough, и сообщенной им в его докладе 10 апреля 1922 г. на собрании американской торговой палаты в Лондоне. В пояснение этой таблицы укажем, что в графе „долги союзникам" выписаны только те долги европейских государств, которые заключены у правительств иностранных держав. В эту графу не вошли долги европейских государств непосредственно иностранным гражданам и банкам (об этих долгах речь будет особо). В показаниях относительно долга Соед. Штатов даны сведения только о федеральном долге, т.-е. не считая долгов отдельных американских штатов.

Страны.	Внутренний долг в миллионах.		Долг союзникам в валюте займа, милл.		Приблиз. эквивалент в ф. ст., по текущему курсу, милл. ф. ст.
	довоенный.	послевоенный.			
С. Штаты	1.028 долл.	23.251 долл.	—		—
Великобритания	706 ф. ст.	6.702 ф. ст.	С. Ш-м	4.166 долл.	952
Франция	33.637 фр.	217.500 фр.	Англии	557 ф. ст.	1.322
„			С. Ш-м	3.351 долл.	
Италия	15.251 лир.	89.338 лир.	Англии	477 ф. ст.	854
„			С. Ш-м	1.618 долл.	
Россия	8.846 руб.	-	С. Ш-м	193 долл.	725
„			Англии	561 ф. ст.	
„			Франции	5.755 фр.	
Бельгия	4.627 фр.	34.703 фр.	С. Ш-м	375 долл.	252
„			Англии	103 ф. ст.	
„			Франции	3.027 фр.	
				Всего.	4.195 м. ф. ст.
				Репарации.	6.600 „ „ „
					10.705 м. ф. ст.

Эту таблицу тот же докладчик представил в ином виде, пересчитав валютные цифры в „товарные единицы". Товарной единицей г. Гудиноф избрал то количество товаров, которое можно было купить до войны за 1 фунт. ст.

Долги в товарных единицах.

Страны.	Довоенные долги.		Послевоенные долги.		Всего	
	Млн. единиц.	Единиц на душу.	Внутр. долг млн. един.	Долг союзникам млн. един.	млн. ед.	Единиц на душу.
С. Штаты	211	2.3	2.332	—	3.232	30.7
Великобритания . .	706	15.7	4.215	596	4.811	101.3
Франция	1.833	33.7	3.125	805	3.927	98.2
Италия	605	17.3	614	481	1.095	27.4
Россия	936	5.2	...	—	—	—
Бельгия	183	24.4	356	134	480	60.0

По нашему мнению, английский финансист дал достаточно выразительную картину для сравнения бремени государственных долгов. Конечно, эта картина далека от точных требований финансового сравнения. Докладчик сам оговаривался, что сделать настоящее сравнение очень трудно по причине постоянного колебания денежных курсов и по причине меняющегося расхождения между внутренней и внешней ценностью денежных единиц. Уменьшение и увеличение об'ема денежного обращения еще более затрудняет сравнение, так как оба эти процесса колеблют уровень товарных цен и, следовательно, изменяют тяжесть долгов.

Обращаясь к позиции отдельных государств в отношении долгов, отметим, что помимо задолженности Европы американскому правительству, данные о которой приведены в предшествующей таблице г. Гудинофа, европейские страны обращались к американскому рынку непосредственно. С 1 августа 1914 г. до 1 января 1922 г. на рынке Соед. Штатов было выпущено приблизительно на 2.587.399.000 долл. европейских займов; из этой суммы было уплачено 1.770 млн. долл., так что к 1 января 1922 г. этой категории долгов Европы Америке оставалось на 818 млн. долл. Означенную сумму и следует присчитать к сумме европейской задолженности американскому правительству, т.-е. к 9.743 млн. долл. следует прибавить еще 818 млн., что в общей сложности составит грандиозную сумму в 10.561 милл. долл.

Упомянутая выше сумма европейских государственных долгов свободному американскому рынку, по сведениям нью-йоркского корреспондента журнала „The Economist“ (11 марта 1922 г.) распределяется следующим образом:

	Всего было выпущено займов 1. VIII. 1914 г.—1. I. 1922 г.	Уплачено до 1. I. 1922 г. (тысячи долларов).	Оставалось на 1 янв. 1922 г.
Великобритания	1.420.818	1.027.231	393.587
Франция	805.000	611.965	193.035
Франц. города	131.000	86.000	45.000
Бельгия	109.270	9.525	99.745
Италия	36.311	25.000	11.311
Россия	85.000	10.000	75.000
Итого	2.587.399 тыс. д.	1.769.721 т. д.	817.678 т. д.

Со дня перемирия было выпущено приблизительно займов на 641 милл. долл., из которых около 500 милл. долл. было выпущено для конверсии отдельных займов. Таким образом, перечисленные в таблице займы—почти все военного происхождения. Позиция Великобритании в области внешней

задолженности, обусловленной войною, интересна в том отношении, что Великобритания была посредником между кредитовавшим американским правительством и должавшими европейскими государствами. Векселя английского правительства поступали в руки американского правительства, и векселя европейских континентальных правительств поступали в руки английского правительства. Сопоставление счетов английского долга Америке и европейского долга Англии показывает, что, собственно говоря, Великобритания для своих нужд не заняла в Соед. Штатах ни одного доллара, хотя в то же время она является ответчиком перед Соед. Штатами на огромную сумму. Долговой счет Великобритании в пассивной своей части представлен ее долгом в 972 милл. ф. ст. (Цифра колеблется в зависимости от пересчета долларов по тому или иному курсу, а также оттого, причисляются или нет наросшие, но не уплаченные, проценты).

Активный счет Великобритании заключает в себе военные долги континентальных держав, в следующих суммах:

	Капитальная часть долга.	Увеличение после перемирия.
	фунты ст.	
Франция	572.524.500	146.853.500
Россия	567.892.000	—
Италия	502.074.952	147.024.952
Конго бельг.	3.550.000	1.099.000
Румыния	22.112.500	6.402.500
Греция	7.710.350	7.210.350
Португалия	18.472.000	9.480.000
Бельгия (заем восстановления) .	9.000.000	9.000.000
	1.703.336.302	327.070.302

Увеличение долгов после перемирия произошло за счет неуплачивавшихся процентов по капитальной сумме долгов, а в случаях Бельгии и Греции вследствие новых займов по особому соглашению („Le Temps“, 9. IV. 1922).

Сопоставление активного и пассивного счета английской внешней задолженности показывает, что позиция Великобритании в этом случае блестяща. По существу Великобритания не имеет внешнего долга, наоборот—она сама является крупным кредитором. Но посреднический характер английского долга осложняет дело. Когда высказывалась мысль о том, чтобы Америка скостила долг Англии, а Англия скинула бы со счетов долги Европы, то в Америке по этому поводу указывалось на неравноценность жертв. Америке предлагают

сбостить первоклассный долг, за которым стоит бесспорно платежеспособная Великобритания, а последняя, взамен этого, скинет со счетов долги сомнительной надежности („a highly speculative debt"). В одной из передовых статей парижский „Le Temps" (9. IV. 1922) прямо заявил, что Соед. Штаты получат проценты с Англии, но не получат их с Франции и Италии, которые заплатят Англии, но не смогут заплатить одновременно Соед. Штатам. („car ces nations seraient dans l'impossibilité, plus complète que jamais, de verser quoi que soit aux Etats-Unis, si elles étaient tenues de payer tout l'intérêt de leurs dettes envers l'Angletterre").

Теперь рассмотрим долговые счета Франции. Для определения пассивной части этих счетов можно воспользоваться сведениями из бюджетного экспозе французского министра финансов de Lasteyrie по поводу проекта бюджета на 1923 г.

Весь долг Франции Соед. Штатам составлял в круглых цифрах 4.486 млн. долл. Но Франция произвела часть платежей—с 1915 г. по 1921 г. она заплатила 898 млн. долл. по займам, сделанным ею на свободном американском рынке. В мае 1922 г. состояние французского долга Соед. Штатам представлено в следующей таблице (в долларах):

Ссуды от америк. казначейства	2.950.762.938
Обязательства, переданные америк. военному департаменту за доставленные военные материалы	407.341.145
8% заем 1920 г.	93.660.500
7½ заем 1921 г.	93.789.300
Займы трех городов	40.586.000
Остаток 5½% займа	2.110.000
Остаток англо-французского займа	13.850
Итого коммерческих долгов . .	637.500.795
Всех долгов Америке . . .	3.588.263.733

В Великобритании Франция равным образом имеет два счета, один—с казначейством, другой—с частным рынком. Ссуды от английского казначейства организованы таким образом, что проценты по ним при наступлении срока превращаются в новые обязательства и увеличивают общую сумму долга. На 31 декабря 1922 г. этот долг составлял 566.185.500 ф. ст., из которых Франция фактически получила на руки 445.750.000 ф. ст. Часть этих ссуд обеспечена золотом французского эмиссионного банка, что и дало повод к возникновению на балансе Banque de France счета „золота заграницей".

В отношении этого долга, возникшего до вхождения Соед. Штатов в войну, Великобритания играла роль посредника между Францией и Соед. Штатами.

На частном рынке в Англии Франция заняла в английском эмиссионном банке 65 млн. ф. ст. с обязательством обеспечения этого займа на одну треть золотом (21.666.000 ф. ст.), что и записано на вышеуказанном заграничном золотом счете Banque de France.

Затем Франция заняла 116.250.000 крон в скандинавских странах; 604 млн. пезет в Испании; 195.275.000 шв. фр. в Швейцарии (долг выплачен); 55 млн. гульденов в Голландии и т. д.

Этому пассивному счету военных долгов Франции противостоит ее активный счет, заключающий в себе, главным образом, счет контрибуции с Германии, который оценивается в 68 млд. золотых франков. Когда весною 1922 г. Соед. Штаты дали понять своим европейским должникам, что скоро с них потребуют платежей по долгу, то во Франции был составлен следующий счет ее долгов и требований военного периода:

I. Франция должна:

Соед. Штатам	13.750 млн. зол. фр. или	545 млн. ф. ст.
Великобритании	12.500 „ „ „ „	455 „ „ „
	26.250 млн. зол. фр. или	1.000 млн. ф. ст.

II. Франции должны:

Италия	1.000 млн. зол. фр. или	39,64 млн. ф. ст.
Бельгия	2.250 „ „ „ „	89,20 „ „ „
Россия	4.000 „ „ „ „	158,56 „ „ „
Юго-Славия	500 „ „ „ „	19,82 „ „ „
Др. союзники	1.250 „ „ „ „	49,55 „ „ „
	9.000 млн. зол. фр. или	356,77 млн. ф. ст.
Контрибуция с Германии	68.000 млн. зол. фр. или	2.695,73 млн. ф. ст.
	77.000 млн. зол. фр. или	3.052,50 млн. ф. ст.

Долговые счета других воевавших стран гораздо „проще“: эти страны всем должны, и направо, и налево. Вследствие этого, когда говорят о проблеме международной военной задолженности, то имеют в виду активные интересы Соед. Штатов, Великобритании и Франции, причем в отношении Франции учитываются по преимуществу ее счет с Германией по версальскому договору.

Фактическое положение с внешними долгами в первые годы после заключения перемирия сводилось к следующему. Долги, заключенные на свободных рынках, оплачивались

процентами и погашались по установленным планам. В отношении займов у иностранных правительств существуют особые соглашения, напр., такое соглашение было у Великобритании и Соединенных Штатов. По своему долгу американскому правительству Великобритания не уплачивала процентов до 15 мая 1922 г. Англия платила проценты только за 91.500.000 долл., занятых ею в Америке для восстановления равновесия на денежных рынках Индии и Дальнего Востока. В английском бюджете на 1922—23 бюджетный год впервые предусматривается кредит в 25 млн. ф. ст. для оплаты долга правительству Соед. Штатов. С своей стороны и Великобритания отсрочила своим должникам уплату процентов на три года. В первой половине июля 1922 г. Великобритания отправила в Соед. Штаты золота на 500 тыс. ф. ст., взяв их из золотого фонда, обеспечивающего английские currency notes и заменив золотое покрытие их банкнотами Английского банка. Этим вывозом золота Англия обеспечивает себе доллары, нужные ей для оплаты своего американского долга.

В апреле 1922 г. в Соед. Штатах состоялось первое заседание „World War Foreign Debt Funding Commission" (Комиссии по фундированию внешних долгов, возникших во время мировой войны). На этом заседании была установлена общая сумма задолженности европейских и других государств правительству Соед. Штатов на 15 мая 1922 г., считая капитал задолженности и наросшие на него, но неуплоченные проценты. Так как этот подсчет является позднейшим и сделан оффициальным учреждением, то мы считаем полезным, в дополнение к приведенным выше данным сообщить нижеследующую таблицу, датированную на 15 мая 1922 г.:

Долги Америке:

	в долларах.
Армения	13.137.466
Австрия	26.220.723
Бельгия	428.956.287
Куба	8.147.000
Чехословакия	103.106.426
Эстония	15.694.148
Финляндия	9.005.082
Франция	3.770.906.656
Великобритания	4.685.862.560
Греция	15.375.000
Венгрия	1.837.561
Италия	1.891.514.634
Латвия	5.582.296
Либерия	28.86[illegible]

Долги Америке:

	в долларах.
Литва	5.479.791
Никарагуа	170.585
Польша	148.594.423
Румыния.	41.089.387
Россия	227.801.969
Сербия	57.872.196
Всего . . .	11.456.383.059

Если американское правительство удовлетворится 3½% и 1% погашения, то весь этот грандиозный долг, теоретически рассуждая, может быть погашен в 44 года.

Огромная часть военной задолженности первые годы по окончании войны оставалась в неподвижном состоянии, не оказывая влияния ни на денежные курсы, ни на торговые и расчетные балансы задолженных стран и не затрагивая их бюджетных позиций. Все это висит в воздухе тяжелой угрозой. Но вместе с тем следует отметить, что те правительства, которые во время войны ссужали деньги другим правительствам, обязаны были уплачивать проценты своим гражданам по внутренним займам, за счет которых были сделаны ссуды иностранным правительствам. Это обстоятельство обременяло бюджеты кредитовавших стран, побуждая их держать налоговое бремя на высоком уровне, препятствуя необходимому во всеобщих интересах понижению товарных цен.

В своей книге „Валютный хаос“ (1922. стр. 49 сл.) мы уже разсказывали дальнейшее движение вопроса о ликвидации междусоюзнической военной задолженности. Не повторяя сказанного, заметим, что Генуезская конференция не внесла ничего нового в этот вопрос. Настойчивость требования по адресу России об уплате ею военных долгов показывает, что мысль о необходимости поставить крест над военными счетами еще далека от сознания современных европейских правительств. Настойчивость Франции в вопросе о выполнении версальского договора, внешняя безучастность Соед. Штатов к европейским делам, все это служит дурным показателем для дальнейшего развития вопроса о ликвидации военной задолженности.

Соед. Штаты весною 1922 г. сообщили европейским правительствам о своем намерении взыскивать с них долги. Как мы уже сказали, Англия на это сообщение реагировала внесением в бюджет соответствующей расходной статьи и сообщением континентальным правительствам о необходимости оплачивать их долги Англии. Франция, с одной стороны, сделалась особенно настойчивой в отношении германских

платежей и неуступчивой в вопросе о русских долгах, а с другой—она послала в Соед. Штаты своего уполномоченного г. Parmentier для переговоров по вопросу о консолидации и рассрочке долгов. Соед. Штаты наперед заявили, что „ни об аннулировании, ни о зачете долгов не может быть речи". Таким образом, в 1922 г. междусоюзническая военная задолженность делается живым фактором международной экономической жизни; этот фактор, само собою разумеется, отнюдь не служит к облегчению критического состояния международного рынка.

В высшей степени интересно познакомиться с мнениями сведущих людей по поводу экономического значения обозначившегося курса в вопросе о международной военной задолженности.

В мае 1922 г. финансовая комиссия торговой палаты Соединенных Штатов, как сообщила об этом телеграмма из Нью-Йорка („L'Information", 17. V. 1922), следующим образом установила свою позицию в отношении союзнических долгов: европейские правительства, за исключением великобританского, в данное время совершенно неспособны платить свои долги Соед. Штатам. Для таких платежей необходимо, чтобы государства обладали особенно благоприятным торговым балансом; но даже и в этом случае им пришлось бы вводить налоги для приобретения иностранной валюты. Бюджетное положение этих стран таково, что даже при наличности благоприятного торгового баланса такие платежи для них невозможны. Европа должна Америке, считая и накопившиеся проценты, 11.329.281.231 долл., что по сумме превышает золотые запасы всего мира; уплата одних процентов потребовала бы 30% золотых запасов задолженных государств.

Торговая палата не сделала отсюда вывода, но он, конечно, ясен сам по себе, так как передвижение такой массы золота произвело бы на международном рынке колоссальную пертурбацию. Для делового мира Америки вопрос об европейских долгах ясен.

Политические круги Соед. Штатов в данном вопросе настроены иначе; такие видные сенаторы, как Мак-Кормик и Гувер, требуют („avec quelque brutalité", по характеристике французов) полной уплаты долгов. Поэтому очень интересно привести мнение по данному вопросу члена верховного суда Соед. Штатов, Джона Клэрка (J. H. Clarke), очень ярко выразившего противоположную точку зрения. Интересно отметить, что эта точка зрения была высказана верховным судьей на с'езде торговой палаты в Кливлэнде (27 декабря 1921 г.).

„Я все более и более убеждаюсь в том,—заявил судья,—что как по политическим причинам, так и по экономическим,

ссуды, которые были даны нашим союзникам во время войны, должны быть немедленно и полностью аннулированы. Если этого не сделать, то как можно убедить союзников в том, что Соед. Штаты понесли свою долю тяжести мировой войны"? Требуя возврата этих ссуд, С. Штаты теряют дружбу союзных наций. Клэрк вспоминает, что непосредственное жертвоприношение С. Штатов на алтарь войны началось лишь после того, как Франция, Англия, Италия и Россия уже три года были в огне войны. Каково было бы положение Соед. Штатов, если бы победила Германия? Американский флот был бы бессилен перед германским, увеличенным за счет флота Англии, Франции и Италии.

Перевозка войск из Америки в Европу доказала, что можно перевести войска и из Европы в Америку. И если бы даже счастье благоприятствовало Америке, то это счастье обошлось бы очень дорого. Никакой суммой нельзя оплатить услуг, оказанных Америке союзными армиями. В течение первого года вхождения Америки в войну было убито более миллиона союзных солдат и почти миллион получили тяжкие раны, все для того, чтобы армия С. Штатов имела время привестись в порядок. Можно-ли эту услугу взвесить на весах аптекаря? $9\frac{1}{2}$ миллиардов долларов, ссуженных Европе, о которых сейчас идут столь мучительные разговоры, были употреблены на пушки, снаряды и провиант для армий, сражавшихся за общее дело. Сравнивая жертвы Европы и Америки, Клэрк указал, что на счету Европы стоит четыре года войны, на счету Америки—4 месяца; расходы союзников—77 млд. дол., расходы Соед. Штатов—22 млд., считая и ссуды Европе. С точки зрения справедливости нельзя доказать, что наиболее пострадавшие должны нести наибольшие финансовые жертвы. И если после войны Соед. Штаты заявили, что они не требуют ни одного доллара контрибуции с зачинщиков войны, то тем более нет основания требовать эти доллары с союзников по войне. Иначе будут говорить, что выгоднее быть врагом Америки, нежели ее другом. Не хочет-ли американский сенат сделать из Соед. Штатов Шейлока наций?

С точки зрения юридической, говорил Клэрк, обязательства Европы безупречны, так как ни одна из держав не отказывается от своих долгов, но с точки зрения экономической эти долги следует аннулировать, так как ни одна из стран, исключая, быть может, Великобритании, не может заплатить даже процентов. Накануне войны один знаменитый американский писатель дал следующее определение Европы: „банкрот, вооруженный до зубов". Это определение теперь, когда долги европейских государств увеличились безмерно, более верно, чем до войны. Долги Великобритании, увели-

чившиеся с $3^1/_2$ млд. долл. до 40 млд.. составляют половину ее довоенного богатства; долги Италии, увеличившиеся с 3 млд. долл. до 15 млд., представляют $^2/_3$ ее довоенного богатства. Долгам же Соед. Штатов в 22 млд. противостоит их богатство в 220 млд. долл. Разве мыслимо, напр. для Италии платить ежегодно 5% (750 млн. долл.) и одновременно покрывать другие необходимые расходы? В таком же положении находится и опустошенная Франция перед лицом своего ординарного бюджета. „Великобритания платит свои долги",—заявляют ее государственные деятели, но многие ее экономисты утверждают, что погашение долгов возможно только при условии, если налоги затронут капитал народного хозяйства. Союзники не могут платить ни золотом, ни ценностями, так как у них нет ни того, ни другого. Они не могут платить произведениями почвы, так как каждая из трех стран не в состоянии прокормить свое население. Остается заплатить промышленными изделями или суммами, вырученными от их продажи. Недавно Уельс предложил, конечно, в шутку, такую мысль: так как в Англии среди специалистов имеются миллионы безработных, а правительство не может допустить, чтобы они умерли с голода, то нужно, чтобы они занялись изготовлением материй, одежды, автомобилей, машин, паровозов и вагонов. Изготовленными изделиями английское правительство может оплачивать свои долги Соед. Штатам. Но ведь такой способ платежа означал бы крах как для хозяев, так и для рабочих Америки. Не менее тягостен был бы способ расплаты кредитами, полученными за товары, проданные где-либо в другом месте. Чтобы раздобыть эту валюту, должники Соед. Штатов должны были бы производить и продавать товаров так много, что они уронили бы цены мирового рынка и подорвали бы позицию американских товаров. В том и другом случае большая часть заводов и фабрик Соед. Штатов была бы закрыта. И сейчас, когда часть германской контрибуции выплачена была в форме германских судов, морская промышленность переживает особенно тяжелый кризис. Английские углекопы кричат, что уплата этой контрибуции углем, поставляемым Франции, их разоряет. Французские квалифицированные рабочие протестуют против того, чтобы в счет контрибуции Франция брала немецкие машины. Рабочие Франции протестуют против того, чтобы разрушенные области восстанавливались при помощи немецких рабочих рук, так как это угрожает безработицей. Тоже самое будет и в Соед. Штатах, если они станут собирать долги товарами или валютой, полученной за товары. Если европейские нации не будут продавать своих товаров по ценам ниже американских, то они не смогут заплатить своих долгов; если же они будут продавать по более деше-

вым ценам, то в Соед. Штатах будет необычайная безработица. Отнести уплату долгов на более отдаленный срок значит отягчить налогами целое поколение. Соед. Штаты отяготят платежами своих старых союзников и по такому долгу, в моральную обоснованность которого никто не верит. Англия, Франция и Италия—лучшие покупатели американских сельскохозяйственных продуктов. Отяготить их платежами на долгие годы значит лишить их возможности покупать на нашем рынке, но ведь Соед. Штаты производят больше, нежели они потребляют. Нужно аннулировать эти займы и подать руку помощи своим друзьям. Утопия—думать, что, получив проценты и погашение по ссудам, Америка будет в состоянии понизить у себя дома бремя налогов и выдать бывшим солдатам вознаграждение, утопия потому, что получение процентов и погашений расстроит рынок и углубит кризис. Долги Европы должны быть аннулированы на условии, что и те государства, которые, являясь одновременно нашими должниками и кредиторами других наций, равным образом аннулируют свои претензии".

В изложенной речи американского верховного судьи Джона Клэрка сгущены все те аргументы, которые разными лицами и по разным поводам были высказаны в пользу аннулирования военной задолженности. Многие из этих аргументов неотразимы; но среди доводов есть один уязвимый, именно, тот, по которому будто бы нет возможности путем рассрочки долга на продолжительный срок сделать невыносимое бремя военных долгов переносимым. Этот довод у Клэрка подкреплен только моральным аргументом о неудобстве обременять платежами целое поколение. Но ведь каждый долгосрочный заем делает то-же самое. И если бы, действительно, было невозможно при помощи рассрочки сделать бремя долгов выносимым, то тогда вопрос о военных долгах был бы в самом скором времени разрешен в благоприятную сторону, т.-е. долги были бы по необходимости аннулированы. Но для трезвой оценки проблемы военной задолженности следует иметь в виду, что возможность рассрочкой облегчить бремя долгов в сильной степени укрепляет позицию противников аннулирования.

Иначе подходит к вопросу о военных долгах названный выше английский банкир F. C. Goodenough, который в своем докладе (см. „Times", 11. IV 1922) исходит из положения, что никому, ни одному государству, не интересно, не выгодно, чтобы какая-нибудь страна возложенными на нее обязательствами была приведена к особенно низкому уровню жизни. В особенности это невыгодно странам, обладающим скромными запасами естественных богатств и поэтому зависящим от своей промышленности, работающей на экспорт. Это

относится ко всем странам, зависящим от мирового рынка, даже если некоторые из этих стран не находятся в прямой связи с государством, в котором уровень жизни особенно понижен.

Существует предел, до которого может быть понижен уровень жизни, и страна, несущая бремя долгов выше своей платежеспособности, будет не в состоянии сбалансировать свои доходы и расходы, а поэтому окажутся необходимыми займы для покрытия дефицита. Такие займы могут быть внешними и внутренними, если найдутся люди, готовые давать взаймы, или страна прибегнет к худшему типу займов—к выпуску бумажных денег. Но такой выход заканчивается тем, что возрастают издержки производства, страна теряет свою способность к конкурренции и одновременно становится банкротом в отношении своих долгов, мир же теряет один из своих рынков. Но низкий уровень жизни не всегда обязательно вызывает такие печальные последствия. Возможны случаи, когда при низком уровне жизни бюджет окажется благополучно сбалансированным и денежное обращение будет находиться в здоровом состоянии. В этих случаях и лежит главная опасность для других стран в области соперничества на мировом рынке. Если же эти другие страны сами понизят товарные цены и заработные платы, то они лишат, напр., Германию, возможности соперничества на мировом рынке, но тем самым они лишат ее возможности выполнить свои внешние обязательства. В Германии же есть много вещей, которыми она может снабжать мир с выгодой для себя и для мира. Потому умеренность в наложении на отдельные страны обязательств диктуется самоинтересом всех стран.

Переходя к вопросу о том, как могут быть оплачены и уплачены внешние долги, Гудиноф указывает на два возможных источника уплаты: капитал и доход. При уплате из дохода страны предполагается передача товаров и оказание услуг (напр. работа торгового флота, страхование). При уплате товарами речь может идти о продуктах почвы и промышленных изделиях. Ясно, что прежде чем выслать заграницу товары в уплату долгов, должна быть покрыта стоимость материала и труда, и только излишек ценности. т.-е. прибыль, пригодна для погашения долга. Что же касается платежа за счет капитала, то здесь придумать что-либо новое весьма трудно, кроме мобилизации оставшихся в руках страны—должника ценностей и оставшихся заграницей счетов. Если предположить что долги будут уплачиваться из дохода, то соотношение между суммой задолженности и оборотами внешней торговли показывает наглядно, что это—совершенно невозможное дело. Кроме того, у европейских государств

в большинстве случаев после войны совершенно исчез так называемый невидимый экспорт (транспортные, страховые и др. услуги). Он возникает лишь при восстановлении нормальных условий на мировом рынке. Отсюда следует вывод: если долги должны быть уплачены хотя бы и в течение продолжительного срока, то для этого или должна измениться экономическая база всего мира, или должен понизиться уровень жизни, изменяясь различно в отдельных странах, со всеми возможными последствиями этого факта. Для оплаты военных долгов нужны свежие источники дохода, что предполагает затрату крупных масс капитала. Затрата же новых масс капитала напряжет снабжение мира ссудными капиталами, а этот фактор сам по себе один может послужить к созданию новой экономической базы. В результате Гудиноф предлагает: 1) фиксировать размеры военных долгов и репарационных обязательств и 2) решить вопрос о методе платежей. Срок расплаты должен быть раздвинут на много лет. Все обязательства следует облечь в форму облигаций, гарантированных государствами, и предложить их публике. Следует допустить компенсацию долгов, напр., если Франция платит часть своего долга Англии, то она может в этих целях индоссировать репарационные обязательства Германии (т.-е. передать их с своею подписью). В свою очередь, Англия может их вторично индоссировать и передать в уплату своего долга в Америку. Таким образом, Америка оказалась бы обладательницей репарационных обязательств, индоссированных Францией и Англией. Облигации с такими индоссаментами нашли бы себе повсюду хороший рынок. А в Германии и других странах, на основании международных соглашений, были бы устроены погасительные фонды, за счет которых с течением времени все облигации были бы выкуплены.

Таким образом, точка зрения английского финансиста сводится к тому, что необходим, во первых, коренной пересмотр вопроса о размерах международной военной задолженности, а, во вторых, неизбежна большая рассрочка платежей с правом широкого зачета долгов, путем перевода долгов с одной страны на другую.

Таковы мнения в Европе и Америке по этому важному вопросу послевоенной экономики. Опыт показывает, что до сих пор мнения, высказанные в пользу аннулирования военных долгов или пересмотра вопроса о них по существу, особого успеха не имели; наоборот, определяющая течение вопроса политика Соед. Штатов до сих пор идет по пути полной неуступчивости. Равным образом, европейские державы на генуезской конференции в вопросе о русских военных долгах обнаружили такую же неуступчивость, какую Соед. Штаты показывают в отношении европейских долгов.

Но можно думать, что об'ективные обстоятельства, об'ективные условия, в которых находятся в настоящее время народные хозяйства и публичные финансы Европы и Америки, значительно смягчат эту неуступчивость. Решающим моментом будет, конечно, поведение Соед. Штатов, бюджет которых в случае аннулирования военных долгов или их существенного сокращения пострадает значительно, так как на этом бюджете остается груз европейских долгов. Соед. Штаты делают энергичную попытку сокращения своего федерального долга, достигавшего к августу 1919 г. высшей точки—25.478.592.000 долл. К 1 января 1922 г. этот долг удалось сократить на значительную сумму, на 2.527.375.000 долл. т.-е. на 10%. Но это сокращение идет за счет высокого обложения, что, конечно, мешает понижать товарные цены. Данные о федеральном бюджете Соед. Штатов наглядно показывают степень финансового напряжения этой страны. По данным „Annual Report of the Secretary of the Treasure", движение федерального бюджета Соед. Штатов было следующее, в тыс. долл. (в доходах ординарных заключаются тамож. и др. пошлины, налоги; в общем итоге: первые две колонны и доходы от панамского канала и от госуд. долга; в общем итоге расходов—первые две колонны и расходы по гос. долгу и панамскому каналу):

	Доходы			Расходы		
Годы	Ордин.	Почтовые	Все	Ордин	Почтовые	Все
1913	724.111	266.619	992.660	681.743	263.136	989.341
1914	734.673	287.934	1.025.726	700.254	283.558	1.025.698
1915	697.910	287.248	990.439	724.763	293.881	1.047.882
1916	779.664	312.057	1.128.411	718.992	311.728	1.048.261
1917	1.118.174	329.726	3.844.775	2.066.779	319.889	3.046.183
1918	4.174.010	344.475	21.489.510	13.768.899	327.070	21.813.356
1919	4.647.603	364.847	34.072.559	18.939.466	362.847	35.129.566
1920	6.695.374	437.150	22.976.838	6.135.773	418.722	23.579.839

Таблица ясно показывает, какое огромное напряжение было сделано страною для ликвидации войны как в области податного дохода, так и в области кредита. Уже в 1915 г. в ординарном бюджете появляется дефицит, который с 1917 г. по 1920 г. принимает зловещие формы, но в 1920 г. страна справляется с этим злом, правда, накопив чудовищный долг.

„Демобилизация" федерального бюджета Соед. Штатов особенно была успешной в последние годы. Из 19 млд. долл. по бюджету 1919—20 г. (бюджетный год начинается 1 июля) в следующем году было сделано сокращение на 6.150.000.000 долл.; для 1921—22 г.—новое сокращение на $5\frac{1}{2}$ млд. В своем бюджетном послании конгрессу, президент республики писал: „Следует отметить, что сметные ординарные расходы на 1922 г.

показывают сокращение на 1.513.532.682 долл. по сравнению с ординарными расходами 1921 г.; ординарные расходы в 1923 г. уменьшены на 447.704.239 долл. по сравнению с предшествующим годом, так что сметные расходы 1923 г. на 1.961.241.921 долл. меньше расходов 1921 года". („The new budget". Prof. F. A. Cleveland, в „Times", 4. VII. 1922, американский нумер").

Теперь мы рассмотрим бюджетные позиции ряда европейских стран, прежде всего Великобритании, Франции и Италии и попытаемся определить их платежеспособность в отношении военных долгов. Мы уже сказали, что до сих пор подавляющая часть военных долгов не оплачивалась и не уплачивалась европейскими государствами, так что в виду предстоящей их оплаты следует найти в бюджетах должников свободное место, если, конечно, таковое, вообще, может быть найдено. Остановимся прежде всего на государственном бюджете Великобритании, как на самом благополучном европейском бюджете.

	Миллионы ф. ст.		
	Доходы	Расходы	Баланс
1913—14	198	197,5	+ 0,5
1919—20	1.339,5	1.665,7	— 326,2
1920—21	1.425,9	1.195,4	+ 230,5
1921—22	1.124,8	1.079,1	+ 45,7
1922—23 (смета)	910,7	910,0	+ 0,7

Приведенная таблица обнаруживает следующие факты: война привела Англию к необходимости необычайно увеличить размеры своего государственного бюджета; страна справилась с бюджетной задачей, получив возможность добавочного погашения госуд. долга за счет бюджетных излишков и даже, как это сделано для бюджета на 1922—23 г., понизить податное бремя: в области подоходного обложения ставка понижена с 6 шилл. на 5 шилл. с фунта ст. облагаемого дохода; чайная пошлина понижена с 1 ш. до 8 пенс. на фунт; кофе и какао—с 2 ф. 2 ш. с квинтала на 1 ф. 8 ш.; понижены также почтовые тарифы. В смету внесен расход на оплату долга Америке. Словом, задача бюджета разрешена.

В своем развернутом виде английский бюджет на 1922—23 г. дает следующую картину, в тыс. ф. ст.:

	1922—23 г. тыс. ф. ст.	1913—14 г. милл. ф. ст.
Тамож. пошлины	112.250	35,5
Акцизы	160.750	40
Пошлина на экипажи-моторы . .	10.600	—
Наследств. пошлины	48.000	27,5
Гербовые сборы	18.250	10

	1922—23 г. тыс. ф. ст.	1913—14 г. милл. ф. ст.
Земельн., подомов. налог и горный	3.000	2,7
Подоходный налог	320.000	47,2
Налог на сверх-прибыль	27.800	—
Налог на прибыль акц. о-в. . . .	19.750	—
Итого податного дохода .	729.400	162,9
Почтовый телегр. и телеф. доход .	54.625	32,5
Другие доходы	126.750	3
Итого неподатного дохода	181.375	35,5
Всего дохода . . .	910.775	198,4

В этой таблице бросается в глаза необычайное напряжение податного пресса в Великобритании. Если учесть обесценение фунта ст. в отношении к золоту, если принять во внимание общее падение его покупательной силы, то все равно, при рассматривании таблицы государственных доходов невольно поражаешься энергии британской податной политики и богатству народнохозяйственных рессурсов.

Расходный бюджет отчетливо показывает те причины, ради которых Англия напрягает свои податные силы.

миллионы ф. стерл.

	1913—14 г.	1920—21 г.	1921—22 г.	1922—23 г.
Расходы консолидир. фонда:				
Госуд. долг	24,2	350	345	332,5
Дорожный фонд	1	9	8,5	11
На местные финансы . .	10	11	11	11
Аграрное дело	—	7	5	3
Др. расходы конс. фонда	1,5	1,5	1,5	2
Всего . . .	37	378	371	359,5
% % по долгу С. Штатам	—	—	—	25
Армия	28,5	181,5	84	62,5
Флот	49	88,5	82,5	65
Воздушный флот	—	22	18,5	11
Гражданские службы:				
Обществ. сооружения . .	3,5	12,5	13	8,5
Жалованье и содержание гражд. управления . .	4	19,5	21	12,5
Юстиция	4,5	20	23,5	15

	миллионы ф. стерл.			
	1913—14 г.	1920—21 г.	1921—22 г.	1922—23 г.
Воспитание, наука и искусство	19,5	59,5	67	53,5
Иностранные дела	1,5	4,5	33	14
Пенсии	14,5	137	151,5	116,5
Здоровье, труд и страхование	6	49	52,5	39
Неклассифицир. расходы	—	147	146,5	58
Взимание налогов	4,5	12,5	15	12
Содержание почты	24,5	62	67	54
	197	1.193,5	1.146	906

Действительные расходы в 1921—22 г. были не 1.146, а 1.179 млн. ф. ст., но добавочный расход еще не был классифицирован.

Таблица показывает, что в английском расходном бюджете особенно сильно возросли расходы, связанные с войною: по госуд. долгу, по вооруженным силам и по пенсиям жертвам войны. Из таблицы видно, что постепенно Великобритания делает усилия сократить все три указанные категории расходов.

Рассматривая весьма интересные цифры английского бюджета, в котором, по крайней мере, с внешней стороны, сложнейшая задача послевоенного бюджета кажется поддавшейся разрешению, невольно ставишь себе вопрос о том, какою ценою достигнуто это бюджетное благополучие? Для ответа на этот вопрос имеется достаточный материал. Прежде всего укажем на вычисления журнала „The Economist“ (29.IV.1922) в статье „National expenditure“. Журнал полагает, что народнохозяйственный доход Великобритании в 1818 г. (после ликвидации наполеоновской эпопеи) составлял 400 млн. ф. ст., в 1913 г.—2.200 млн. и в 1922—3.600 млн. Исходя из этих, конечно, весьма приблизительных цифр, журнал дает следующую таблицу, показывающую в % отношение государственных расходов к народнохозяйственному доходу:

	1818 г.	1913 г.	1922 г.
Долг	8.0	1.1	11.0
Оборона	3.9	3,5	3,9
Военные пенсии	—	—	2.5
Гражданская служба	0,6	2.5	4,3
Др. расходы	1,0	0.6	1,9
Издержки взимания	0,9	0,2	0,3
Всего	14,4%	7,9%	23.9%
Госуд. долг (млн. ф. ст.)	791	600	7.900
Его отношение к нар. доходу	200%	26%	220%

Таблица показывает, что в 1922 г. Великобритания поглощала почти четвертую часть народнохозяйственного дохода в форме госуд. расходов. Такое соотношение между названным доходом и бюджетными расходами, как свидетельствует финансовая история, представляется весьма редким явлением. Оно неизбежно сопровождается страшным напряжением податных сил. К сожалению, нет возможности раздобыть аналогичные данные в отношении других стран. На брюссельской финансовой конференции была составлена следующая таблица соотношения между государственным долгом и народнохозяйственным доходом отдельных стран:

	Накануне войны.			В 1920 г.		
	Доход	Г. долг	Долг в % к доходу	Доход.	Г. Долг.	Долг в % к доходу.
	на душу.			населения, в долларах.		
Соед Штаты . .	350	10	3	700	236	34
Великобритания	243	75	31	445	672	151
Франция . . .	185	164	88,5	266	479	180
Италия	112	84	75	130	124	95
Япония	30	25	84	82	31	38
Германия . . .	149	17,5	12	103	88.5	86
Канада	195	36	18,5	351	261	74
Австралия . .	263	17	6.5	374	279	75

Эта таблица показывает настоящую нагрузку бюджетного свойства на народнохозяйственный доход и свидетельствует о всеобщем факте—чрезмерном отягчении дохода.

Чрезмерное отягчение дохода приводит к необходимости высоких налогов. С этим фактом прежде всего считается Великобритания, поставившая себе задачу достижения в послевоенном бюджете равновесия. Бюджетное равновесие дорого обходится английскому народу, его промышленности и и торговле. Жалобы и протесты против высоких налогов—обыденный факт. Когда под бременем налога кряхтит и гнется потребитель, то этому придают небольшое значение, успокаивая себя тем, что налог вообще не вызывает радостных чувств. Но когда податная тяжесть давит промышленность и торговлю, то вопрос принимает серьезный оборот. Вот, например, письмо президента федерации британских промышленностей (the Federation of British Industries) к английскому канцлеру казначейства, посланное в 1921 г.: „Федерация только-что закончила свое ежегодное обследование влияния прошлогоднего обложения в связи с перспективами на будущее. Падение цен и обесценение ценностей в течение прошлого

года было необычайным, как по размерам, так и по быстроте и одним из своих результатов имело то, что тяжесть обложения была почувствована промышленностью с особой остротою... Было осознано, что высокое обложение является одной из ряда причин настоящей депрессии. И в то же время эта причина—единственная, которая может быть смягчена самостоятельным действием правительства. Хаотическое состояние валют, неблагоприятные финансовые и политические условия, господствующие на большинстве наших главных рынков, а также общая дезорганизация системы мировой торговли поддаются мерам воздействия, но для этих мер нужно время, большинство же этих факторов находится в действии и будет ущемлять производство и торговлю в предстоящем году. При этих обстоятельствах общие окружные собрания пришли к единодушному выводу, что всякая попытка удержать обложение на его настоящем уровне и в будущем году неминуемо окажется серьезным тормозом промышленному оздоровлению и—самое худшее—способна вызвать перманентное уменьшение производительности страны. Факты, приведенные на названных собраниях представителями различных отраслей промышленности, показывают, что настоящий уровень налогов душит инициативу, отсрочивает оздоровление и сбивает усилия промышленников оправиться и раздобыть внешние рынки, имеющие столь жизненное значение для благополучия страны... Федерация желает побудить вас рассмотреть со всею серьезностью тяжкую опасность, угрожающую экономической позиции страны, и понять, что теперь дело идет не о затруднениях и банкротствах отдельных фирм, но и о том, может ли вся промышленная система страны перенести дальнейшее напряжение ее платежных сил". („Times", 20. XII. 1921). В доказательство того, что в данном случае мы имеем дело не с обычными ламентациями промышленников, можно было бы привести огромное количество фактов из отчетов отдельных промышленных предприятий, где по необходимости вопрос о давлении податного винта рассматривался очень часто и детально, так что голос федерации только суммировал отдельные заявления. Не надо забывать, что в Англии, кроме высокого государственного обложения, на необычайную высоту подняты также местные налоги, о чем можно судить по следующим данным из „White Paper", изданной министерством здоровья. Данные собраны по 1.154 городским округам и по 100 типичным сельским. В 1921—22 г. в большинстве городских округов местные налоги с фунта ст. облагаемой ценности составили от 12 ш. 6 п. до 17 ш. 6 п., в сельских округах—от 10 до 15 шилл.

В следующей таблице собраны данные о местных налогах в Англии и Уэльсе:

Год, оканчив. 31 марта.	Всех налогов млн. ф. ст.	Оценочная ценность облагаемого имущества млн. ф. ст.	Среднее количество налогов на 1 ф. ст. облаг. цени.		на 1 душу насел.	
			ш.	пенсы.	ш.	п.
1914	71,3	211,6	6	8	38	11
1915	73,7	214,3	6	10	39	11
1916	75,9	216,3	7	0	40	8
1917	72,9	217,1	6	8	38	10
1918	75,4	218,6	6	10	40	1
1919	84,7	219,6	7	8	45	2
1920	105,6	220.7	9	6	56	4
1921	148,7	223,7	13	3	79	1
1922	173,0	234,0	14	9	91	4

Перед лицом этих фактов следует признать, что благополучный английский бюджет лежит тяжелым камнем на производительных силах страны и сильно мешает ее экономическому оздоровлению.

Французский государственный бюджет до войны, в среднем, представлял собою величину в 5—6 млд. фр. Благодаря обесценению франка (по золотому курсу два современных франка равны приблизительно одному довоенному), а также по причине падения покупательной силы франка (по содержанию госуд. служащих там, где в 1913 г. тратили 1 млд., теперь тратят не два, а 4,6 млд. фр.) цифры бюджета сильно выросли. Конечно, расходы выросли и по существу, как результат недавней войны. Рост госуд. бюджета во Франции представлен в следующей таблице (в миллионах фр.).

	Расходы.	Нормальные доходы.
1914 г. (5 военных мес.)	6.589	1.238
1915 г.	22.804	4.113
1916 г.	32.945	4.640
1917 г.	41.680	5.811
1918 г.	54.537	6.986
1919 г.	49.039	10.176
1920 г.	52.064	21.761
1921 г.	42.019	23.262
1922 г.	24.688	23.381
1923 г.	23.180	19.285

Цифры 1921 г.—неокончательные, цифры 1922 г. и 1923 г.—сметные.

Таким образом, французские бюджеты всей указанной полосы были сплошь дефицитными. Бюджет 1922 г. включает в себе 4.881 мил. фр. дохода от продажи военных запасов. Это обстоятельство помогло свести бюджет данного года с дефицитом только в 1.307 мил. фр., дефицит был покрыт займом. Военные запасы истощились и дефицит 1923 г. в проекте министра финансов был предусмотрен уже в размере 3.895 мил., которые предположено раздобыть займом. Сплошная дефицитность бюджета привела к нагромождению государственного долга, состояние которого в 1921 г. определялось следующим образом:

Внутренний долг.

Вечный	100.041	мил. фр.
Срочный	38.571	„ „
Текущий	90.443	„ „
	229.055	мил. фр.

Внешний долг.

Коммерческий	6.490	мил. фр.
Политический	28.796	„ „
	35.286	мил. фр.

Политическим долгом французы называют долг правительствам Великобритании (13.511 мил.) и Соед. Штатов (15.285 мил. фр.).

Внешний долг определен по паритету; если его перевести на текущий курс, то сумма его, по меньшей мере, удвоится, так что весь государственный долг Франции составит около 300 миллиардов франков! В соответствии выросли и расходы по оплате займов: в 1913 г. этот расход составил 1.355 мил., в 1922 г. он поднялся до 13.191 мил.

В области военных расходов кривая ломалась следующим образом:

1913 г.	1.307	мил.
1915 г.	14.712	„
1916 г.	23.353	„
1917 г.	28.662	мил.
1918 г.	36.120	„ (maximum).
1922 г.	4.910	„

В области гражданских расходов:

1913 г. . . .	1.904	мил.
1920 г. . . .	11.377	„ (maximum).
1922 г. . . .	7.035	„

Цифры показывают, что во французском бюджете ясна тенденция войти в нормальные берега. Слабою стороною бюджета является его дефицитность. В об'яснительной записке к проекту бюджета на 1923 г. министр финансов заявил, что дефицит будет покрыт займом и что новых налогов введено не будет. Парижский корреспондент „The Economist'a" по этому заметил, что во Франции „чувствуется, что граница обложения уже достигнута и что нет таких новых налогов, которые могли бы дать что-либо похожее на четыре миллиарда фр." (20. V. 1922). Высота налога, из которых 60% падает на потребление, делает жизнь дорогою. 10 миллионов глав семейств платят, в среднем, 2.500 фр. налогов per capita, из них 1.500 фр. налогов на потребление (P. Messier. „Vie chère et commerce" в „Information", 17. V. 1922). Французское министерство иностранных дел приготовило следующую таблицу, которая показывает сравнительную финансовую тяжесть долгов и налогов во Франции и Германии.

Франция.		Германия.	
Внешний долг 35.531 мил. фр.	= 6.856 мил. дол.	3.149 м. зол. мар.	= 787 т. дол.
Внут. кон. „ 142.462 „ „	=10.171 „ „	91.840 „ бум. „	= 850 „ „
„ тек. „ 105.038 „ „	7.490 „ „	228 „ „ „	=2.111 „ „

Эти расчеты сделаны по курсам сентября 1921 г.

Для выполнения обязательств по версальскому миру Германия включила в свой бюджет следующие суммы:

85 млд. бум. марок=3.148 мил. зол. мар.=787 мил. дол.

С другой стороны, Франция в своем особом бюджете для восстановления разрушенных войною областей имеет соответственно следующие суммы:

22 млд. франков = 1.570 долл.

Обложение на голову, в переводе на доллары, составляет 13 долл. 80 цент. в Германии и 45 долл. 62 сант. (639 фр.) во Франции. (Телеграмма Рейтера, „Daily Telegraph". 7. I. 1922).

Нужно упомянуть, что во Франции кроме общего государственного бюджета имеется еще особый бюджет по восстановлению разрушенных областей. Этот особый бюджет выделен из общего для того, чтобы внешне сократить дефицит. С 1918 г. по 1922 г. размеры выделенного бюджета поднялись с 8 млд. до 27,8 млд. Доходной частью этого бюджета являются будущие платежи Германии, а пока-что займы.

Приведенных данных, думается, достаточно для того, чтобы придти к заключению о финансовой трудности для Франции оплачивать ее „политические" внешние долги. И если Великобритания ответила на ноту Америки об оплате долга

внесением соответствующего кредита в бюджет, то Франция могла ограничиться только посылкой в Вашингтон особого делегата и заявлением в своей прессе: „non possumus".

Итальянский бюджет дефицитен подобно французскому: дефицит 1920—21 г. (бюджетный год оканчивается 30 июня) превысил 10 млд. лир, бюджет 1921—22—по смете дефицитен на 5 млд. и бюджет 1922—23 г.—на 3 млд. Государственный долг Италии составляет: 49 млд. консолидированный, 5,7 млд. на срок от 3 до 7 лет и 37,6 млд. текущий. Кроме того, имеется еще 21 млд. долга союзникам. Податной нажим сделан в полной мере. Многие предприятия вынуждены были закрыться, вследствие недавнего налогового нажима в форме 100% конфискации сверх-прибыли, обязанной своим происхождением войне. Предприятия не предвидя этого налога, поместили свои прибыли в большинстве случаев на развитие своего дела. Многие из них были не в состоянии внести новый налог при помощи занятых денег, и были вынуждены закрыться. В отчете одной англо-итальянской фирмы читаем: „хотя итальянский народ удивительным образом отвечает на податные призывы, но его платежеспособность уже исчерпана" („Daily Telegr." 11. V. 1922).

Таким образом и Италия не может похвалиться свободными рессурсами для оплаты „политического" внешнего долга.

Дефициты свили себе прочные гнезда в бюджетах всех стран, что приводит к наростанию государственной задолженности. Вот, напр. бюджет Чехословакии в милл. крон:

Годы.	Доходы.	Расходы.
1920	10.426	15.278
1921	17.298	18.026
1922 (смета) .	18.884	19.812

В Испании дефицит 1920—21 г. составил 872 мил. пезет, сметный дефицит в 1921—22 г.—574 мил., но так как было сделано дополнительное ассигнование в 440 мил. на марокканскую экспедицию, то размеры дефицита будут больше. Последствие—рост долга: в конце 1916 г.—9.750 мил., в конце 1919 г.—12.398 мил., в конце 1920 г.—12.423 мил. В 1921 г. текущий долг увеличился на 2.707 мил. пезет.

Смета Японии на 1922—1923 г. представлена в следующем виде (миллионы йен):

Ординарные доходы .	1.244	Ординарные расходы .	939
Чрезвычайные „ .	221	Чрезвычайные „ .	526
	1.465		1.465

Но в состав доходов включен излишек доходов от предшествующего года, в размере 111 мил. В состав чрезвычайных доходов включено на 188 мил. поступлений от займов. Министр финансов заявил, что бюджетная политика Японии должна „базироваться, главным образом, на том, чтобы приостановить увеличение административных расходов..... основу госуд. финансов следует сделать возможно более устойчивой.“ Дефицитность японского бюджета была бы еще больше, еслибы благодаря Вашинтонской конференции морская смета не была сокращена на $22^1/_2$ милл. в ординарной части и на 84 мил. в экстраординарной. Государственные долги Японии представлены в следующей таблице:

миллионы йен.

1914	2.560	1919	2.793
1915	2.514	1920	3.135
1916	2.482	1921	3.511
1917	2.505	1922	4.000
1918	2.524		

В конце 1921 г. из общей массы долга внешних займов было на 1862 мил. Таблица роста долга показывает, что наростание долга всецело приходится на послевоенную эпоху.

Мы не останавливаемся на бюджетах тех стран, которые тонут в бумажных деньгах, столь обесцененных, что всякие бюджетные цифры являются достоверными лишь при составлении их и весьма скоро оказываются непригодными для финансового сравнения.

Последний обзор европейских бюджетов был сделан Лигой наций („Public Finance Statistics“, второй том). Английский „The Economist“ (27 V. 1922 г.). попытался сделать сводную таблицу бюджетов на основании этого обзора. Для того, чтобы придать однообразие бюджетным цифрам, журнал выключил из бюджетов Германии платежи по репарациям, а из бюджетов Франции, Италии и Бельгии получения по этим реперациям. Италия включала в свой бюджет 1 млд. лир таких получений, Бельгия—3 млд. фр., Франция же вписывала $22^1/_2$ млд. фр. расходов, покрываемых за счет германских платежей. В свою очередь Германия вносила в свой бюджет $187^1|_2$ млд. мар. на означенные платежи. В дополнительной таблице показаны бюджеты поименованных стран в их полном виде, что сразу переводит Францию в категорию благополучных по бюджету стран, а Бельгию и Италию ставит выше в этом отношении европейских нейтральных стран. Воспроизводим эту таблицу (цифры в валюте стран, в миллионах):

Страна.	Год.	Валюта.	Чистый доход.	Чистый расход.	% отношение дохода к расходу.	Соответств. % в предш. бюджете.
Дания	1921—2	крона	535,3	395,4	133	95
Великобритания	1921—2	ф. ст.	1.156,7	1.062,6	109	122
Соед. Штаты .	1922—3	доллар	3.330,8	3.129,1	106	110
Югославия . .	1922	динар	4.778,5	4.569,6	105	77
Германия . . .	1922—3	марка	105.158	100.892	104	—
Норвегия . . .	1921—2	крона	457.8	505,9	91	88
Эстония . . .	1922	э. марка	3.867	4.312	90	—
Латвия	1921—2	л. рубль	5.461	6.077,5	90	56
Финляндия . .	1921	марка	1.615,4	2.018.8	80	90
Венгрия . . .	1921—2	крона	20.296,2	26.759,1	76	—
Литва	1921	л. марка	676,6	902.2	75	—
Чехо-Словакия .	1922	крона	11.726,1	15.918,3	74	75
Италия	1922—3	лира	13.323,5	18.142.2	73	—
Голландия . .	1922	гульден	606,6	836	73	58
Ю. Африка . .	1921—2	ф. ст.	28	38,1	70	68
Швейцария . .	1922	франк	211.3	311.3	68	56
Швеция	1921	крона	682,7	1.038,2	66	98
Болгария . . .	1921—2	лев	2.590,6	4.178,3	62	—
Австрия . . .	1922	крона	209.763	347.533,4	61	—
Франция	1922	франк	22.887,6	44.582	51	50
Польша	1921	п. марка	65.496,5	144.919,3	45	—
Люксембург . .	1922	франк	35,1	77,1	45	54
Бельгия	1922	франк	1.765	5.954,2	30	—
Греция	1920—1	драхма	530,6	2.256	23	42
Бюджеты со включением репарационных платежей.						
Франция . . .	1922	франк	22.876,6	22.500	101	—
Бельгия	1922	франк	4.812,1	5.954,2	81	—
Италия	1922—3	лира	14.323.5	18.142,2	79	—
Германия . . .	1922- 3	марка	105.158	288.424	36	30

К этим таблицам „The Economist" сделал следующие пояснения. Бюджет Великобритании 1921—22 г. не дал такого большого излишка, как показан в таблице, где английские цифры взяты из сметы. Но если цифры 1921—22 г. заменить сметными цифрами 1922—23 г., то все время бюджет Англии окажется среди благополучных. Но опыт Англии, достигающей бюджетного равновесия за счет продажи имущества или при помощи сокращения погасительного фонда, заставляет вообще относиться с осторожностью к бюджетным цифрам других стран. В таких странах, как Эстония, Латвия, после утверждения смет были внесены дополнительные сметы, которые значительно поубавили в их бюджетах видимое благополучие.

Словом, если бюджетные сравнения были трудны до войны, то они стали еще труднее и сложнее после войны.

Приведенная таблица с несомненностью обнаруживает один основной факт, именно, дефицитность бюджета почти во всех странах, доходящую местами до необычайных размеров, напр., в Германии, Бельгии или в Греции. Перед лицом этой дефицитности, как одной из главных помех оздоровления экономических условий и отношений, государства почти бессильны, так как они оказываются в заколдованном круге: полнокровные финансы возможны в полнокровном народном хозяйстве; худосочные финансы мешают народному хозяйству сделаться полнокровным. Поэтому везде заметно стремление преодолеть бюджетное худосочие не органическим путем, а механическим. К числу таких механических средств относится популярное сейчас средство всемерного сокращения государственных расходов. За этим средством имеется большой опыт, изложенный нами в книге „Государственный долг" (ПБ. 1910, гл. VIII). В прошлом эта мера не отличалась сильным действием. Но теперь она обещает несколько больше, так как современные бюджеты, после военных увлечений и несомненной расточительности, остаются все еще очень распухшими, включая в себе много по существу ненужных расходов. Повсеместно ощущается острая потребность, с одной стороны, в необходимости сбалансирования бюджета, как главного условия оздоровления денежной системы и народного хозяйства вообще, с другой—в необходимости облегчения податного бремени в целях освобождения внутреннего рынка от непосильной нагрузки и открытия более свободных доступов на внешние рынки. Обе эти задачи разрешаются противоположными методами. Из этого противоречия пытаются найти выход при посредстве сокращения государственных расходов. „Топор экономии должен упасть на все; если не на морской и военный бюджет, то на внутренний долг, что будет означать конфискацию и революцию; если не на внутренний долг,

то на внутреннюю деятельность государства, что будет означать реакцию и социальную несправедливость". (Из статьи „The Problems of the Washington Conference" в „Daily Chronicle", 8. X. 1921).

Бюджетная задача значительно упростилась бы, если бы послевоенная Европа получила возможность воспользоваться действительным миром. Но современная Европа—„Европа без мира", как назвал ее итальянский профессор Франческо Нитти. „Мы, англичане, хвастающие, что мы—миролюбивый народ, тратим на вооруженную силу больше, чем до войны,— говорил Рамсей Макдональд. В настоящее время 64% всех расходов идет или непосредственно на вооруженную силу, или на займы, накопленные во время прежних войн („Manchester Guardian", 15. X. 1921). В английской „белой книге" (№ 1665) приведены были следующие интересные цифры, показывающие численный состав армии, флота и гражданских чиновников Англии на три срока:

	Накануне войны.	11. XI. 1918 г.	1. IV. 1922 г.
Армия	174.500	3.296.000	196.000
Флот	145.600	267.000	121.400
Воздушн. флот . .	—	293.000	27.300
	320.100	4.556.000	344.700

После войны вооруженные силы Англии оказались на 7,8% больше довоенного состава. „Это—ядовитый комментарий к пацифистским усилиям государственных людей мира", — замечает по поводу приведенных цифр „The Economist" (27. V. 1922 г.). Но еще лучше обстоит дело в области гражданской службы. До войны в той же Англии число госуд. служащих было 277.900. Ко дню перемирия оно поднялось до 418.025, на 1 апр. 1922 г. опустилось до 317.721. „Бюрократизация" бюджета оказалась сильнее даже его милитаризации. Конечно, послевоенная действительность потребовала от государства больших усилий по ликвидации разрухи, а потому и большего числа рук. Но все таки все склонны видеть в большом увеличении кадра госуд. служащих излишний бюрократизм. В Англии этот бюрократизм проявился в умеренных дозах, в других странах он оказался гораздо значительнее, а в некоторых принял явно каррикатурные размеры. В бюджетном экспозе французского министра финансов (на 1923 г.) сообщается, между прочим, что во Франции после войны было уже уничтожено 51.969 должностей.

На заседании венской торговой палаты вице-председатель говорил, между прочим, про австрийские отношения: „мы видим, что число чиновников не только не уменьшается, но

постоянно увеличивается. Постоянно возникают новые учреждения, но вместо того, чтобы заполнить их за счет избыточного персонала уже существующих государственных учреждений, приглашаются новые лица" („Neue Freie Presse", 25. IX. 1921). Краковская газета „Час" (1921 г. № 228) следующим образом обрисовала бюрократическую машину Польши. На государственной службе в Польше занято около 500.000 ч. Это означает, что каждый 60-й человек в Польше—чиновник. В Варшаве каждый 15-й прохожий на улице—чиновник, включая в эти 15 малых детей и грудных младенцев. Польские железные дороги требуют персонал в три раза больший, нежели в Австрии и в 4½ раза больший, нежели в Германии. Варшаво-венская дорога до войны требовала вдвое меньший персонал, чем сейчас. Ряд министерств требуют в три или четыре раза больше чиновников, нежели аналогичные министерства за границей. Центральное управление министерства иностранных дел обслуживают 400 чел., не считая послов и консулов. В отделе угля в мин-ве финансов во время оккупации сидел 1 чиновник, теперь—40. В Польше 40 морских интендантов, три адмирала, т. е. лишь одним меньше, чем в Англии. У Польши 27 посольств и 44 консульства, наполовину ненужных, при которых имеется масса разнообразных атташе. При переводе на франки оказывается, что Польша на свою дипломатию тратит больше, чем Франция. У Польши 21 министр, а в Италии и во Франции—только по 14, в Венгрии—9. Во Франции пять товарищей министров, а в Польше их больше 25-и...

Но беда заключается не только в преувеличенном количестве чиновников, а и в том, что они работают и плохо, и дорого. „Этатизм", вызванный войною, находит теперь повсюду критику и осуждение. Ф. Гибсон, секретарь южноуэльских владельцев угольных копей, доказывал, напр., что до войны за 10 лет стоимость производства возросла всего только на 3 шилл. на тонну; когда же государство взяло копи под свой „контроль", то в течение пяти лет стоимость производства поднялась до 43 шилл., внутренняя цена, хотя и контролируемая, выросла на 23 ш. 2 п. на тонну. Менее чем в 6 мес. „деконтроля", издержки упали с 43 шилл. до 20 ш. („Morn. Post", 20. XII. 1921). Раупе, б. эксперт-статистик департамента жел. дор. и каналов в Канаде, сообщал, что канадский эксперимент с государственным „контролем" над жел. дорогами обходится ежегодно казне приблизительно в 108 мил. долл. и за последние семь лет обошелся народу в 763 мил. долл. Последний отчетный год дал дефицит по жел. дорогам в 70 мил. долл., а если бы отчеты составить так, как это делают частные жел. дороги, то дефицит удвоился бы. Дефицит постоянно возростает. Правительству приходится

все время приплачивать из общих ресурсов казны. Денег, приплаченных ж.-д. линии Canadian Northern, было бы достаточно, чтобы построить от 10 до 12 таких линий, как Canadian Pacific. („Daily Telegraph", 9. III. 1922).

На почве аналогичных фактов на Западе сильно крепнет общественное настроение против бюрократизма, против этатизма. Наиболее ярко это настроение отразилось в докладе на брюссельской финансовой конференции известного итальянского ученого Пантелеони, заявившего, что „экономическое оживление и восстановление требуют, чтобы правительства перестали превращать мир в дом сумасшедших". Проф. Пантелеони говорил, что повсеместно, в той или иной мере, правительства доказали, что они неприспособлены к управлению железными дорогами, пароходством, гаванями, внешней торговлей, вольным оборотом, товарными ценами и распределением. „Все это,—и больше того,—они делали и делают, пренебрегая своими настоящими функциями" („International financial Conference". Vol. V. Memoranda of economic experts. Brussel. 1920).

VI.

Восстановление экономического равновесия.

В восстановлении экономического равновесия нуждаются как отдельные страны, вышедшие из войны жестоко потрясенными, так и весь мировой рынок. Трудно сказать, какая из этих двух задач существеннее, важнее и можно ли вообще, говорить об очередности этих задач, между собою органически связанных. Можно предположить, что восстановление экономического равновесия мирового рынка будет простым следствием оздоровления отдельных стран. Но такое предположение будет неправильным, так как экономическая история свидетельствует о том, что экономическое равновесие мирового рынка вполне возможно и в том случае, если в отдельных странах такого равновесия нет. Ясно, что для восстановления экономического равновесия в отдельной стране в высшей степени полезно нормальное состояние мирового рынка, откуда действующая страна может получить существенную помощь. Но, с другой стороны, ясно также и то, что отсутствие экономического равновесия в целом ряде стран способно уничтожить равновесие всего мирового рынка.

В современных условиях народное хозяйство любой страны живет и развивается в атмосфере мирового рынка, конечно, в разной степени приобщаясь к международному экономическому общению. Вне этой атмосферы народные хозяйства жить не могут; поэтому задача восстановления эко-

номического равновесия данной страны существенно зависит от общих усилий мирового рынка. Поэтому отдельные страны очень заинтересованы в оздоровлении мирового рынка, понимаемого в данном случае, как комплекс общих экономических условий и причин. Было бы, однако, легкомысленно ожидать такого чуда, когда заболевшая страна оздоровилась бы только потому, что мировой рынок пришел в нормальное состояние. Одного этого условия недостаточно. Но могут оказаться тщетными усилия отдельной страны восстановить свое внутреннее равновесие, если мировой рынок будет находиться в ненормальных условиях.

Народнохозяйственная атмосфера отдельных стран не замыкается в пределах политических границ; экономическая география страны гораздо шире ее физической географии. При первом анализе экономических интересов страны обнаруживается, что она своими активными и пассивными интересами разнообразно вплетается в общую сложную сеть мирового рынка и по необходимости касается физической географии чужих стран.

Подобная переплетенность народнохозяйственных границ, лежащая в основе мирового рынка, с одной стороны, является источником созидающей силы, с другой—ограничением действенности внутренней экономической политики. Созидающая сила опирается на разнообразие и богатство производительных сил всего мира, имеющих возможность притекать туда, где, в силу природных условий, для них имеется широкий простор для работы. Ограничивающий же момент заключается в том, что ряд задач внутренней экономической политики совершенно неразрешим только внутренними производительными силами. В современных условиях даже теоретически невозможно построить схему самодовлеющего народного хозяйства, схему „изолированного государства", так как подобная схема должна вычеркнуть один из основных жизненных нервов народнохозяйственного организма. И если бедные экономическими ресурсами страны во многом зависят от богатых стран, то, с другой стороны, и богатые страны, т.-е. с избытком производительных сил в пределах своих внутренних территорий, равным образом, нуждаются в странах, обладающих об'ективными условиями для применения этих сил. Безработица в передовых промышленных странах является прямым результатом невозможности полного приобщения к мировому рынку бедных стран; поэтому победа над бедностью делается общей задачей, стоящей как перед бедными, так и перед богатыми странами. Общая же задача должна разрешаться и общими усилиями, хотя бы только потому, что бедные страны одни не могут разрешить ее собственными усилиями и внутренними средствами.

Немедленно по заключении западноевропейского перемирия, мировой рынок не только не был в состоянии равновесия, но находился в разобщенном состоянии, что равносильно с полным отсутствием равновесия. Поэтому, первой задачей было восстановление мирового рынка, т.-е. восстановление свободного международного экономического общения. На пути к такому восстановлению стояли: блокада России, германские санкции, валютная разруха, перекройка политической карты Европы, новые и высокие таможенные стены, расстройство торгового флота и т. д.. За годы, истекшие после 11 ноября 1918 г., многое было устранено, ко многому мировой рынок привык, и, в грубых чертах, общая картина мирового рынка оказалась восстановленной. Но в то же время многое осталось не сделанным, так что предстоящая дальнейшая работа в пределах восстановления равновесия мирового рынка в значительной мере будет работой по восстановлению самого рынка. Восстановление мирового рынка, совершенно отсутствовавшего во все годы мировой войны, совершалось, как самый необходимый факт, настолько быстро, что уже в 1920 г., в последних его месяцах, мир получил весьма осязательное доказательство факта его восстановления. Мы говорим о вспышке мирового экономического кризиса, возникшего в связи с последствиями войны, но не только по причине этих последствий. К моменту возникновения кризиса на мировом рынке было, во-первых, обилие товаров, во-вторых, такой торговый флот, который своими размерами превосходил довоенный. Коммерческий флот мира, считая суда вместимостью от 100 тонн и выше, в 1913 г. насчитывал 49 мил. тонн, в конце 1920 г.—57 мил. тонн. Таким образом, при преодолении товарного голода и при пополнении потрепанного войною торгового флота, т.-е. при создании условий, облегчающих восстановление мирового экономического общения, наступил мировой кризис, т.-е. только-что воссозданный рынок обнаружил отсутствие равновесия. И самое интересное было то, что кризис развернулся как раз в связи с падающими товарными ценами, что, казалось бы, раздвигало рамки рынков сбыта и тем самым усиливало позицию производства. Но вместо всего этого рынки сбыта сжимались, а вместе с тем сжималось и производство, при неуклонном падении товарных цен. Приписать кризис военным последствиям нет возможности, так как от него больше всего пострадали страны, выигравшие от войны и вообще страны нейтральные. Военные последствия сыграли в данном случае, главным образом, роль „l'accent aigu", они обострили кризис и сделали его очень опасным, подобно тому, как опасность случайного заболевания увеличивается при наличности истощения организма. Но сам кризис, как таковой, служит несомненным доказательством восстановления миро-

вого рынка, т.-е. кризис, будучи явлением отрицательным, все же свидетельствует о наличности положительного факта.

Кризис, понимаемый в смысле нарушенного равновесия мирового рынка, своими очагами расположен в Великобритании и Соед. Штатах, т.-е. в таких странах, которые, с одной стороны, весьма близки к внутреннему экономическому равновесию, а с другой—своими хозяйственными интересами не только выходят далеко за пределы своих политических границ, но, можно сказать, совершенно обнимают весь земной шар. При таком разветвлении своих хозяйственных интересов обе страны имеют множество уязвимых и, вообще, слабо защищенных мест. Слабо защищенными местами и являются те их интересы, которые связаны или переплетены с рынками стран, вышедшими из войны с грубо нарушенным экономическим равновесием.

Это обстоятельство возвращает нас к вопросу о том, откуда следует начинать работу оздоровления мирового рынка—с общих-ли условий рынка или со стран, утративших в большой степени свое экономическое равновесие.

Поскольку в условиях современного мирового рынка имеются ненормальности общего характера и поскольку они поддаются исправлению совокупными усилиями хозяйствующих наций, такие ненормальности должны быть устраняемы в первую голову. Для бедных стран нет иного выхода, как активная помощь богатых стран, а эта помощь может быть оказана в условиях нормального мирового рынка (свободный экспорт, импорт, кредит, привлечение технических сил и т. д.). Но одновременно нет оснований откладывать работы по восстановлению внутреннего экономического равновесия внутренними же силами. Приведение в порядок бюджетов, как первое условие оздоровления национальных систем денежного обращения, необходимо для оздоровления международных валютных отношений. Оздоровление же бюджета—дело самой страны, но в то же время ликвидация в международном масштабе военной задолженности является необходимым условием бюджетного оздоровления. Примеров такой взаимосвязанности международных и национальных проблем можно привести достаточное количество.

Таким образом, современное экономическое положение Европы следует рассматривать с двух точек зрения: с точки зрения тяжелых последствий войны и с точки зрения временного экономического кризиса, создавшего добавочное препятствие на путях к преодолению последствий войны.

Низкие цены, которые довели производство до минимальных пределов, по убеждению ряда лиц, показывают, что крайняя фаза циклического колебания уже достигнута; так, напр., думает Кейнс: „they (низкие цены) indicate with cer-

tainty the bottom phase of a cyclical fluctuation". (Второй выпуск „Manchester Commercial Guardian", 1922. Стр. 67). Это мнение довольно распространено как в Европе, так и в Америке. В отчете известного английского Barklay Bank'a за 1921 г. можно было прочитать заявление о том, что кризис возник на почве пониженной покупательной способности рынка и что „с сентября 1921 г. почувствовалось легкое оживление, но оно скоро замерло. Но теперь (конец января 1922 г.), после периода большой стагнации, наблюдаются некоторые признаки улучшения условий, хотя эти признаки еще очень поверхностны. Период промышленной стагнации, от которой мы страдали и страдаем до сих пор, представляет собою неизбежную реакцию после большого оживления, последовавшего непосредственно по окончании военных действий". („Daily Telegraph", 26. I. 1922). На заседании английского парламента (в качестве „комитета снабжения") 11 мая 1922 г., министр промышленности сообщил данные относительно положения отдельных отраслей промышленности и в конце своей пространной речи заявил, что промышленность Англии медленно, но постепенно улучшается. „Часто было так, что улучшение промышленности во всем мире начиналось с Америки; в Америке же промышленность оправляется",—говорил оратор. („Manch. Guard." 12. V. 1922). Было достаточное количество заявлений аналогичного содержания и в Соед. Штатах, с указанием на те или иные подкрепляющие факты. Правда, при внимательном анализе соответствующих фактов чаще всего оказывается, что признаки улучшения сводятся, главным образом, к тому, что они показывают остановку в дальнейшем развитии кризиса. Самое главное, что следует отметить, это—остановка в падении цен на промышленные товары. Цены делаются устойчивыми, с легкой тенденцией к повышению. Товарный индекс газеты „Times" показывает в отношении промышленных товаров следующее движение:

1922 г.

январь	151,8	апрель	150,4
февраль . . .	149,2	май	154,1
март	150,1		

Цены на основные товары на английском рынке развивались в это время следующим образом (на конец месяца):

1922 г.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.
Чугун, Cleveland № 3 тонна . .	90 ш.	90 ш.	90 ш.	90 ш.	90 ш.
Стальн. рельсы тяж. . . .	9 ф. 10 ш.	9 ф. 10 ш.	9 ф. 10 ш.	9 ф. 10 ш.	9 ф. 10 ш.
Уголь Кардиф . . .	24 ш. 6 п.	27 ш.	27 ш.	28 ш. 8 п.	28 ш.
Хлопок амер. fully mid. 1 ф. .	9,55 п.	10,51 п.	10,84 п.	10,36 п.	12,17 п.

Та же самая картина наблюдается и в отношении других товаров: или неподвижность цены, или легкое движение ее вверх. При этом следует иметь в виду, что курс ф. ст. в отношении доллара непрерывно улучшался: в конце 1921 г. он стоял на 4,22 долл. за фунт, а 1 июня 1922 г. — уже на $4,45^{5}/_{16}$ долл.

Статистических данных, характерных для интересующего нас момента, пока еще очень мало. Вот, между прочим, данные о производстве чугуна и стали, в тыс. тонн (цит. „The Economist", 10. VI. 1922, стр. 1201):

	Чугун.		Сталь.	
	Последн. четв. 1921 г.	Первая четв. 1922 г.	Последн. четв. 1921 г.	Первая четв. 1922 г.
Англия . .	782,5	979,9	1.230,2	1.295,7
Франция . .	838,1	1.004,7	826,2	982,7
Бельгия . .	178,6	299,5	151,3	265,1
Люксембург	292,0	326,0	232,4	249,9

На положении английской промышленности в первой четверти 1921 г. отразилась забастовка в механической промышленности.

Обсуждая положение промышленности в Соед. Штатах и Англии, „The Economist" констатировал (в статье „The Process of trade recovery", 3. VI. 1922), что движение вперед совершается, но со скоростью улитки (at a snail's pace).

„Harward Committee on Economic Research", в отношении промышленной ситуации в Соед. Штатах за первую четверть 1921 г., констатировал перевес положительных факторов, хотя не в такой степени, в какой этого в стране ожидали. Нью-Йоркский корреспондент „Frankfurter Zeitung" (28. V. 1922) сообщал в начале мая 1922 г., что „все наблюдатели согласны с тем, что экономическое положение Соед. Штатов обнаруживает признаки улучшения. В одних отраслях промышленности это указывается больше, в других меньше, в семи или же восьми отраслях таких признаков еще совсем нет". Среди оживающих отраслей промышленности первое место занимает строительное дело, что влечет за собой повышение деятельности ряда других промышленностей. Характерно, что теперь строят больше всего здания для предприятий. Характерно оживление бумажной промышленности, где показательно увеличение спроса на бумагу высших сортов". В Англии процесс оживления промышленности сильно задерживается затянувшейся забастовкой в области механической промышленности, но там отмечают три обстоятельства, которые благоприятствуют оживлению народнохозяйственной деятельности: а) улучшение положения на жизненно важных для Англии рын-

ках („conditions are not unfavourable"), б) некоторая устойчивость в области валютных отношений и в) перестройка отношений в области издержек производства в самой Англии.

Безусловно, все это дает еще слишком мало оснований для того, чтобы с уверенностью заявлять о преодолении кризиса, но вместе с тем совершенно ясно, что углубление кризиса—уже пережитая фаза для промышленности руководящих стран; эти страны, экономическая позиция которых так показательна для состояния мирового рынка, достигли дна кризиса.

Ближайшее будущее покажет, как долго народные хозяйства руководящих промышленных стран будут находиться на „дне" кризиса и с каким темпом пойдет наростание производственной энергии. Но ясно одно, что изжитие кризиса не вернет мирового рынка к нормальным условиям полнокровного экономического равновесия, так как останутся нерешенными крупные проблемы, связанные, с одной стороны, с международными экономическими отношениями, а с другой—с восстановлением народного хозяйства в наиболее пострадавших странах. Но, разумеется, изжитие кризиса будет весьма благоприятным фактором в общем процессе экономического оздоровления.

Сфера мирового рынка наполнена фактами двух категорий—передвижением товаров в пределах внешней торговли и движением капиталов из страны в страну. Обе категории находятся между собою в органической связанности, так как движение капитала по своему существу является или ликвидацией предшествовавших товарных счетов, или основанием для предстоящего передвижения товарных ценностей из страны в страну.

Движение капитала из страны в страну, как основание предстоящих передвижений товарных ценностей, по окончании европейской войны происходило в самых ничтожных размерах, и это обстоятельство было одной из существенных причин сильного сжатия размеров внешней торговли. При помощи внешних займов повышалась покупательная способность должавших стран и соответственно раздвигался рынок сбыта для производящих и кредитующих стран. Разрушение международного рынка в корне подорвало эту основу мирового рынка и мировой торговли. Средства рынка капиталов поглощались государственными займами, выручка от которых шла на ликвидацию финансового наследства войны. Вот, напр., данные о работе английского рынка капиталов, эмиссии которого представлены в следующей таблице. в тыс. ф. ст.:

1911 г.	191.759	1917 г.	1.318.596
1912 „	210.850	1918 „	1.393.381
1913 „	196.537	1919 „	1.036.059
1914 „	512.522	1920 „	367.549
1915 „	685.241	1921 „	388.978
1916 „	585.436		

Таблица показывает, что деятельность английского рынка капиталов в первые годы по окончании войны была в высшей степени напряженной, но в то же время этот весьма напряженный рынок обнаруживал чрезвычайную сдержанность в отношении кредитования как британских владений, так и в особенности заграницы, что можно видеть из следующих цифр, показывающих распределение английской эмиссии ценных бумаг, в милл. ф. ст.:

	1911 г.	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Великобритания . .	26,1	35,9	328,0	276.1
Брит. владения . .	64.9	76,1	31,6	90,6
Заграница	106,6	84,5	7,8	22,2
всего . .	191,7	196,5	367,5	388,9

Таблица показывает, что характер работы английского рынка капиталов совершенно изменился в послевоенные годы по сравнению с довоенным временем. До войны рынок по преимуществу финансировал заграницу и британские владения, после войны он почти отказал загранице (в 1920 г. немного более 2%!) и целиком сосредоточил свою силу на территории Соединенного Королевства, где за счет его богатых рессурсов питался, главным образом, государственный кредит. Но и в пределах этой территории английский капитал, под влиянием промышленного кризиса, обнаружил удивительную сдержанность в отношении промышленности, что можно видеть из таблицы, показывающей распределение английских эмиссий по категориям ценных бумаг, в милл. ф. ст.:

	1911 г.	1912 г.	1920 г.	1921 г.
облигации	132.6	123,0	134,1	347,5
привилегир. акции .	21.1	28.0	78,2	21,0
простые акции . . .	38,0	59,1	155.1	20,4
всего . .	191,7	210,8	367,5	388.9

Обилие капитала, принявшего в 1920 г. форму акций, в 1921 г. под влиянием кризиса, сменилось скромными цифрами.

Но самое существенное было в том, что английский рынок капиталов после войны почти не открывал своих дверей для заграницы. В этом отношении начало 1922 г. оказалось более благоприятным, напомнив давно забытые времена.

Вот эмиссионная статистика Англии за первую половину года, в милл. ф. ст.:

	1912 г.	1913 г.	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Соед. Королевство	24,1	20.3	207,7	70,2	348,7
Брит. владения .	27,9	43.0	21,6	37.6	49.5
Заграница . . .	58,3	57,0	3,8	20,7	50,5
всего .	110,3	120,3	233,1	128,5	448,7

В 1920 г. на английском рынке не было помещено ни одного иностранного государственного займа; за 1921 г. их было помещено на 5,9 милл., в первой четверти 1922 г. иностранные займы делаются обиходным явлением и английский капитал уходит заграницу в порции, превышающей довоенное время. Это обстоятельство служит положительным доказательством восстановления международного рынка. В Англии оценили значение внешнего кредита, как средства восстановления коммерческих отношений. По поводу чилийского займа на рынке С.-А. Соед. Штатов английские газеты писали: „политика отпугивания иностранных заемщиков от английского рынка приводит к ущербу для наших интересов, так как страны, которые ранее, как правило, появлялись на лондонском рынке, ныне, обыкновенно, обращаются в Нью-Йорк" („Daily Telegraph", 11. X. 1921).

Соед. Штаты, силою об'ективных обстоятельств, сделались виднейшим финансовым центром и поэтому рынок капиталов Соед. Штатов стал притягивать к себе взоры заемщиков как Нового, так и Старого Света. Вот данные относительно деятельности рынка капиталов Соед. Штатов в первую четверть ряда последних лет, в милл. долл.:

	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Займы долгосрочн. .	223,5	441,3	555,7
„ краткосрочн.	228,6	118,1	71,5
акции	451,2	89,1	95,7
всего . .	903,3	648,5	772,9

Государственных займов в марте 1920 г. не было ни одного, в марте 1921 г. их было на 10 мил. дол., в марте 1922 г. на 77 мил. долл. („Daily Telegr." 11. V. 1922). Иностранные займы на американском рынке, обыкновенно, сопровождаются заказами американской же промышленности, напр., чилийский заем 1921 г. на 25 мил. песо и 10 мил. долл. был заключен в целях электрофикации чилийских железных дорог. Оборудование было передано американской фирме Westinghous Electric Company.

Но попытки обязательно связать заем и заказ иногда действуют отрицательно на движение капитала. Причина этого лежит в том, что заем заключается в высоковалютной стране,

что очень выгодно заемщику, но доход от займа заемщику, конечно, выгоднее израсходовать в низковалютных странах. Ясно, что последнее обстоятельство невыгодно для страны-кредитора. Попытки руководящих швейцарских банков предоставить займы различным восточным странам на условии, что выручка от займов должна быть израсходована на покупку швейцарских фабрикатов, все окончились неудачей. Купцы восточных стран считают швейцарские товары слишком дорогими даже и в том случае, если эти товары будут ссужены на условии долгосрочного кредита. Так, напр., обстояло дело с займом Чехо-Славакии. Вопрос же о предоставлении займов без обязательства заказов в Швейцарии серьезно не рассматривался, хотя там деловой мир склонен думать, что политика туго сжатого кулака может, с течением времени, нанести серьезный ущерб швейцарской промышленности („The Economist", 22. IV. 1922; корреспонденция из Швейцарии).

Помимо этого препятствия на путях международного кредита существуют и другие. Напр., Франция все еще удерживает в силе закон 3 апреля 1918 г., воспрещающий вывоз капитала и ввоз ценных бумаг. Равным образом, и в Германии продлен действием до 31 марта 1923 г. закон, воспрещающий вывоз капитала.

Следует также отметить, что не малым препятствием к оживлению международного кредита является также и то существенное обстоятельство, что капитал сейчас еще очень дорог, гораздо дороже, нежели он был до войны. Если взять английский рынок капиталов и разбить его эмиссии 1921 г. по размеру процента реализованных государственных, муниципальных и промышленных облигаций, то получится следующая картина, в тыс. ф. ст.:

	1913 г.	1920 г.	1921 г.
Доход от 3 % до 4 %	60	—	—
„ „ 4 „ „ 4½ %	1.182	—	—
„ „ 4½ „ „ 5 %	2.582	—	—
„ „ 5 „ „ 5½ %	6.852	—	—
„ „ 5½ „ „ 6 %	5.158	140	—
„ „ 6 „ „ 6½ %	9.252	671	—
„ „ 6½ „ „ 7 %	—	2.925	1.520
„ „ 7 „ „ 7½ %	—	4.110	6.920
„ „ 7½ „ „ 8 %	—	7.153	18.026
„ „ 8 „ „ 8½ %	—	12.122	7.655
„ „ 8½ „ „ 9 %	—	5.702	3.857
„ „ 9	—	3.437	1.935
Всего . .	25.086	36.263	39.896
Средний доход	5,5 %	7,92 %	8,09

Приведенная цифровая картина настолько выразительна, что она не нуждается в пояснениях. Ее можно дополнить следующими данными:

Средние годовые

	Оффиц. учетн.%	Учетн. % 3-мес. векселей.	Эмисс. % частн. облиг.	Эмисс. % госуд. облиг.
1913 г.	4 ф. 7 ш. 5 п.	4 ф. 7 ш. 5 п.	5,5	4,77
1920 г.	6 „ 16 „ 4 „	6 „ 7 „ 11 „	7,92	6,05
1921 г.	6 „ 2 „ 4 „	5 „ 4 „ 3 „	8,09	6,49

Отметим еще один факт, характеризующий рынок капиталов. Современные займы отличаются небольшими размерами, что свидетельствует о большой осторожности рынка и о сравнительно небольшой его емкости. Осторожность рынка иногда поражает самих его руководителей, напр., $4^1/_2$ % заем Нового Южного Уэльса в 5 мил. ф. ст., предложенный лондонскому рынку в мае 1922 г., был покрыт всего только в размере 6% об'явленной суммы; в остальной своей части он остался на руках посредников, очевидно показавшись малопривлекательным для публики („Chicago Tribune", europ. ed 18. V. 1922). Этот провал очень изумил лондонские биржевые сферы и является весьма показательным.

В заключение следует еще сказать несколько слов о больших скоплениях золота в Америке, как основе международного кредита. К маю месяцу 1922 г. золотые запасы федеральных резервных банков Соед. Штатов перевалили за 3 млд. долларов, увеличившись с 1 янв. на 130 млн., а с мая по май—на 642 млн. Но эти запасы всего менее могут послужить основою международного долгосрочного кредита. В этом отношении интересно неоффициальное заявление руководящего органа—Federal Reserve Board. В Вашингтоне ежегодно собираются управляющие 12 резервных банков для обсуждения общих вопросов. На такой встрече в мае 1922 г. было установлено, что банки—члены федерально-резервной системы могут покупать европейские акцептированные векселя и платить за них золотом, но при условии, что эти векселя выписаны на срок не более 90 дней и что они возникли на почве коммерческих сделок, т.-е. на почве ввозной или вывозной торговли. Но никаких акцептов эти банки не купят, если дело идет о покупке государственных фондов или ссудах правительствам. Эти ограничения не относятся к банкам, не состоящим членами федерально-резервной системы, которые и могут быть посредниками в деле реализации государственных займов на американском рынке („Morning Post", 6. V. 1922). Таким образом, американское золото может сыграть огромную роль в восстановлении Европы, но только

в рамках обычного коммерческого кредита. Установить это обстоятельство весьма важно, так как весьма часто американское золото, скопившееся, главным образом, в руках федеральных резервных банков, неправильно учитывают с точки зрения способов его использования для нужд Европы.

Необходимо также иметь в виду и то обстоятельство, что в современных условиях невозможны внешние государственные займы в той форме, в какой они практиковались в военное время, когда и кредиторами, и должниками были правительства. По крайней мере, на годичном собрании торговых палат Соед. Штатов в мае 1922 г. в Вашингтоне об этом совершенно определенно заявил министр промышленности Хувер. Хувер сказал, что совершенно невероятно, чтобы Соед. Штаты, как правительство, снова приняли бы участие в каком-либо правительственном займе („The most unlikely event on the economic earth is that the United States, as a Government, will again engage in any Governmental loans"). По мнению Хувера, финансовая помощь со стороны Соед. Штатов может принять форму только обычного займа на свободном рынке. Чтобы привлечь к займу частные капиталы Америки, необходимо стремление к миру и экономической устойчивости. Займы должны заключаться на производительные цели. Доставка сырья, сооружение средств сообщения, предприятия общей пользы, устройство фабрик и налаживание производства во всем мире, вот, по мнению Хувера, куда может пойти американский капитал с пользою для должника и для кредитора. Но займы на денежные расходы, на сбалансирование бюджетов, на поддержку раздутого денежного обращения, по мнению Хувера, будут двойною потерею для мира („The Economist", 3. VI. 1922).

Таким образом, в области международного движения капиталов, в общем, пути расчищаются, хотя до сих пор на этих путях имеются значительные, но не непреодолимые препятствия. И если сейчас эти препятствия все еще очень сильны, то в то же время можно наблюдать усиление тех струй, которые медленно наполняют старые каналы международного движения капиталов, того движения, которое является одною из немногих основ международного экономического общения. Когда весною 1922 г. американскому рынку был предложен заем Чехословакии в 15 млн. долл., то он был покрыт публикою в 10 раз. В этом обстоятельстве, конечно, нет никаких оснований усматривать особые симпатии американской публики к Чехословакии. Такое перепокрытие свидетельствует лишь о том, что в Америке есть повышенная потребность в помещении для капитала, а это очень благоприятное показание для всех стран, испытывающих потребность в иностранных капиталах.

На упомянутом выше съезде американских торговых палат Хувер перечислил те общие условия, которые значительно облегчат содействие Америки в деле экономического восстановления Европы. В данном случае Хувер развил те свои мысли, которые он сообщил в опубликованном ранее письме на имя английского финансиста Фрэсера („Daily Telegr". 21. XI. 1921). Первым условием Хувер считает установление в Европе таких политических условий, которые, уничтожив атмосферу войны, создали бы действительное мирное настроение. Во-вторых,—сокращение военных расходов, и не только в целях сокращения государственных расходов, но в интересах мира. В третьих, необходимо установление размеров межсоюзнических долгов и германских платежей на такой основе, которая позволила бы добросовестно выполнить эти обязательства. В четвертых, необходимо сбалансирование государственных бюджетов не столько введением новых налогов, сколько сокращением государственных расходов и прекращение выпуска бумажных денег и краткосрочных обязательств. И, в пятых,—возвращение к золотой валюте с помощью займов и, где это необходимо, с уменьшением золотого содержания в старых золотых единицах. Если эти условия будут выполнены,—заявил Хувер,—то экономическое восстановление пойдет таким темпом, который изумит мир („The Econom". 2. VII. 1922. Стр. 1151).

Сказанное полезно дополнить фактическими данными, характеризующими движение капитала из Америки в Европу в послевоенную эпоху. У нас имеются по этому поводу два интересных подсчета. Один принадлежит известной американской финансовой компании „Guaranty Trust Company", которая в своем издании „Guaranty Survey" указывала, что с 15 ноября 1918 г. по 15 ноября 1921 г. Соед. Штаты ссудили европейским правительствам наличными и предоставили товары в кредит на 3 млд. долл. К этой сумме следует добавить еще 1 млд. долл., помещенный американскими капиталистами в Европе, начиная с 1919 г. до мая 1922 г. „Guaranty Survey", принимая во внимание размеры и население Великобритании и Соед. Штатов, приходит к заключению, что в послевоенные годы экспорт капитала из Америки в Европу происходил в масштабе довоенных эмиссий на английском рынке капиталов. Эта миграция американского капитала, по словам названного источника, покоится на твердой базе, так как в Соед. Штатах имеется изобилие капитала, а вексельные курсы обеспечивают выгодность его помещения в Европе („Daily Telegraph", 13. VI. 1922 г.).

Не менее интересны сведения, сообщенные в месячном циркуляре нью-йоркского „National City Bank'a" (Цит. „The Econom". 1. VII. 1922). Эти сведения интересны в том отно-

шении, что они детализируют данные о том миллиарде долларов частных европейских займов на американском рынке, о котором говорит „Guaranty Survey". В следующей таблице подсчитаны в первой колонне цифр суммы иностранных ценных бумаг, купленных Соед. Штатами; во второй колонне представлены сальдо активного баланса внешней торговли Соед. Штатов, включая сюда золото и серебро, в тыс. долларов:

	Приобрет. бумаги.	Сальдо активного баланса
1921 г.		
Январь . . .	50,500	+16,422
Февраль . . .	40,525	230 809
Март	24,810	47,195
Апрель . . .	1,566	4,627
Май	76.200	63,085
Июнь	13.250	106,203
Июль	43,369	87,108
Август	49,000	83,780
Сентябрь . .	97.560	82,392
Октябрь . . .	47,438	113,066
Ноябрь . . .	67 079	31,345
Декабрь . . .	58,850	30,840
Итого за 1921 г.	573 440	1.296,872
1922 г.		
Январь . . .	92,328	34,771
Февраль . . .	57.768	9,351
Март	155,513	39,851
Итого за 3 мес.	305,627	83,973
Всего за 15 мес.	88[illegible]087	1.390,845

Приведенная таблица показывает, что колоссальное сальдо активного торгового баланса С.-А. Соед. Штатов служило экономическою основою для кредитования Европы и этим самым поддерживало американскую внешнюю торговлю. Не получая от Европы полного эквивалента за отпущенные товары, а принимая в расчет ценные бумаги, Америка тем самым помогала выравниванию курса европейских валют в отношении доллара. Из следующей таблицы ясно будет видно влияние того фактора, который статистически представлен в предшествующей таблице:

Таблица вексельных курсов в Нью-Йорке:

	Паритет.	30. XII. 1920.	30. XII. 1921.	1. VII. 1922.
Курс на				
Лондон .	4,86 долл.	3,53	4,21 3/4	4,42 1/2
Париж .	19,30 цент.	5,93	8,09	8,42
Рим . . .	19,30 „	3,48	4,37	4,72
Берлин .	23,83 „	1,37	0,55	0,27
Амстердам	40,19 „	31,45	36,90	38,43
Копенгаген	26,80 „	15,65	20,20	21,35
Стокгольм	26,80 „	19,98	25,25	25,61

Табличка показывает, что, за исключением германской марки, находящейся в особых условиях, курсы европейских валют на нью-иоркской бирже улучшились, что в первую голову следует приписать экспорту американского капитала в Европу. Премия на доллар значительно сократилась.

Вопрос о восстановлении внешнего кредита для таких стран, которые после войны этот кредит утратили, был в 1922 г. темою длительного совещания банкиров разных стран, созванного по инициативе репарационной комиссии, в Париже, между 24 июня и 10 июля 1922 г. Как известно, это совещание окончилось в ничью, вследствие противодействия Франции, не желавшей допустить пересмотра финансовых обязательств, возложенных на Германию версальским миром. Совещанию банкиров была поставлена задача — определить условия внешнего международного займа для Германиии в целях облегчения ей выполнения версальских обязательств.

Германия уплатила странам Антанты ничтожные суммы по сравнению с общим итогом ее версальских обязательств. С 11 ноября 1918 г. до 30 апреля 1922 г., по сведениям, сообщенным Р. Горном в английском парламенте (см. „Daily Telegraph“, 5. VII. 1922), версальский счет Германии в его активе имел следующий вид:

Германия внесла золотом и валютой	1.426	млн. зол.	марок.
„ „ товаром	3.047	„ „	„
уступленными госуд. имуществами .	2.504	„ „	„
	6.977	„ „	„

Из этой суммы следует вычесть расходы по оккупации на 2.344 млн. зол. марок и 392 млн. зол. марок погашения по угольному авансу, так что на долю репарационных платежей остается 4.242 млн. зол. марок. В этот счет не включены расходы по содержанию американских оккупационных войск, что до 30 апреля 1922 г. составляет 1.067.000.000 золотых марок.

Лиха беда — начало, говорит русская пословица. А для Германии начало уже оказалось лихим, так как ее финансы, а в особенности ее расчетный баланс пришли под влиянием подсчитанных выше взносов в полное расстройство, что до крайности уронило курс бумажной марки.

В предвидении финансовой катастрофы банкиры и должны были разработать схему займа для Германии. Но совещание банкиров, лишенное возможности рассмотреть германский финансовый вопрос по существу, пришло к отрицательному выводу относительно перспективы займа. В докладе совещания имеются интересные указания по вопросу о восстановлении внешнего кредита стран, утративших этот кредит.

Обсуждая вопрос о возможности внешнего займа для Германии, при наличии непересмотренных версальских обязательств, совещание банкиров отметило следующие трудности положения: восстановление общего кредита Германии невозможно до тех пор, пока ссужающая публика не получит уверенности в том, что обязательства, возложенные на Германию, соответствуют ее платежеспособности и что сама Германия имеет твердую волю выполнить эти обязательства. Ссужающая публика, не получив такой уверенности, будет опасаться финансового и политического банкротства Германии. При наличии такого опасения, хотя бы и по отношению к отдаленному будущему, невозможно найти хорошее обеспечение займа, по своим размерам долженствующего принести Германии существенное облегчение. Таможенные пошлины,—лучшее обеспечение займа,—под угрозою возможного банкротства страны и при условии долгосрочности займа, перестают быть достаточной гарантией займа. Капиталисты Соед. Штатов и Англии не найдут заем привлекательным, если они не будут уверены в том, что заем прочно решает вопрос о репарационных обязательствах. Если бы при этих условиях и удалось заключить заем, то это создало бы в лучшем случае передышку, во время которой и сама Германия, и весь мир был бы под угрозой дальнейших осложнений в отношении нерешенных вопросов. Неопределенность же положения является серьезным препятствием на путях к экономическому восстановлению. Иностранные кредиторы, потерявшие на обесценении германской марки, вряд-ли проявят интерес к займу, если они не будут уверены в том, что заем послужит к оздоровлению германского денежного обращения.

Переходя к вопросу о будущих возможностях займа, совещание банкиров установило следующие положения: первые два существенные условия внешнего займа во всякое время сводятся к тому, что публика должна быть уверенной в усилиях Германии поставить свои финансы на устойчивую базу и в устранении неустойчивости в отношении репарацион-

ных обязательств. Американские банкиры и капиталисты должны быть уверены в том, что заем для облегчения Германии есть результат единодушного активного желания Европы, деятельно содействующей успеху займа. Некоторые члены совещания указали, что, одновременно с выяснением финансовых условий Германии, следует принять во внимание финансовую позицию европейских государств в отношении их внешней задолженности, так как всякая финансовая льгота по адресу Германии неизбежно затрагивает вопрос о платеже-способности в области внешнего долга тех европейских государств, которые по версальскому миру получают с Германии. Элемент неустойчивости, который обостряет бремя германских платежей, равным образом, является серьезным фактором в вопросе о междусоюзнической задолженности. (См. „Journal des débats" 12. VI. 1922, или „Times" от того же числа).

Таков был приговор международного совещания европейских и американских банкиров по специальному вопросу о возможности крупного международного займа в пользу Германии ради оздоровления ее экономического положения. Но этот приговор имеет, конечно, и более широкое значение, так как он обрисовывает постулаты современного международного кредита.

Ясно, что в германском случае задача восстановления экономического равновесия, при наличии версальских обязательств, вообще смахивающая на задачу квадратуры круга, неразрешима без широчайшего участия международного кредита. С другой стороны, и главный кредитор Германии—Франция—заявляет, что ее экономическое благополучие теснейшим образом связано с исправным поступлением германских платежей. Во Франции этот вопрос формулируется просто: или банкротство Германии, или банкротство Франции, так пусть лучше наступит банкротство Германии!

Нет никакого сомнения в том, что в такой постановке вопроса много политики и мало экономики. Экономически банкротство Германии никому невыгодно, невыгодно оно и Франции, так как и для Франции очень полезно оздоровление мирового хозяйства, этого экономического многочлена, в котором Германия играет весьма существенную и об'ективно полезную роль.

Если Германия, действительно, заплатила бы Франции то, что последней причитается по версальскому договору, то все равно в конечном счете из этих платежей ни одной марки не останется для расходов по восстановлению разрушенных войною французских областей, так как с получающей контрибуцию Франции будут потребованы ее внешние военные долги. Конгресс С.-А. Соед. Штатов уже вотировал закон, по которому Франция должна заплатить долг Америке в течение

25 лет, уплачивая за это время по $4^1/_2\%$ на капитал долга. Французский сенатор H. Touvenil сделал подсчет того, что Франция может получить с Германии и того, что она должна выплатить союзникам за военные долги. Сальдо этого подсчета для Франции весьма неутешительно. Подсчет произведен в золотых германских марках и представляет следующую картину:

Пассив	Ежегодная квота.
Франц. долг Соед. Штатам 13 млд. зол. марок . . уплачиваемый в 25 лет, с оплатой по $4^1/_2\%$, ежегодно	876.000.000
Франц. долг Англии 11.600 млн., 25 лет, по $4^1/_2\%$ ежегодно	781.000.000
Всего ежегодно .	1.657.000.000

Актив.	
Ежегодное получении с Германии, именно, 52% из 3 млд. зол. марок годового взноса Германии (предполагая, что Германия не получит моратория и скидки)	1.560.000.000
Дефицит . .	97.000.000

Таким образом, если все останется без перемен и Германия вынуждена будет уплачивать свой „репарации“, то в конечном счете Франция не только не сможет удержать в своих руках получаемые от Германии суммы, но будет вынуждена ежегодно доплачивать 97 млн. зол. марок или приблизительно 300 млн. франков.

Отсюда ясно, что спасение Франции лежит, прежде всего, в самой Франции, в ее внутренних производительных силах. Восстановление разрушенных войною областей произойдет только за счет текущего народнохозяйственного дохода самой же Франции. И мы хотели бы воспользоваться примером, именно, Франции, для того, чтобы показать, как при помощи внутренних сил и энергичной работы страна залечивает раны, нанесенные ей войною. Не будем много говорить о том, как сильно пострадала Франция от войны. Война нанесла этой стране весьма тяжкие ущербы, разрушив ряд ее цветущих областей, испепелив множество городов и селечий и обратив их в изуродованную пустыню. В ряде районов опустошения были столь значительны, что стоимость восстановления превосходит стоимость земли и зданий. Франция не стала дожидаться германских рапарационных платежей и весьма скоро по окончании войны принялась за восстановление разрушен-

ных областей своими средствами. Достижения Франции в этом большом деле заслуживают полного внимания и пристального изучения, так как здесь снова, в очень большом масштабе, подтверждается старинный опыт человеческих обществ, в свое время формулированный Дж. Стюартом Миллем, именно, что после войн и больших катастроф страны оправляются очень быстро.

В последний раз полную картину реставрационных и репарационных работ в разрушенных областях Франции нарисовал министр освобожденных областей Франции Ch. Reibel в специальном номере, изданном парижской редакцией газеты „The Chicago Tribune" (11. VI.1922).

Задача, вставшая перед Францией, была по истине колоссальна. В 10 департаментах, подвергавшихся неприятельскому нашествию, 1.050 общин были совершенно разрушены, 1.235 потерпели ущерб в размере свыше 50% и 2.169—менее 50%. Только 374 общины оказались без повреждений. В четырех департаментах (Somme, Oise, Ardennes et Meuse) не осталось ни одного селения. 289.147 домов были совершенно уничтожены, 164.317 домов были сильно и 258.419 домов частично повреждены. В области водного снабжения оказалось, что 29.851 колодец были совершенно уничтожены, 93,107—нуждались в ремонте, 25.809—были отравлены, 105.477—нуждались в очистке; в очистке нуждались 2.542 гектаров прудов и 8.662 километров рек. 3.373.000 гектаров земли, из которых 2.096.625 пахотной, предстояло привести в порядок; 406.330 гектаров пастбищ, 577.973 гект. леса, 46.299 гект. водоемов и 209.775 гект. застроенной площади нуждались в приведении их в порядок. Среди этой площади 116.640 гектаров оказались в таком состоянии, что стоимость ремонта превышала их капитальную стоимость. Приходилось засыпать 333.000.000 куб. метров окопов, удалить проволоку с площади в 375.000.000 кв. метров. Пахотные поля в Somme и Pas-de Calais были унитожены полностью. Разумеется, повсюду в пострадавших районах исчез живой инвентарь. Нужно было привести в порядок 53.830 километров дорог; 4.677 дорожных сооружений было уничтожено. Для починки дорог нужно было привезти 14.825.000 тонн различных материалов. На железнодорожных путях было повреждено 4.630 км. Две трети каменноугольных копей Nord Pas-de Calais было повреждено. В общем, в угольной промышленности ущерб был оценен в 210 млн. фр. Из 200 газовых заводов—150 были повреждены. В металлургической промышленности были уничтожены или существенно повреждены 50 доменных печей; здесь убытки составили 3.400 млн. фр. В текстильной промышленности 90% подверглось разрушению или порче. 145 сахарных заводов, 11 рафинадных и 72 винокуренных завода были разрушены или ограблены и т. д. и т. д.

Но уже к 1 ноября 1921 г.—4.218.171 человек вернулись в разрушенные районы. 2.181.131 чел. жили уже в частично ремонтированных домах, 671 дом был заново построен, 181.839—было временно устроено и 147.800 тщательно отремонтировано. Для этого дела возникло 1.720 кооперативов с 121.945 членами. Из 3.255 общин, в которых жизнь была совершенно уничтожена, 3.227 восстановили свое нормальное существование. Из 7.271 довоенных школ было открыто 6.884. Из 1.292 почтовых учреждений было востановлено 1.295 (в том числе 426 уцелевших). К указанному сроку 52.446 колодцев были приведены в порядок и 22.328 были подвергнуты дезинфекции. К концу 1921 г. было очищено 2.985.495 гект. земли и закопано 256.857 куб. метров окопов, было также удалено 288 млн. кв. метров проволочных заграждений. 314 деревень было восстановлено и 422 деревни находились в постройке. 1.467.776 гект. пахотной земли можно было уже снова пахать. В области восстановления сельскохозяйственного производства достижения были особенно значительны: через три года по заключении перемирия, 10 разрушенных департаментов не только производили достаточное количество зерна для собственного пропитания, но уже собирались продавать в другие части страны. Департамент мотокультуры обработал 255.571 гект. земли, министерство освобожденных областей насытило пострадавшие районы сельскохозяйственными машинами, среди них предоставило 602 трактора. Правительство двинуло в эти районы, на льготных условиях, значительные количества скота.

В области дорожного дела—33.043 километра гужевых дорог были подвергнуты легкому ремонту и 18.456 кл.—основательному, восстановлено 3.175 дорожных сооружений и было употреблено свыше 6 млн. тонн материалов. Из 2.230 км. местных железных дорог—1.036.718 клм. было отремонтировано. 1.120 км. водных путей было разрушено, из них 1,027 кл. было приведено в порядок. 81,3% пострадавших промышленных предприятий к концу 1921г. работали уже полным ходом.

Таковы были достижения к концу 1921 г. Дальнейшая работа по восстановлению пошла, конечно, легче, так как восстановление гужевых, водных и железнодорожных путей, а также местной промышленности значительно облегчили задачу восстановления.

На эту большую работу к концу 1921 г. было затрачено государством приблизительно 26 миллиардов франков. Мы не будем входить в детали финансовой техники, при помощи которой эти миллиарды были добыты и потом розданы; заметим, что здесь могущественную роль сыграл кредит, внутренний кредит самой Франции, создавшей специальное учреждение „Credit National“. Нас в данном случае интересует

другой вопрос—откуда были взяты те материальные рессурсы, за счет которых разрушенные области Франции приводились в порядок? Ясно, что эти рессурсы (не деньги, а именно материалы) были добыты, главным образом, в пределах самой Франции, из ее текущего народохозяйственного дохода. Часть этих рессурсов добывалась тут-же, на месте, что видно из того, что к концу третьего года работ—10 разрушенных департаментов были уже в состоянии прокормить себя своим собственным хлебом. Текущий народохозяйственный доход всегда и везде является тем чудодейственным источником, из которого непрестанно льется вода жизни, оживляющая страну после пережитых тяжелых испытаний, после разорений, неизбежно сопровождающих каждую войну. В этом источнике и лежит залог восстановления утраченного экономического равновесия. Если порою, смотря по обстоятельствам, народохозяйственного дохода оказывалось недостаточно для большой работы восстановления, то или процесс восстановления шел более медленным темпом, или страна прибегала к иностранной помощи. В первом случае говорили, что время залечивает раны, т. е. то, что было не под силу трем—пяти народохозяйственным годовым оборотам, делалось в 10—15 лет. Во втором случае процесс ускорялся приливом материальных рессурсов из-заграницы. Но ведь и в данном случае народохозяйственный доход выздоравливающей страны был тем единственным источником, из которого нация черпала воду жизни, так как заем заграницей представляет собою ссылку на будущий народнохозяйственный доход занимающей страны. Занятые суммы будут покрываться из текущего народнохозяйственного дохода и будут выплачены, по меньшей мере, в двойном размере. Следовательно, и здесь „время лечит", только тягостность ожидания результата переносится на страну ссужающую капиталы и этот перенос соответствующим образом оплачивается.

Но, в конце концов, задача восстановления — задача народнохозяйственной деятельности, задача для труда, энергии и ума нации.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие. 3

I. Последствия войны.—Падение производительности.—Военные расходы.—Мирные военные расходы.—„Европа без мира".—Истребление войною накопленного богатства.—Версальский счет.—Ослабление процесса воспроизводства.—Жилищный кризис.—Железнодорожное строительство.—Искажение системы потребления.—Нарушение экономического равновесия.—Новые государства и их экономический баланс.—Перестройка отношений между Европой и Америкой 5

II. Основные экономические факты.—Послевоенное производство и добыча угля, чугуна и стали.—Каменноугольная промышленность различных стран.—Уголь в Англии.—Мировой коммерческий флот.—Фрахты.—Внешняя торговля различных стран.—Валюта и внешняя торговля.—Внутренняя и внешняя стоимость германской марки, итальянской лиры. 22

III. Движение цен.—Сложность вопроса о послевоенных ценах.—Отсутствие твердого измерителя во многих странах.—Новые рыночные условия.—Хлебные цены.—Регулированные цены.—Основные тенденции в развитии послевоенных цен.—Английский индекс цен.—Оптовые и розничные цены.—Стоимость жизни в Англии.—Товарные цены в Англии.—Движение цен в Соед. Штатах.—Движение цен во Франции, Италии, Швеции и Японии.—Германия. 44

IV. Кризис.—Осень 1920 г.—Кризис „перепроизводства".—Кризис в Японии и Аргентине.—Кризис в текстильной промышленности.—Валютный фактор и кризис.—Польша.—Венгрия.—Швейцария.—Рынок алмазов.—„Год необычайной депрессии".—Безработица в разных странах.—Сокращение заработных плат.—Американский опыт с дефляцией.—Послевоенная депрессия и кризис 60

V. Долги, налоги и дефициты.—Бюджетное расстройство.—Кризис податных систем и государственного предпринимательства.—Государственная задолженность послевоенной эпохи.—Мировая задолженность.—Внешние долги.—Междусоюзнические военные долги.—Европа и Америка.—Англия и европейский континент.—Проблема ликвидации военных долгов.—Точка зрения американского сенатора Клэрка.—Точка зрения английского финансиста.—Финансы С.-А. Соед. Штатов.—„Демобилизация" американского бюджета.—Английский бюджет.—Финансы Франции.—Финансы Италии, Чехословакии и др. стран.—Обозрение европейских бюджетов.—„Топор экономии".—Милитаризм, этатизм и финансы. 78

стр.

VI. **Восстановление экономического равновесия.**—Равновесие отдельных стран и мирового рынка.—Восстановление разрушенного войной мирового рынка.—Кризис 1920 г., как доказательство восстановленной всемирнохозяйственной связанности.—Последствия войны и последствия кризиса.—Признаки минования глубокой фазы кризиса.—Движение капитала после войны.—Роль английского рынка капиталов.—Американский капитал.—Высокий ссудный процент.—Американское золото.—Вопрос о восстановлении внешнего кредита Германии.—Роль внутреннего кредита Франции в восстановлении разрушенных войною областей.—Народнохозяйственный доход, как главный источник рессурсов для оздоровления страны 114

000226641
ЮФ СПБГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО“

Литейный пр., 28.

М. И. Боголепов. Европа после войны. 1921 г. (распр.)

А. М. Смирнов. Кризис денежной системы французской революции. 1921 г. (распр.)

Карл Диль. Золото и валюта. Пер. А. С. Кагана под ред. М. И. Боголепова. 1921 г. (распр.)

Norman Angell. Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пер. А. И. Ханох, под ред. А. С. Кагана. 1922 г. (распр.)

Б. Д. Бруцкус. Аграрный вопрос и аграрная политика. 1922 г. (распр.).

И. М. Кулишер. Международные торговые договоры, ч. I. 1922 г.

— Международные торговые договоры, ч. II. 1922 г.

В. Э. Ден. Новая Европа. 1922 г.

В. М. Штейн. Экономическая политика. 1922 г.

М. И. Боголепов. Европа во власти кризиса. 1922 г.

Густав Кассель. Мировые проблемы денежного обращения. Перев. под ред. и с предисловием ***М. И. Боголепова*** в (печати).

Фридрих Бендиксен. Природа денег. Пер. А. С. Кагана (в печати).

„Экономическое Возрождение“. Ежемесячный журнал, под ред. ***М. И. Боголепова*** и ***В. М. Штейна*** Вышли №№ 1 и 2.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ—Книжный склад „ПРАВО“, Литейный, 28.
МОСКВА—Книжный склад „ОСНОВЫ“, Газетный, 10.